

Виктор Невинский

Под Одним Солнцем

Очередная советская лунная экспедиция, проводя плановые исследования в районе кратера Тимохарес, натолкнулась на удивительную находку, значение которой трудно переоценить.

Передвигаясь по безжизненной и пустынной поверхности Луны, космонавты неожиданно увидели подточенный временем и микрометеоритами обелиск, сложенный из неизвестного материала. Как памятник, установленный в ознаменование победы над бескрайним пространством, возвышалось это сооружение на каменистой равнине нашего спутника, возвекая людям о тех, кто побывал на нем задолго до нашего прихода.

Некоторое время назначение обелиска оставалось загадочным, а строители его неизвестными. Но затем., возле основания обелиска, глубоко в толще породы, там, где температура держится на неизменном уровне и куда почти не проникает жесткая составляющая солнечного излучения, был обнаружен голубоватый полуметровый цилиндр, изготовленный из необычайно прочного монокристаллического вещества. Цилиндр оказался капсулой времени, сейфом, который хранил в себе Послание Человечеству Земли, оставленное нам далекими предшественниками по разуму, населявшими некогда Марс и посетившими нашу планету в давно минувшую геологическую эпоху.

Среди разнообразных материалов и документов, найденных внутри сейфа, большой интерес представляет так называемая «Рукопись» — записки астролетчика, рядового представителя исчезнувшей навсегда цивилизации, в которых он повествует о некоторых эпизодах своей жизни.

Перевод Рукописи осуществлялся большой группой специалистов-математиков, лингвистов при консультации ученых других отраслей знаний, с привлечением новейшей вычислительной техники. Из всех материалов, оставленных нам марсианами, расшифровка Рукописи оказалась наиболее сложным делом. Это была трудная и увлекательная работа, о которой можно было бы написать целую книгу.

В отличие от выпущенного ранее комментированного научного перевода, настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей. Здесь произведены некоторые сокращения, отдельные отрывки переданы лишь приблизительно (последнее относится главным образом к разговорной речи, изобилующей труднопереводимыми идиоматическими оборотами), многие слова, понятия и выражения даны в соответствующих по смыслу земных эквивалентах. Незнакомые меры веса, длины, времени и другие, после пересчетов, представлены в общепринятых на Земле величинах.

Однако, несмотря на исключительные трудности перевода, сделано все, чтобы сохранить смысл и безыскусственную манеру изложения оригинала.

Марсианские наименования небесных светил оставлены без изменений. Так они звучали в устах тех, кто на много миллионов лет опередил нашу историю и первым пронес знамя победившего разума с планеты на планету. Они возникли на родине древнейшего человечества, которому светила красивая голубая звезда Арбинада — наша родная Земля.

РУКОПИСЬ

Если человек, у которого от двадцати написанных кряду строчек устаёт рука, вдруг берётся за перо, значит на это его толкают серьёзные причины. Я не люблю писать, но когда пишешь, то невольно отвлекаешься от горестных дум. А на душе у меня сейчас так скверно, как никогда. Нервы стянуло в один болезненный клубок, я чувствую себя истерзанным сомнениями и страхом. Мы все поступили гнусно. Один приказывал, другие молчали, третьи выполняли приказ. Все, даже биолог, тот, кого я уважаю больше других.

Станный человек Дасар. Какая-то невидимая нить связывает нас с ним. Почему? Люди мы совершенно разные как по общественному положению, так и по образованию. Я ровным счётом ничего не понимаю в гистологической структуре тканей или танце хромосом, о которых он может говорить часами, а он никогда не интересовался астронавигацией. Я инженер, звездолетчик, и это мой заработок. А что для него наука? Труд? Приятное времяпрепровождение? Нелегко в этом разобраться. Он — человек обеспеченный и может не думать о потребностях своего тела. Впрочем, не об этом речь.

Зирн не вернется на Церекс. Сегодня у него на щеке выступило злое пятно, такое же, как было у биофизика. Первым его заметил Млан, и через десять минут об этом узнал весь экипаж. Кор сам вышел в салон и, остановившись против Зирна на расстоянии шага, внимательно осмотрел его лицо.

— Разденься! — приказал он.

Зирн медлил.

— Я жду.

Зирн неуклюже стащил с себя комбинезон и рубашку. На плечах и животе отчетливо виднелись пятна. Мы невольно шархнулись от него. Даже Кор отшатнулся.

— Повернись.

На спине пятен не было, под чистой кожей играли мускулы. Голос Кора прозвучал, как всегда, ровно и холодно:

— Надень скафандр и уходи с корабля. Немедленно, Дасар!

— Э?

— Дайте ему что-нибудь избавляющее от лишних мучений.

Не прибавив ни слова, Кор повернулся и вышел. Мы застыли в каком-то оцепенении, устремив свои взгляды на Зирна. Тот, казалось, не понимал происходящего и растерянно смотрел на нас. Внезапно лицо его исказилось, он сделал несколько шагов, протянул к нам руки, в которых еще держал свою одежду, и повалился на пол, уткнув голову в складки комбинезона.

— Я не хочу... я не хочу... я не виноват, — голос его прерывался, то нарастал, то спадал до шепота.

Мы осторожно стали выбираться из салона. Зирн словно почувствовал это. Он поднял голову и привстал на руках.

— Куда же вы... а я?

Никто не ответил.

— Будь проклят этот Кор! Будьте прокляты вы все! Все!!! Все!!!

Он вскочил на ноги и с искаженным от ужаса лицом бросился к нам. Млан ударом кулака свалил его на пол и выскочил в коридор. Остальные последовали за ним. Кто-то аварийным замком закрыл дверь, в которую яростно стучал Зирн.

Я вошел в свою кабину и упал на койку. Не знаю, сколько времени пролежал неподвижно. В голове стучало, и мысли путались, возникали беспорядочные видения, наползавшие одно на другое расплывчатыми, бесформенными образами.

Внезапно пронизывающий страх овладел мною. Я вскочил с койки и торопливо сбросил одежду. Мне казалось, что такие же пятна выступили и у меня. Я их чувствовал почти физически, лихорадочно искал и не мог найти. Я извивался перед гладко отполированной дверцей шкафа, безуспешно пытаясь осмотреть свою спину, до боли в позвонках гнул шею из стороны в сторону.

Звонок внутренней связи прозвучал резко и неожиданно. С экрана на меня насмешливо смотрело лицо Кора.

— Возьмите себя в руки, пилот. Вы не ребенок.

Я несколько овладел собой и потянулся за одеждой — нелепо было стоять перед взором начальника совершенно голым.

— Слушаю вас.

— Я только что проходил через салон. Зирн еще там. Сам он, наверное, не уйдет. Захватите двух механиков, натяните скафандры и выведите его. Выбросьте также все его вещи. Об исполнении доложите. Все.

— Слушаю вас, — ответил я, натягивая одежду.

— Да, вот еще что, — Кор помедлил, — на всякий случай примите синзан, он может сопротивляться.

Когда мы трое появились в салоне, Зирн сидел на полу, обхватив руками колени и устремив неподвижный взгляд в одну точку. Увидев нас, он понял все. В глазах его мелькнул мрачный огонек и тут же погас, по лицу поползла слабая растерянная улыбка, и злополучное пятно на щеке зашевелилось. Это уже не был Зирн. Перед нами сидел сломленный человек, лишенный даже воли к сопротивлению. Я протянул ему коробку с ядом, взятую у биолога. Он машинально вынул оттуда ампулу и равнодушно положил ее в рот. Оболочка должна была раствориться в желудке.

— Подействует через час.

Он кивнул.

— Это безболезненно.

Он кивнул снова и, опершись на руку Млана, тяжело встал. Мы провели его в тамбур и там тщательно одели в скафандр, снабдив зачем-то полным комплектом дыхательной смеси, энергии и воды. Зирн стоял как манекен, позволяя делать с собой все что угодно, и, только когда открылся наружный люк и внизу показалась серая поверхность Хриса, он уперся руками в стены, не желая покидать корабль.

— Не дури!

Млан легко оторвал его пальцы, вцепившиеся в переборку. Мы спустились на поверхность и пошли в сторону от корабля. В черном небе висели солнце и Арбинада, неровные скалы и нагромождения лавы окружали нас. Мы шли молча. Сатар тащил с собой тюк вещей Зирна, словно они могли ему пригодиться. Прошло полчаса. Дальше идти было бессмысленно, и я остановился.

— Прощай, Зирн, — моя рука легла ему на плечо, — не осуждай и пойми нас...

— Прощай, — голос его звучал глухо.

— Что передать домой? — спросил Млан.

— Все равно... Мне все равно... Зря вы со мной так... Я...

Последовала тягостная пауза. Мы, угрюмо опустив головы, переминались с ноги на ногу.

— Прощай, — Сатар сдавленным голосом прервал затянувшееся молчание, — тебе все равно... даже лучше... биофизик мучился... А ты... мы, может быть, еще...

Я остановил его.

Зирн посмотрел нам в глаза, и на лице его промелькнуло подобие улыбки.

— Прощайте, прощайте все. Вспоминайте... если вернетесь сами.

Он резко повернулся и торопливо зашагал к линии горизонта. Мы молча смотрели ему вслед. Его фигура то скрывалась среди скал, то снова появлялась, освещаемая ярким солнцем. Он шел не оглядываясь, не произнося ни звука, только в наушниках слышалось его порывистое дыхание. Потом послышался хрип и все стихло — Зирна не стало. Сатар сбросил с плеча тюк. Я взглянул на часы, ампула растворилась раньше срока, он мог бы жить еще десять минут.

— Да будет дух его хранить нас!

Мы медленно потащились на корабль, машинально переставляя ноги и думая каждый о своем и каждый об одном и том же. А за нашими спинами среди скал, обжигаемое лучами солнца, лежало мертвое тело Зирна.

Для него все кончилось. Он никогда больше ничего не увидит, ничего не услышит, ничего не почувствует. Неподвижный как камень и как камень безжизненный, он навсегда остался в этом чужом мире. Что-то надломилось в тончайшей организации человека, и тело его превратилось в бессмысленную структуру, в которой теперь возможен только один процесс — разрушение.

Гнусно. Противно. Отвратительно.

И страшно.

Быть может, каждого из нас ждет та же участь. После смерти биофизика на корабле была проведена самая тщательная дезинфекция, но это, как видно, не помогло. Неведомо где, в каких-то тайниках и засадах прячется безжалостный враг. Возможно, мы носим его в себе и он уже выбрал очередную жертву. Кто же следующий должен уйти с корабля?

Нет, хватит! Я начал писать, чтобы отвлечься от тревожных дум, и не достиг цели. Нужно что-то другое. Но что? Как еще я могу успокоить себя? Разве выйти на поверхность Хриса под черной купол неба и свет звезд? Но там лежат Зирн и биофизик. Туда я всегда успею.

В салоне корабля пусто. Все попрятались в свои кабины и сидят запершись, боясь встреч друг с другом. В коридоре стоит крепкий запах халдаана, это Дасар выпустил целый баллон. От него кружится голова — и только. Мне кажется, что халдаан вообще сейчас бесполезен.

Лучше писать. О чем угодно. Можно выворачивать наизнанку душу, описывать свою жизнь, вспоминая прошлое, — других тем я сразу не могу придумать. Но тогда получатся мемуары, которые пишут в старости, удовлетворяя свою потребность поучать молодое поколение. Я не хочу никого поучать. Старость моя еще не наступила, и пожалуй, мне не дожить до нее, судя по нашему отчаянному положению. Но не буду о нем сейчас думать, а лучше вернусь к началу этой экспедиции, — те дни были отраднее...

* * *

Для меня все началось со встречи с Кондом. Благодаря ему, да еще слепой случайности, я оказался в числе участников этой экспедиции. События тогда развивались бурно и стоят того, чтобы писать о них по порядку.

Я приехал в Харту поздно, и когда вошел в здание Государственного Объединения — до конца рабочего времени оставался час с небольшим. Там царила знакомая мне деловая суэта. Будто заведенные автоматы, сновали служащие, плавно скользили подъемники, взбираясь с этажа на этаж, хлопали двери, звенели звонки. Я шел по узким коридорам не торопясь, почти не веря в перемену своей судьбы.

В отделе комплектования экипажей сидел нахмуренный чиновник, сосредоточенно набирая номера на дисках учетно-информационного аппарата. Он неохотно поднял на меня глаза:

— Вы на конкурс?

— Да.

— Имя?

— Антор.

Чиновник взял чистый бланк и начал писать. Я стоял и сверху смотрел на его голову. Она склонилась так низко, что был виден затылок и мочки ушей, которые забавно двигались.

— Возраст? — голос его звучал визгливо, словно кто-то поворачивал несмазанный железный шарнир.

— Тридцать четыре.

— Документы?

Я выложил на стол все, что у меня было. Все свои дипломы, все карты сделанных рейсов. Получилась внушительная пачка. Но ведь и другие принесли сюда не меньше.

— Распишитесь.

— Всё?

— Пока все, поднимитесь наверх и зарегистрируйтесь в медицинской комиссии.

Я направился к двери и, открыв ее, столкнулся с высоким человеком, загородившим своим телом проход.

— Конд! Ты ли это?

— Антор! Здорово, дружище, давно тебя не видел. Рад, честное слово, рад! — Он обошел меня со всех сторон. — Почти не изменился. Молодец. Значит, тоже на конкурс? Мой конкурент, так сказать.

— Взаимно, ты ведь тоже мне сейчас, не помощник.

— Э-эх! — Конд вздохнул. — Проклятая наша жизнь, скажу тебе, Ан. Даже встреча с товарищем и та не может быть до конца радостной. Куда направляешься?

— В медицинскую комиссию.

— Подожди меня, пойдем дальше вместе.

Я уселся на стул и в ожидании принялся разглядывать потолок. Краска на нем кое-где облупилась, а из угла тянулась сеть тонких трещинок. Я думал о словах Конда. Увы, он был прав. Эта неожиданно объявленная экспедиция казалась единственной отдушиной для сидевших без работы астролетчиков, Но таких много, а требуются только двое. Волей-неволей приходилось конкурировать друг с другом, со своими товарищами, с которыми вместе учились, вместе делили опасности своей тяжелой профессии. Последний раз вместе с Кондом мы летали пять лет назад (словно вечность прошла с тех пор!). Тогда у нас все было общее: и жизнь и дело, а теперь вот стали на пути друг друга.

— Ты не уснул? Пойдем к медикам, может быть, меня еще забракуют, тогда сегодняшний ужин за твой счет.

— Брось шутить! — сказал я, вставая.

— Какие шутки! Требования, предъявляемые на этот раз, очень жесткие. Полет на планету с почти утроенной тяжестью не игрушка, а кроме того... Постой, мы правильно с тобой идем?

— Правильно, сейчас налево.

— А кроме того, должны же они кого-то забраковать. Ведь подали на конкурс уже двенадцать, а нужны только двое.

— Могло быть и хуже, — заметил я. — Но тебе опасаться нечего, такого, как ты, не каждый день встретишь.

Он раздраженно махнул рукой:

— Это внешне. Не отрицаю. Девчонки до сих пор на меня глаза пялят. А на самом деле... на самом деле я не тот, что был раньше, поверь мне, дружище. Ты знаешь, где я работал последнее время?

— Откуда же? С тех пор как мы расстались, я о тебе ничего не слышал.

— У Парона, чтоб его вынесло сквозь дюзы. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Имя Парона я, конечно, знал. Оно стяжало себе печальную славу в кругу тех, кто имел отношение к работе в космосе. Всем известно, что существуют два объединения, занимающиеся освоением межпланетного пространства. Одно из них государственное, в руках которого сосредоточены внешние станции на спутниках планет, крупнейшие обсерватории, вычислительные центры и некоторые промышленные предприятия, связанные с постройкой космических кораблей. Другое — частное. Это, как говорится, труба пониже и дым пожиже. Оно занимается перевозкой различных грузов по космическим трассам, а иногда и самостоятельно предпринимает кое-какие исследования. Главой второго, этого чисто коммерческого объединения и был Парон — фигура, прямо скажем, одиозная. О нас, космонавтах, и в Государственном Объединении не слишком заботятся, а у Парона тем более. Техника у него старенькая, и корабли, для увеличения

грузоподъемности, летают с облегченной биологической защитой. Все это я отлично знал по рассказам тех межпланетчиков, вместе с которыми обивал пороги в прошлом году, когда был уволен из Государственного Объединения после сокращения числа рейсовых кораблей.

— И ты ушел в надежде устроиться сюда? — спросил я Конда.

Он неопределенно хмыкнул:

— Как же, ушел! Ты что, совсем меня дураком считаешь? В наше время работу не бросают, тебе это должно быть знакомо. Нет, Ан, меня просто вышибли.

Я удивленно посмотрел на него:

— Вышибли! За что же, если не секрет? Летаешь ты не хуже других.

— Не хуже, — спокойно согласился Конд и вдруг сверкнул глазами, — лучше многих летаю! Ты-то знаешь. А причины разные... Последний раз сел неудачно. Вот тебе официальная причина, если хочешь. Но в этой аварии я не виноват. Техника Парона тебе известна. В последний момент замкнуло испаритель, и двигатель остановился. К счастью, у самой поверхности, уже при нулевой скорости, в противном случае одним конкурентом у тебя сейчас было бы меньше. В общем, шея осталась цела, но меня выставили. А истинная причина, дружище, совсем иная. Ты управляющего секцией перевозок у Парона знаешь?

— Слышал, как же!

— Настоящее животное! Я ему однажды под горячую руку преподнес букет комплиментов. Он, конечно, не упустил случая отыграться. Хорошо еще, дело обошлось без штрафа. Да, но мы, кажется, пришли. Сюда, что ли?

— Сюда, — я толкнул дверь приемной медицинской комиссии.

Мы зарегистрировались у дежурного и покинули здание Государственного Объединения. Стояла чудесная погода. Весеннее солнце ярко светило с лилового небосклона, а ласковый ветер, легко скользя между ветвей, что-то нашептывал в кронах деревьев. Впрочем, все это я вспоминаю теперь, тогда же я не замечал ни тонкого запаха цветущих приниций, ни желтого пуха, плывущего в воздухе. Мы шли, изредка перекидываясь словами, неторопливой походкой людей, которым некуда спешить.

У меня бурчало в животе — я с утра ничего не ел и раздумывал над тем, где раздобыть деньги. Каждый, кто сталкивался с подобной проблемой, знает, что решение ее далеко не из легких. Последнее, что нам с отцом удалось наскрести, было истрачено на проезд в Харту, так как участие в конкурсе требовало личного присутствия.

По пути, как назло, попадались разного рода утробоспасительные заведения, из открытых дверей которых неслись дразнящие запахи. У одного из таких источников ароматов Конд остановился и шумно повел носом.

— Зайдем? — предложил он.

Я сделал слабую попытку отказаться, неуверенно ссылаясь на выдуманный мною недавний обед, но Конд был не из тех, кого можно легко обмануть.

— Так ли? — спросил он, внимательно посмотрев мне в лицо.

— Печатью сытости ты не отмечен, дружище. Может, у тебя просто денег нет? Говори, не стесняйся, со всяким случается. Я, конечно, не выездное отделение банка, но все же...

Он выразительно похлопал по многочисленным карманам и потащил меня вверх по ступенькам прямо в открытые двери ресторана.

Утолив голод, мы вытянули под столом ноги и размечтались. Мечты у нас с Кондом оказались сходные.

— Эх, Ан, — блаженно произнес он, рисуя в воздухе пальцами замысловатую фигуру, — хорошо бы полететь туда вместе, как тогда, помнишь?

Я совсем размяк и утвердительно кивнул отяжелевшей головой. Она у меня затуманилась то ли от непривычной тяжести в желудке, то ли от бокала дурманящего оло.

— Мы получили бы столько, что минимум два года могли бы не интересоваться самочувствием Парона.

— А в случае гибели хорошая страховая премия, тысяч двадцать, кажется, — вставил я.

Полузакрытые глаза Конда широко раскрылись и удивленно посмотрели на меня.

— Ерунду городишь, дружище. Какая тебе премия после смерти? Зачем она? Меня интересует только то, что происходит при жизни. Ясно?

— Ясно, но у меня больной отец.

— А-а, — Конд деликатно шевельнулся на стуле, — я забыл, тогда конечно...

Мы помолчали несколько минут. Неожиданно Конд резко встал, сделал два круга около столика, за которым мы сидели, и снова сел, с грохотом пододвинув стул. Его осенила какая-то идея.

— Скажи-ка, Ан, когда прекращается прием документов?

— Не знаю точно, кажется, через три дня.

— А кто подал, знаешь?

Я перечислил имена астролетчиков.

— Хорошие все ребята, — сказал он, — тем лучше, мы договоримся с ними.

— О чем? — недоумевал я.

Он еще ближе пододвинулся ко мне.

— Не решить ли нам это дело жребием?

— Жребием?

— Ну да! Разобьемся на пары, кто с кем хочет лететь и вручим нашу судьбу случаю. По крайней мере здесь хоть что-то будет зависеть от нас самих, а не от чиновников управления.

Я задумался.

— Но документы уже поданы!

— Их оставит только тот, кому повезет.

— Гм... ну, а если кто-нибудь не возьмет документов, хотя жребий ему и не выпадет?

— Тогда... — Конд задумался. — Да ты что, сомневаешься в товарищах, что ли?

— В тех, кто уже подал, не сомневаюсь, но осталось еще три дня и мало ли кто приедет. Ромс, например. Ты за него можешь поручиться?

Лицо Конда потемнело. Заметив это, я вспомнил, что у него с Ромсом произошла какая-то ссора. Об этом все говорили, но подробностей никто не знал.

— В таком случае подождем еще три дня. А ты видел кого-нибудь из наших?

— Нет, я только сегодня прилетел.

— Я тоже. Нужно будет увидеться и поговорить. Сам-то ты как относишься к этой затее?

По правде говоря, она меня не воодушевила. И там и там жребий. У меня не было громкого имени талантливое звездолетчика, которое предоставило бы мне какие-нибудь преимущества на конкурсе. Я был середнячком, как и все, подавшие документы, поэтому выбор конкурсной комиссии должен быть в известной мере случаен. Конд предлагал взять этот случай в свои руки и при удаче обеспечить себе желаемого партнера.

Что ж, в этом был некоторый смысл, и я не стал ему возражать.

— Значит решено? — сказал он, выливая себе в рот остатки оло. — Ты где устроился?

— Пока нигде.

— Пойдем со мной, у меня есть пристанище, на двоих места хватит.

* * *

Я хорошо помню тот вечер, ставший поворотным в моей судьбе. Такие часы не забываются. Все, подавшие на конкурс, собрались во второсортном баре на углу Кракорориди и Южной магистрали. Помещение это неважное, зал почти треугольный, здесь улицы пересекаются под острым углом. Было сыро и промозгло, только солнце, врывающееся в многочисленные окна, обогревало редких посетителей. Мы и выбрали это место только потому, что здесь мало кто бывает. Шумное сборище астролетчиков привлекло бы к себе ненужное внимание, а мы этого вовсе не хотели.

Собирались почему-то медленно. Те, кто пришел раньше, бесцельно слонялись между столиками, вызывая недовольство насупившегося хозяина, озадаченного наплывом странных посетителей.

Я сидел в углу за столиком и от нечего делать листал какой-то журнал. Было уже около восьми, а мы договорились собраться в семь. Пришли почти все, не доставало только самого Конда и Ромса, который подал все-таки документы в последний день. Отсутствие обоих казалось подозрительным. В голове у меня уже начали копошиться недобрые мысли, когда Конд с такой силой толкнул дверь, что на столах задребезжала посуда.

Его приход сразу внес оживление в наше общество. Все зашумели. Легко перекрывая голоса других, Конд громко поздоровался и, пропустив мимо ушей упреки по поводу опоздания, направился в мою сторону.

— Ну как? — спросил он. — Все на месте?

— Ромса еще нет.

— Хе! — Конд уселся на стул и обвел присутствующих тяжелым взглядом. — Что же будем делать? Ждать? Решайте сами.

Около нас собрались остальные.

— Будем ждать? — повторил вопрос Конд.

Мы неуверенно и смущенно переглядывались.

— Чего же ждать, — наконец спокойно сказал Ирма, — он, может быть, вообще не придет.

— Это же Ромс, — многозначительно добавил Сен.

— Включим его в жеребьевку, и все, — предложил кто-то.

Нам явно не терпелось испытать судьбу. Каждого подогревала надежда выиграть в этой лотерее. Шансов было довольно много, а выигрыш так много значил для каждого из нас! В ту минуту мы не думали об опасностях предстоящей экспедиции, среди нас не было трусов. Мы не мечтали о славе первооткрывателей Арбинады. Не слава привлекала нас, а желание получить работу.

Ромс опоздал на полтора часа. Я увидел его неожиданно. Он стоял рядом с хозяином и пил что-то розовое, держа бокал трясущимися руками. Жидкость переливалась через край и тонкой струйкой текла на одежду. Вид у него был странный, так выглядят люди, хватившие изрядную порцию оло. Из кармана торчал основательно помятый ежедневный вестник. Ромс вынул его и направился к нам.

— Пришел все же, — пробормотал Ирма, когда тот протиснулся в середину.

Ромс не ответил. Он обвел нас блуждающим взглядом и молча бросил вестник на стол.

— Читайте, — сказал он сдавленным голосом, — двое наших... погибли.

— Что?!

— Не говори чепухи!

Несколько рук протянулось к листам. Ирма, опередив остальных, схватил вестник и прочитал вслух:

— «Катастрофа в космопорте Лакариана.

Вчера при посадке на площадку космопорта взорвался межпланетный корабль Ю-335, принадлежавший компании Парона. Звездолет возвращался из очередного рейса к внецерексианским станциям, расположенным на спутниках Норты. На борту корабля кроме известных пилотов Карса и Тэлма находилось трое сменных инженеров внешних станций, возвращавшихся на Церекс по окончании трехгодичного контракта.

Корабль взорвался уже в непосредственной близости от поверхности планеты. Оба пилота и пассажиры погибли. Причина взрыва, как сообщает управление компании, неизвестна. В настоящее время проводится самое тщательное расследование с целью выявления обстоятельств гибели корабля. Отметим, что за истекший год это уже третья серьезная авария с космическими кораблями компании Парона. Недавняя катастрофа с Ю-286, управляемым пилотом Кондом, обошлась без человеческих жертв, но причины ее так и не были сообщены упомянутой компанией. Наш корреспондент, находившийся в момент происшествия на территории космопорта, описывает катастрофу следующим образом:

«...Из бесконечных глубин нашей планетной системы возвращался замечательный космический лайнер. Уже были получены сигналы о готовности идти на посадку и в космопорте начались последние приготовления...»

Дальше я не стал слушать. Болтовня очевидца, смакующего подробности аварии, меня мало интересовала. Важен был факт, страшный факт — мы никогда больше не увидим Тэлма.

— Да будет дух погибших хранить нас! — торжественно прозвучала старинная фраза погребального ритуала.

Мы низко склонили головы и молчали несколько минут.

Сдавленный звук, похожий на рыдания, нарушил гнетущую тишину. Я поднял глаза и увидел лицо Ромса, искаженное гримасой неподдельного горя. Оно было бледным и напряженно застывшим. Шевелились только губы, с которых слетали невнятные слова. «Карс... о-о-о... Тэлм... о-о-о...» — больше ничего нельзя было разобрать, остальное произносилось беззвучно.

Я отвернулся. Неприятно видеть большого и сильного человека в таком расслабленном состоянии. Двойственное чувство жалости и гадливости шевельнулось в моей душе. Вдруг глаза его загорелись и губы вздернулись в кривой усмешке. Он поднялся.

— Ну, вы, живые... кто хочет за ними, тяните жребий!

— Дурак! — Залд протянул к нему свою цепкую, как клещи, руку.

— Оставь его! — остановил Конд. — Он не в себе, видишь. Лучше отметим их память.

— Отметим после, сначала выполним то, зачем мы сюда пришли, — сказал Нолт. — Я думаю, никто не будет возражать.

Конд пристально посмотрел на нас:

— Все согласны?

— Все.

— Сколько человек подало на конкурс?

— Девятнадцать.

— Это точно?

— Точно.

— И все здесь?

— Все на месте.

Конд призадумался.

— Хорошо, система получается десятиричная. Кирт, садись, пиши.

Со стола убрали лишнее. Залд достал чистый лист и положил его перед Киртом. Тот аккуратно стал заносить в список попарно наши имена. Лист скоро заполнился. Нам с Кондом достался номер семь. Ромс замыкал список и был в одиночестве, желающих лететь с ним не нашлось.

— Меня вычеркните, — мрачно сказал он, — я не полечу, со мной никто не хочет...

Конд резко повернулся:

— Это ты брось, знаем твои фокусы. Будешь участвовать в жеребьевке как и все. Если повезет, напарника выберешь сам, любой согласится, даже я... все же лучше, чем сидеть без работы.

Ромс получил номер девять.

Из сосуда, стоящего на столе, убрали декоративные украшения, и в него по очереди каждый опустил несколько мелких монет. Кто сколько хотел. Как сейчас помню, я бросил шесть лирингов. Наконец звякнул последний медяк.

— Все положили?

— Можно мне еще? — Глаза Ирма возбужденно расширились.

— Разрешим? — спросил Кирт.

— Пусть кладет.

Он бросил десять лирингов и успокоился. Эта цифра в нашей системе розыгрыша ничего не меняла.

— Теперь считай.

Мы сгрудились вокруг стола, наблюдая, как Кирт вытряхивал из сосуда одну монету за другой, проставляя их достоинства рядом со списком наших имен. Колонка цифр быстро росла.

— Проверьте. — Он поднял голову.

— Все верно, ты считай.

Напряжение достигло предела. Я чувствовал, как кто-то горячо и порывисто дышал мне в затылок. Лоб Залда покрылся поперечными складками, Нолт стоял бледный, приковав к перу Кирта неподвижный взгляд, а Конд яростно теребил застежку на своей рубашке. Нервы натянулись, как струна. Казалось, еще минута, другая — и буря чувств, вырвавшись наружу, сметет все на своем пути.

— Восемьдесят шесть.

— Сандарада!!! Летим!!! — радостный вопль Нолта не смог заглушить стоны разочарований. В груди у меня похолодело, и руки опустились, перед глазами запрыгали неясные тени.

— Подождите! Проверьте, проверяйте все! — Голос Конда звучал надсадно и хрипло.

Он первый бросился к записям Кирта, за ним, почти сразу, еще трое.

— Восемьдесят семь!

— Проклятье! — простонал Нолт.

Я тупо посмотрел на Конда, еще ничего не соображая. Тот в радостном возбуждении так огрел меня по спине, что на мгновение перехватило дух, ноги у меня подогнулись и бешено застучало в голове. Сказалась разрядка после пережитого напряжения. Смысл происшедшего мало-помалу начал доходить до меня. Большая радость воспринимается так же трудно, как и большое горе, — ее не охватить сразу. Я сидел у стола, безуспешно пытаясь согнать с лица радостную улыбку, и смотрел на плывущие перед глазами фигуры моих товарищей, а в глубине сознания чужой, незнакомый голос все явственнее, все громче твердил: «Выиграл, ты выиграл! Летим!»

— Эй, хозяин! — прогремел Конд. — Подать сюда лучшего оло и чего-нибудь подкрепиться!

— А деньги?! — Я удивленно посмотрел на него.

— Деньги? Деньги будут! Неужели у нас всех не найдется на что отметить память погибших товарищей? Записывай, кто сколько даст, получим — рассчитаемся.

Хозяин бара засуетился. На сдвинутых столах скоро появилось приятно одурманивающее оло и скверная закуска в виде тонко нарезанных ломтиков калмаски, сдобренных острой приправой.

Дальнейшее я помню плохо. Я сразу выпил большой бокал, от которого голова пошла кругом, и теперь трудно разобраться, что было на самом деле и что мне тогда мерещилось. Помню только, что поздравления и пожелания, которыми нас награждали, перемешивались с воспоминаниями о Тэлме и Карсе, особенно о Тэлме. Мы пели старинную песню пилотов. Она родилась еще в эпоху химических ракет и была любимой песней Тэлма.

Пой, пилот!
Окончен рейс!
В облака ушли светила,
Не нашла в пути могила,
Вновь ты на планете милой!
Пой, пилот!
Окончен рейс!

Я думал о нем — об этом весельчаке, баловне удачи, жизнерадостном Тэлме, которому так и не удалось окончить рейс. Передо мной маячил Ромс, он азартно жестикулировал, когда мы дружно в девятнадцать глоток подхватывали слова припева. Глаза его горели, а на лице лежала печать какой-то отрешенности. Таким он остался в моей памяти навсегда.

* * *

Через два дня я отправился в Государственное Объединение, чтобы выяснить обстановку. Дело это нам с Кондом казалось щекотливым и тонким, и после некоторых споров оно было поручено мне, как более искушенному в дипломатических вопросах. Но никакие ухищрения не понадобились. Когда я вошел в кабинет комплектования экипажей, чиновник, несколько дней тому назад равнодушно принявший у меня документы, поднялся навстречу как к старому знакомому.

— И вы тоже? — спросил он без всякого предисловия.

— Что тоже?

— Тоже за документами?

— Какими документами? — спросил я с притворным удивлением. — Разве моя кандидатура не подходит?

— Нет, дело не в этом. Я подумал... Вы, правда, ничего не знаете?

— Абсолютно! А что произошло?

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Странные дела творятся на нашей планете, оч-чень странные. Никак не могу понять, почему почти все вдруг забрали свои документы и отказались от участия в конкурсе. Может быть, у Парона объявлен новый набор?

— Нет, я ничего не знаю.

Меня смутило случайно оброненное им слово «почти». Относилось ли оно, только к нам с Кондом или речь шла еще о ком-то другом?

— Непонятно, — продолжал чиновник, сидя на столе, — очень непонятно... Так вы не за документами?

— Нет, я же сказал.

— Я подумал, что вы, как и все... Просто эпидемия какая-то. Так что вас интересует?

Он задал этот вопрос так, словно конкурсы на то и учреждаются, чтобы подавать документы и сразу же требовать их обратно.

— Меня интересует, не откладывается ли заседание конкурсной комиссии и будет ли объявлен новый набор? Вы, наверное, слышали?

Уши чиновника зашевелились.

— Нет, решение будет объявлено послезавтра, как и было намечено. Можете не беспокоиться. Конкурировать-то будут трое, вы, Конд и еще Ромс. Удивительно... трое на всю планету... Постойте! Вы что-то знаете. Ну скажите мне, на вашу судьбу это никак не повлияет, мне просто любопытно...

Упоминание о Ромсе ослабило мое внимание, и маска неведения, которую я удерживал на лице, спала. Да, теперь я знал, знал все. В груди закипела такая ярость, что я даже не сумел сдержать ее. Отделавшись кое-как от чиновника, я вышел на улицу. Должно быть, я ругался вслух, потому что встречные прохожие удивленно таращили на меня глаза. Я сам не знал, куда иду, шел просто для того, чтобы немного успокоиться.

Добравшись до какого-то сквера, я сел на первую попавшуюся скамью и принялся обдумывать создавшееся положение. Меня вовсе не радовала перспектива лететь вместе с Ромсом, и уж совсем не хотелось, чтобы Ромс летел вместо меня. Сильнее всего угнетала мысль, у что мы сами дали ему шансы попасть в экспедицию. Сами! Нужно было что-то предпринимать, но что? Мысли путались. Я изобрел по меньшей мере десяток способов, которые, как казалось, позволяли отделаться от Ромса, но, хорошенько подумав, забраковал их все. Его положение было неуязвимо. С таким же успехом Ромс мог строить планы в отношении нас с Кондом, выбирая себе более удобного партнера.

Перед моей скамейкой в большой луже, оставшейся после недавнего дождя, играли мальчишки. Их было трое, один постарше, а двое других совсем еще малыши. Глядя на их веселые забавы, я несколько успокоился и на время забыл обо всем. Разве можно думать о тяготах жизни, наблюдая, как играют дети? Они отчаянно плескались, издавали радостные вопли и бегали вприпрыжку, налетая друг на друга. Но было в этой игре уже что-то от взрослых, — старший загонял своих более слабых товарищей в самую глубину грязной лужи. Я поднялся со скамьи и схватил его за шиворот. Дав ему затрещину и восстановив таким образом в мире некоторую долю справедливости, я зашагал домой, где меня с нетерпением ждал Конд.

— Ну как? — спросил он.

Я рассказал. Конд выслушал молча. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Всё?

— Всё.

— Так, — произнес он мрачно и начал одеваться.

— Ты куда?

— Есть дело. — Он был уже в дверях.

— Ты что задумал? Давай обсудим.

Я вскочил с места, пытаюсь остановить его.

— Пусть это тебя не заботит. — Он отстранил меня и уже с порога добавил: — Не разыскивай, понятно? Приду сам.

Хлопнула дверь. Я некоторое время сидел, безучастно устремив взгляд в одну точку, но, вспомнив выражение лица, с которым ушел Конд, поспешно поднялся. Его нужно вернуть!

Я выскочил на улицу. Куда идти? Конд, очевидно, направился к Ромсу, но где искать Ромса в этом огромном городе? Адреса я не знал, а действовать нужно быстро, иначе Конд успеет наделать глупостей. В ближайшей справочной мне удалось установить номер гостиницы, где остановился Ромс. Я поймал наемную машину и помчался в гостиницу, негодую на ограничитель скорости, действующий в городе. У входа в здание машина затормозила. Я выскочил из нее и торопливо взбежал по ступенькам.

— Пилот Ромс у себя?

— Кто? — служащий был, видимо, туговат на ухо.

— Ромс! — крикнул я громче.

— Ромс... Ромс... — задумчиво проговорил тот, мучительно вспоминая. — Кажется, на месте. Впрочем, нет, ушел недавно. Тут его уже спрашивали. Они вместе ушли.

— Кто его спрашивал?

— Что?

— Кто его спрашивал?! Звуконепроницаемый пень, — добавил я уже тише.

— А-а, спрашивал такой высокий мазор. Сказал, что знакомый. Летали они где-то вместе.

Ясно, это был Конд.

— А куда ушли?

— Кто?

— Кто-кто! Они, конечно!

— Не знаю, ничего не сказали. Ушли и все.

Больше я ничего не мог узнать. Последняя нить оборвалась. Что же теперь делать? Где их искать? Я медленно брел по улице, чувствуя, что задыхаюсь от жгучей злобы и омерзения. В таком состоянии домой идти не хотелось. Там было пусто, холодно и одиноко. Нащупав в кармане несколько монет, я свернул в призывно раскрытые двери бара.

Несмотря на сравнительно ранний час, зал был почти полон. Я с трудом протиснулся через толпу. Свободное место отыскалось в самом углу, возле окна, задрапированного тяжелым пыльным занавесом. Усевшись, я погрузился в изучение реестра напитков, чтобы на звеневшие в кармане два ти одурманить себя как можно эффективнее. Мои исследования неожиданно были прерваны.

— Простите, ммм... если не ошибаюсь, мазор Антор, пилот?

Я поднял голову. Напротив сидел пожилой человек в поношенном платье, устремив на меня мягкий взгляд своих широко расставленных глаз.

— Да, в чем дело?

Мужчина замялся, будто испугавшись своей смелости, но, преодолев смущение, заговорил снова:

— Собственно говоря, ни в чем... Простите, я вас отвлекаю...

— Ничего.

— Мне просто хочется побеседовать с астролетчиком, Видите ли, мой сын, ммм... — тут собеседник опять замялся, — скоро кончает инженерную школу, а потом собирается сдавать на диплом астролетчика, и мне хотелось бы...

— Знать, сколько мы зарабатываем? — Я усмехнулся.

— Мм, не это... не только это.

— Что же еще? Простите. — Я повернулся к автомату и, опустив монеты, набрал две порции оло, в тяжелые, как гири, бокалы.

— Так что же еще?

— Вообще, хотелось бы знать вообще... — Мужчина замолчал.

— Непонятно.

— Меня интересует ваша жизнь. Ммм... ее трудности, радости. Я читаю вестники, но, мне кажется, они не отражают ее действительным образом. Или я не прав? Простите, но с астролетчиком мне еще не приходилось встречаться.

Я выпил порцию оло и откинулся на спинку стула, дожидаясь действия напитка. Через минуту в голове поплыл приятный расслабляющий туман.

— А как вы сами представляете себе нашу жизнь? — спросил я. Собеседник начал меня занимать.

Он наклонился ко мне и посмотрел прямо в глаза.

— Я, право, затрудняюсь. Ммм... но мой сын и я... мы считаем, что она должна быть яркой... ммм... наполненной и...

— Чепуха.

— Что? — он испуганно отшатнулся.

— Чепуха, нет этого.

Мы замолчали.

— Наполненной... Яркой... — задумчиво повторил я, обращаясь больше к самому себе, чем к собеседнику, — трудностей много, а радостей... Ваш сын молод, конечно?

— Молод.

— И глуп. Передайте ему это. Если хотите, от моего имени.

— Я...

— Можете добавить, что в его годы пилот Антор не был умнее.

— Простите, ммм... Я не совсем понимаю.

— Не понимаете? Странно. Все очень просто!

Оло сорвало защелку с языка, и меня неожиданно понесло. Я говорил скорее автоматически, чем сознательно, сам удивленно слушая свой голос, словно все это произносил кто-то посторонний.

— Как ваше имя, мазор?

— Мэлт.

— Что здесь понимать, Мэлт? Нечего, совсем нечего! Наша жизнь красивой кажется со стороны! Только со стороны! Слышите?

— Ммм...

— Подумайте сами, и все станет ясно. Есть только две категории профессий. Профессии обыкновенных, трезво мыслящих людей, их большинство, и профессии мечтателей. Первые скромны, они не обманывают человека, а вторые... Вы хотите оло? Пейте.

— Нет, ммм... спасибо.

— А вторые, вроде нашей... их мало, но они, как назойливая реклама, зовут, требуют, влекут к себе всеми силами. А чем настойчивее предложение, тем обычно хуже товар, это закон, вы знаете. Так и в нашей жизни, космос оказался слишком удачной рекламой. Все мы в детстве о чем-то мечтаем. В большинстве своем мечты эти чисты, как горные снега, но, спускаясь в долины жизни, они тают, становятся серыми и, превратившись наконец в мутный, грязный поток, несут нас дальше по равнине, чтобы оставить где-то в стоячем болоте. Вот так, Мэлт! Но некоторые, не в меру набитые романтическими бреднями, мечтая о возвышенном и красивом, так и не замечают, что у них есть тело и желудок, о которых следует позаботиться в первую очередь. Я, к сожалению, Поздно понял это и вот шагаю теперь по стезе астролетчиков, которую не могу оставить, потому что не годен ни на что другое и потому, что... все-таки люблю свое дело!

Я проглотил вторую порцию оло, наслаждаясь ощущением, разливающегося внутри огня. Старик молчал, напряженно всматриваясь в мое лицо.

— Астролетчики! Вы понимаете, что это такое? Понимаете? Нет, не можете вы этого понять! Мечты служить обществу — бред! Чепуха! Каждый из нас торгует, кто чем может, получая взамен известное количество пищи, одежды, удовольствий. Один продает руки, другой — знания, третий — совесть, а мы, спустив однажды свои мечты оптом и подешевке, расплачиваемся последним, что у нас остается, — своими жизнями. И лишь слепой случай решает, когда эту жизнь взять, — сразу или, глумясь, оставить ее нам искалеченной. Устраивает вас такая участь сына?

Старик что-то хотел ответить и уже было открыл рот, но я жестом остановил его.

— А что мы за это получаем? Думаете, много? Жалкие гроши! Но не будем считать на деньги. Что же еще? Может быть, удовлетворение от своей работы, сознание величия совершенного дела? Так вы думаете?

— Ммм... я...

— Иллюзия! Велик только космос, а наши дела в нем обычны и так же мелочны, как мелочна сама наша церексианская жизнь. И может ли она стать возвышеннее от того, что заброшена за пределы планеты? Нет, мы несем в космос то, чем живем здесь. Вы думаете, семья? Но кому нужен мужчина, скитающийся за облаками, который может никогда не вернуться? Вот мы и прожигаем жизнь, когда есть деньги. А если их нет? Что мы делаем, когда их нет? Снова мечтаем... всего лишь о сытом желудке...

Я в упор посмотрел на собеседника и, заметив испуг на его лице, прекратил свои излияния.

— Вы сами вызвали меня на этот разговор. Простите, — я усмехнулся, — но такова правда... вы хотели ее знать.

— Нн-наверное... спасибо.

Я коснулся его руки:

— Откуда вы меня знаете?

— Сын... мм... у него портреты всех астролетчиков и потом ежедневный вестник.

Я кивнул:

— О да. О нас пишут. Недавно двое погибли... Тоже писали. Вспомните наш разговор, когда прочтете такое же обо мне.

Старик отодвинул стул и поднялся. Я задержал его:

— Вот что, передайте привет вашему сыну и забудьте то, что я вам здесь наговорил. Наверное, я сгустил краски. Мечты и космос великолепны, мы просто не доросли еще до них, что-то здесь, на Церексе, у нас неблагополучно.

— Прощайте.

— Прощайте.

Он взял свои вещи и уже отошел от столика. Я окликнул его:

— Мэлт!

Он повернулся.

— Вы видели когда-нибудь бездну? Черную бездну и звезды? Одни звезды?

— Нет.

— Пусть ваш сын увидит. Это стоит жизни... Прощайте.

Старик ушел. Я остался за столиком один. Действие оло постепенно прекращалось, и из пелены тумана все отчетливее проступала обстановка дешевенького бара. Безвкусно размалеванные стены, низко нависший потолок, застывшие, словно маски, лица одурманенных людей и тягучие звуки однообразной музыки. Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Даже этот старик меня покинул, а вместе с ним ушел и его сын, которого я никогда не видел, не знал и не узнаю. Я тяжело поднялся и вышел на улицу.

Дул ветер и трепал края одежды. Казалось, вот-вот хлынет дождь — по небу быстро бежали темные лохматые облака. Я медленно шел к гостинице, где остановился Ромс.

Из переулочка вышла девушка, посмотрела на меня веселыми глазами, чему-то улыбнулась и пошла впереди, в двух или трех шагах от меня. Она была хорошо сложена, и движения ее дышали спокойной радостью. Я с грустью смотрел на ее стройную, ладную фигурку и думал о том, что по какой-то прихоти случая наши пути на короткое время сошлись на этой улице и так же разойдутся. Она уйдет, и я снова останусь один. Потом подумал: «Смешно, она рядом, но не со мной, я и сейчас один. Может, догнать ее и сказать: я Антор, мне грустно, будьте со мной! Может быть, от этого многое зависит, может быть, тогда я не буду один, может быть, мы всегда будем вместе, даже тогда, когда я буду один»?

Она свернула за угол, и облака словно еще ниже спустились над городом.

Я зашел в гостиницу и отыскал служащего. Он узнал меня:

— Вы к Ромсу, мазор?

— Да, он пришел?

Тот покачал головой:

— Нет, увы, нет. Наверное, случилось несчастье, мазор. Недавно звонили из полиции и сообщили, что мазор Ромс, возможно, никогда уже не придет.

— Не придет? Почему? Он умер?

— Не знаю.

— Что случилось?

— Мне ничего не сказали, только сообщили, чтобы комнату за ним не держали, так как полиция платить не будет.

Я повернулся и вышел. Все ясно. Конд остался верен себе. Где он теперь? Я связался с полицейским управлением, но толком ничего не узнал. Там сменился дежурный. Он сказал, что я смогу обо всем узнать только на другой день.

Я медленно побрел домой. Спешить было некуда, да и не зачем. От двух ти, с которыми я пришел в бар, осталось только сорок лирингов. Это на завтрашний обед.

* * *

Поздно вечером, почти ночью, пришел Конд. У меня была подсознательная уверенность, что он что-то сделал с Ромсом, может быть, даже убил его. Я лежал лицом к стене и не повернулся, когда он включил свет. От дневных переживаний тело было тяжелым, налитым усталостью и апатией. Конд медленно шагал по комнате, задевая мебель и двигая стулья. Каждый раз, когда шаги его приближались ко мне, я весь внутренне напрягался.

— Ан! — наконец позвал он.

Я промолчал и лишь еще крепче зажмурил глаза.

— Ан, ты спишь?

Я не ответил, и он, сделав по комнате еще несколько кругов, сел рядом.

— Слушай, Ан, меня не обманешь, ты же не спишь...

Рука его коснулась моего плеча. Это прикосновение словно обожгло меня. Я порывисто вскочил на ноги:

— Что тебе надо?

Он спокойно, но вместе с тем удивленно посмотрел на меня:

— Что с тобой, дружище?

— Ничего! Не трогай! — Я отбросил его руку, протянувшуюся ко мне.

— Совсем спятил! Может, сходить за врачом?

— А может быть, лучше вызвать полицию?

Конд поднялся во весь свой богатырский рост.

— Вот что, — сказал он жестко, — прекрати истерику и объясни, в чем дело, или убирайся отсюда на все четыре стороны.

— Ты прав, мне следовало уйти раньше.

Я быстро собрал свои пожитки и направился к двери.

— Стой! — Конд крепко схватил меня за плечо. — Теряя друга, я должен знать — почему. Два слова — и можешь уходить.

Он прижал меня своими могучими руками к стене.

— Так в чем дело?

— Что ты сделал с Ромсом? — сказал я, пытаюсь освободиться.

— Он умер...

— Я догадывался... Пусти... Что ты с ним сделал?!

— Ничего, он умер, я тебе говорю. Постой... ты думаешь, что я его... так?

Я кивнул. Он разжал пальцы и опустил на стул. С лица его сошло напряженное выражение, и складки разгладились. С минуту мы молча рассматривали друг друга, словно виделись в первый раз.

— Оставайся, куда ты пойдешь, — спокойно сказал Конд.

Я сел, потирая плечо.

— Больно?

— Не очень.

— Извини, я не хотел... Кто тебе сказал, что Ромс... что Ромса нет?

— Я был у него в гостинице, и мне сказали...

— Тебе сказали, — перебил Конд, — что там тебе могли сказать? Они сами ничего не знают.

— Мне сказали, — жестко продолжал я, — что ты ушел вместе с ним. Я вспомнил твое лицо и, зная особенности твоего характера, сделал выводы. Они оказались правильными. Отвечай!

Конд нахмурился.

— При чем тут лицо, — угрюмо сказал он, — твое лицо тоже не сияло, когда ты пришел из Государственного Объединения, и если судить по лицам, то неизвестно, сколько человек ты уколошил. Так, дружище. А в общем ты прав, я убил его четыре часа назад... Вот смотри.

Он бросил на стол пачку снимков, проштампованных судебскими печатями. Я взял один из них. С листа на меня смотрело перекошенное злобой лицо Ромса, он был снят в момент стремительного выпада, в руке блестел изогнутый клинок дуэльного ножа. Другой кадр фиксировал схватку. Две фигуры на арене и бесчисленные рожи любителей кровавых увеселений, с раскрытыми в зверином реве ртами, подбадривали смертельных врагов. Отвратительное зрелище. Я отложил снимки — эти оправдательные для Конда документы перед лицом закона.

— Как ты добился поединка? Ты не ранен?

— Нет. Так что, видишь, все было честно. Ромс оказался не из трусливых и не из слабых. Еще бы немного, и не мне, а ему пришлось бы оплачивать похороны. — Конд протер воспаленные глаза. — Свет там слишком яркий... Гадостное это дело, я должен был добить его, уже раненого, вот что самое мерзкое. Смотри!

— Не хочу смотреть. — Я отстранил его руку. — Неужели ты не мог от этого отказаться?

— Не мог, не имел права. Один из нас должен был умереть. Так решили судьи. В противном случае меня бы самого... М-да. Таков закон, говорят, он принят для тех, кто настаивает на поединке. Ужасный закон!

— Ты все это знал раньше?

— Знал.

— И решился?

— Решился. В конце концов, я рисковал не меньше его. Поединок присудили сразу, у меня было слишком много причин, чтобы мне не отказали. И запомни, Антор, на Церексе есть люди, которых следует убивать. Ромс был не последним. Ну как, ты уходишь или останешься? Колеблешься? Зря. Жизнь — это борьба, и не следует уступать свое место негодям.

Воцарилось тягостное молчание. За окном шумел дождь. Только тут я заметил, что Конд мокрый с ног до головы. Видимо, он долго бродил по улицам. Ему не легко далась эта борьба с Ромсом. Он сидел, устало опустив плечи, и смотрел на меня спокойным, открытым взглядом.

— Оставайся, Ан, — сказал он, — на улице холодно. А Ромс... черт с ним, забудь. Однажды я чуть не погиб из-за его подлости, только случай спас меня. Были и другие дела, но я уже почти простил ему, а тут снова... Не выдержал. Есть, в конце концов, предел всякому терпению. Отметим его память, как водится. Я кое-что принес. Немного оло. Дрянное, правда, но и сам он был не лучше. Ты ел вечером? Иди сюда, не ночевать же тебе у двери!

Бросив вещи в угол, я подсел к столу. Конд достал бокалы и наполнил их до краев зеленоватым оло.

— Да будет дух его хранить нас!

Мы некоторое время молча жевали. Конд о чем-то думал.

— Конд, а что у вас произошло с Ромсом раньше? — спросил я.

Он вышел из-за стола и молча стал раздеваться. Когда голова его спряталась в складках одежды, он пробубнил:

— Стоит ли вспоминать? Он умер, зачем говорить о нем плохо?

— Неужели он действительно заслуживал того, чтобы...

— У тебя, Ан, удивительная манера давать мягкие оценки людям и поступкам, которые этого совсем не заслуживают. Только ко мне ты отнесся слишком предубежденно. Ладно, я расскажу тебе все как-нибудь потом. А сейчас давай ляжем, я очень устал.

* * *

Конкурс прошел благополучно. В этом нет ничего удивительного: ведь мы с Кондом были единственными претендентами и опасались только медицинской комиссии, которая на этот раз придиралась особенно. В тот день, когда были завершены последние формальности, мы получили аванс (огромные деньги, особенно если они падают в пустой карман!) и десятидневный отпуск. Свобода и деньги! Я ни разу не чувствовал себя столь счастливым, как тогда, выходя из здания Государственного Объединения.

С Кондом мы расстались в тот же день, но не надолго. У него не было в мире никаких привязанностей, и он отправился в Хасада-пир, куда собирался наведаться и я после поездки к отцу. Старику можно было, конечно, просто выслать деньги, что и советовал сделать Конд, но я все же решил повидать его перед экспедицией. Кто мог поручиться, что мне удастся вернуться из нее!..

Дома я пробыл три дня. Может быть, в сравнении с последующими впечатлениями в Хасада-пир вся обстановка маленького провинциального города показалась мне жалкой и убогой, или меня точили неясные предчувствия, но эти три дня оставили о себе тягостное воспоминание. Особенно на меня подействовала болезнь отца, еще недавно сильного и энергичного человека, теперь инвалида, тяжело передвигающего ноги.

Прощание наше было тяжелым и странным. Необходимые вещи, которые я обычно брал с собой, когда улетал в рейс, были уже собраны и лежали у дверей. Мы молча глядели сквозь перила балкона на расстилающуюся перед нами до мелочей знакомую панораму. Отец сидел в кресле, слегка наклонившись набок, и вертел в руках коробку из-под плитки, только что опорожненную нами. Состояние сладкой полудремоты, вызванное плитой, уже проходило, и лишь слегка кружилась голова.

— Погода хорошая, конвертоплан пойдет... Ты не опаздываешь?

— Еще нет.

— Идти далеко.

— Успею.

Мы опять замолчали, лишь ритмично подпрыгивала коробка в больших жилистых руках отца. Потом она со стуком упала на пол.

— Ладно, не поднимай... По правде говоря, я и не думал, что ты приедешь.

— Почему?

— Не стоило приезжать. Я бы поступил именно так. А ты... ты приехал. В тебе оказалось много этакой желеобразной начинки... Должно быть, от матери. Никчемный из тебя человек получился. Пропадешь!

— Отец!

— Не нравится? Это так, ты слушай, мы с тобой, наверное, последний раз говорим, экспедиция ведь надолго?

— Отец, перестань.

— Надолго?

— Да, ты знаешь.

— А мне осталось каких-нибудь... уже не дотяну, одним словом. Это и к лучшему, сам ты меня не бросишь. Ты растение, а не живой человек, пустил корни и сидишь. Человек не должен быть привязан. Я бы на твоём месте...

— Бросил, что ли?

— Безусловно. Зачем я тебе нужен? Я стар и беспомощен, ничем тебе не могу помочь. Какая от меня польза? Балласт и только... Дай ещё плиты, Антор, — неожиданно закончил он.

Я вышел в комнату и принес полную коробку. Он положил её на колени и вынул оттуда ломтик, стряхнув крупинки силъера.

— Ты будешь?

— Нет.

— Как хочешь, зелье, правда, неважное. Вкус не тот, тебе не кажется?

— Не знаю, другого не пробовал.

— Не пробовал, — повторил он, — а много ли вообще ты испробовал в жизни? Что ты от неё взял? Что ты сделал, чтобы взять от неё как можно больше? Я, например, бросил своего отца, когда мне было двадцать три... нет, двадцать пять. Хе! уже не помню точно!

Он неприятно рассмеялся и снова запустил руку в коробку.

— Такова жизнь нашего времени... Тебе подобные были в моде лет двести, а может быть и триста назад, а сейчас они, наверное, сохранились, как и ты, только за облаками. Витай там дольше и не спускайся на Церекс, иначе загрызут, вот тебе мой совет. Тело у тебя розовое, мягкое и без зубов слопают.

— А твой отец? — спросил я. — Каким был он?

— Мой отец? Умер давно... Он тоже был болен, когда я оставил его, и даже не знаю, как он кончил... Сколько уже времени?

Я посмотрел на часы.

— Ещё успею... Ты так говоришь, словно гордишься этим.

Отец шевельнулся в кресле.

— Нет, не горжусь... Передвинь меня в комнату, что-то холодно становится... Не горжусь, но и не стыжусь. Смерть на то и существует, чтобы жизнь шла вперед, и нечего ей мешать, если она уносит даже близких.

Я вкатил кресло в комнату и пододвинул к столу.

— Говоришь, не мешать... Сама по себе логика интересна. Но уж если быть последовательным до конца, то ты, может быть, считаешь, что и смерти способствовать нужно?

— Нет, зачем? Смерть, Антор, в помощи не нуждается, она сама делает свое дело. Смерть, — он беззвучно пошевелил губами, — это лишь орудие, с помощью которого жизнь убирает с дороги ей неугодных.

— Не нравится мне этот разговор, отец.

— Конечно, ты молод, а мы, старики, любим, поговорить о смерти.

— Странная любовь.

— Ничего, поймешь и ты когда-нибудь, придет время.

Мы замолчали. Я снова взглянул на часы. Времени оставалось немного. Отодвинув стул, я поднялся.

— Уже уходишь?

— Пока нет, но скоро.

— Жаль, поздно мы с тобой заговорили о серьезных вещах. Я же тебя не воспитывал. Когда были деньги — хватало других забот, и тебя я отдал учиться. Потом ты летал, летал почти все время и где-то вдали от меня. Кто там тебя воспитывал и как — тебе лучше знать. В результате и получилось этакое желе...

— А из твоих рук кем бы я вышел? В каком аллотропном состоянии?

— Борцом, я надеюсь. Тебе было бы значительно лучше.

— А тебе?

— Мне тоже. Хуже было бы только моему больному и беспомощному телу, но не моему «я». Мне порой противно пользоваться твоей мягкотелостью. Вот, например, деньги, которые ты мне оставляешь, кстати, зачем так много? Мне же ненадолго... А ты летишь в Хасада-пир, там они пригодятся... возьми их, иначе пропадут. Твои деньги не должны пропадать... Ты понимаешь, вообще значение таких слов, как «твое», «мое»?

— Хочешь сказать?..

— Ничего не хочу сказать! Мое — это мое, значит ничье больше, ничье! Запомни это. А ты их... старому калеке, даже смешно, если вдуматься.

Я снова уселся на стул. Передо мною раскрывался новый, совершенно незнакомый человек.

— Позволь тогда спросить тебя, отец, ведь по твоему разумению дети должны быть такими же... борцами, — так ты говоришь? — как и родители, ты же скорбишь, что я не такой?

— Ну! — Он вызывающе выпрямился.

— Отсюда следует, что в лучшем случае они не будут мешать, даже мешать умереть! Зачем, спрашивается, тогда ты тратил свои деньги, я подчеркиваю, свои, на мое обучение? Зачем кормил, одевал меня, когда я был еще... вот такой, зачем?

Отец выпрямился в кресле и резко, по-молодому тряхнул головой.

— Дети — это продолжение твоего я. Они должны быть такими же, каким был сам, и даже еще более сильными. Нечего от них ждать другого. Дети — это твое собственное противоречие смерти!

— Всего лишь противоречие?

— Противоречие.

— Одна-а-ко, с тобой разговаривать...

— При чем здесь я? Такова жизнь.

— Не кажется ли тебе она в таком случае слишком, как бы сказать...

— Не подбирай слов. Жизнь такова, какова есть, нечего о ней раздумывать, ее нужно принимать и пользоваться ею до тех пор, пока это возможно.

— Так поступают в мире животных...

— А в человеческом обществе тем более.

Он упрямо сложил губы и посмотрел на часы.

— Тебе пора идти.

— Да, пора.

— Так иди, нечего сидеть со мной. Жизнь прекрасна и создана для молодых, а старики в ней явление побочное.

Я поднялся и направился к двери. Она вела меня в большой мир, простирающийся до других планет. Отец сидел сгорбившись в кресле, запертый в четырех стенах тесной комнаты. Во мне горели желания, я был здоров и полон сил, он болен и немощен, выброшен за борт жизни, меня ожидали яркие впечатления нового и невиданного, а его — тоскливое одиночество и безнадежность...

— Прощай, отец.

— Прощай, Антор. Поменьше думай обо мне и о других, тогда ты достигнешь большего... Прощай, заходи, когда вернешься со своей Арбинады, расскажешь, а я еще надеюсь дотянуть... Пусть умирают другие, хе-хе-хе!

Я ехал в порт, погруженный в тяжелые думы. Мне всегда казалось, что таким людям, как отец, особенно трудно переносить свою неполноценность и беспомощность. В них отсутствует то внутреннее тепло, которое человека делает человеком и не противопоставляет его объединенному миру других людей. Пытаясь удержаться на высоте своих принципов, они еще больше ввергаются в пучину мрачного одиночества...

* * *

Конвертоплан летел над морем. Далеко-далеко внизу расстилалась черная гладь воды, по которой ярким пятном катился искрящийся блик солнца. Кое-где, казалось, у самой поверхности этой бескрайней равнины клубились облака, похожие то на фантастических животных, то на причудливые творения сказочных альмиров. Временами под крылом проплывала суша, затянутая синеватой полупрозрачной дымкой, сквозь которую можно было с трудом рассмотреть геометрически правильные фигуры возделанных полей, тоненькие ниточки дорог и редкие бесформенные пятна городов. С высоты Церекс казался пустым и безграничным, а человеческие страсти смешными и ничтожными. Я смотрел вниз, и мне думалось, что время от времени все человечество следовало бы поднимать в воздух или даже в космос, чтобы оно перед лицом громадного убедилось воочию, что мир необъятен и нет причин для раздоров и что овладеть всем этим можно только действуя сообща...

Машина начала снижаться. Я наклонился ближе к иллюминатору, чтобы лучше видеть зелень растительности необыкновенного Хасада-пир, о котором среди нас, тех, кто там еще не был, ходили легенды. Крылья конвертоплана постепенно развернулись и, наконец, заняли посадочное положение. Из сопла с грохотом вылетели длинные языки пламени — мы стали проваливаться в пропасть, быстро теряя высоту. Неприятное ощущение невесомости собрало в один комок внутренности, напрягло нервы, мышцы. Падение замедлилось, мы на мгновение повисли в воздухе и затем сели. Наступила кратковременная тишина, прерванная оживленной возней пассажиров.

Я вышел последним. В лицо дул ветер. Приятный, насыщенный солью и влагой ветер доносил недалекий и равномерный шум прибоя. Посадочную площадку обступила зелень, среди которой затерялись редкие строения. Гигантские слимы опускали свои гибкие ветви до самой земли, сплетая их с росшим внизу кустарником, и создавали такую плотную зеленую изгородь, сквозь которую, казалось, не могло пробиться ничто живое.

Буйная, девственная растительность!

Я не мог себе вообразить, что на нашей планете существуют подобные уголки. Наслаждаясь видом живой, нетронутой природы, вдыхая полной грудью пьянящий морской воздух и купаясь в лучах ласкового солнца, я с грустью думал о том, что, скитаясь в бездонных глубинах космоса почти половину своей жизни, слишком плохо знал и мало любил нашу планету. Возвращаясь из рейса, я неизменно метался в каменных теснинах городов, был вынужден проводить нескончаемые часы в шумных и душных производственных помещениях, и даже отдыхать приходилось в затхлой атмосфере дешевых баров. Остальной Церекс был почти незнаком мне. И только там, на посадочной площадке Хасада-пир, я словно впервые увидел его по-настоящему.

Мой экстаз нарушил затянутый в элегантный лике служащий.

— Куда вы желаете, мазор Антор-са?

Я взглянул на его тощую фигуру и подумал о том, что ему, должно быть, очень жарко в этом тесном одеянии.

— Куда?.. Минуточку...

Я порылся в карманах и достал записную книжку с адресом Конда. Еще дома я решил в первую очередь направиться к нему, чтобы получить совет человека, который уже успел окунуться в действительность Хасада-пир. Я показал адрес служащему.

— Ах, Пижоб-сель!

— Да, как туда можно добраться?

— Как вам угодно, мазор, можно лодкой, машиной, по воздуху.

— Я предпочту крылья.

— Пожалуйста, мазор Антор, пойдемте со мной, я все сделаю. Багаж отправить туда же?

— Разумеется. Где здесь можно освежиться?

— Что вы желаете? Душ? Бассейн? Массаж?.. Все к вашим услугам.

Служащий, мгновенно угадывая каждое желание, выполнял его быстро и ненавязчиво, с безупречностью отлично вышколенного лакея.

Я согласился на массаж и расположился в капсуле, жмурясь от удовольствия и яркого света кварцевых ламп. Тело гладили теплые струи ионизированного воздуха, приятно покусывая кожу слабыми разрядами, а в глубину мышц проникал трепет вибрации, от которого просыпалась и начинала жить каждая клетка.

Я вышел из капсулы обновленный и, приведя в порядок одежду, заказал себе бокал фильто.

Служащий бесшумно удалился, оставив меня за столиком в тени широколистного дерева, названия которого я не знал. После перелета было приятно посидеть одному, вслушиваясь в таинственный разговор ветвей и шелест листьев.

— Пожалуйста.

Передо мной появилось фильто, искрящееся и прозрачное. Второй служащий принес крылья, вынул их из чехла и опробовал двигатель.

— Пожалуйста, все в полном порядке. Вас проводить?

— А это далеко?

— Не очень.

— Тогда дайте лучше план, я сам разберусь.

Оставив деньги, я пристегнул аппарат, попробовал управление и медленно поднялся в воздух. Посадочная площадка, резко выделявшаяся на фоне сплошной зелени, поползла назад, становясь все меньше. Крылья парили, и движения почти не ощущалось. Достигнув стометровой высоты, я достал план, сориентировался и включил двигатель на полную мощность. Упругие струи воздуха ударили в лицо, а внизу замелькали разнообразные строения, ленты дорог, кущи деревьев. Я пролетал над зданиями непонятного назначения и странной архитектуры, над открытыми бассейнами, наполненными прозрачной голубоватой водой, над спортивными сооружениями, площадками для игр, полосами густой растительности, над яркими лужайками, усыпанными пестрым ковром цветов, все прелести сказочного Хасада-пир раскрывались передо мною. Хотелось лететь и лететь вперед, любуясь расстилающейся внизу панорамой, и наслаждаться ощущением полета, сливаясь всем существом с капризной воздушной стихией. Наконец, показался и Пижоб-село. Я сделал несколько кругов и опустился.

Конд оказался дома, если можно так говорить о том временном жилье, которое он для себя избрал. Меня встретила величественная, облаченная в длинный ярко расцвеченный хлерикон фигура, в которой я с трудом узнал Конда. На ногах у него были легкие сельпиры, украшенные затейливым рисунком, а на голове красовалась миниатюрная шапочка, неизвестно каким образом державшаяся на самой макушке. Словом, это был не Конд, а сошедший со страниц истории древнесирадский джаса, который, судя по его вялым и медлительным движениям, изнывал от лени и безделья, и еще чего доброго, в угоду своей мимолетной прихоти, прикажет растянуть меня на обруче и пустить катиться с наклонного помоста.

Убранство помещений соответствовало костюму. Головокружительный переход из одной исторической эпохи в другую в первый момент ошеломил меня, и комизм представшей передо мной картины дошел до сознания не сразу.

Я расхохотался.

Конд, явно раздосадованный, скрылся за дверью. Минут через пять, успокоившись, я зашел в соседнюю комнату. Он сидел, небрежно развалившись на тахте, и машинально бросал себе в рот сочные сори.

— Ну как, успокоился?

— Ты не обижайся, но вид у тебя...

— Ладно... давно прибыл?

— Только... знаешь, ты хоть хлерикон сними, а то с тобой разговаривать трудно... Вот так. Я прямо направился к тебе, хотел посоветоваться, как лучше провести здесь время, но теперь сомневаюсь в ценности твоих советов... увидев этот маскарад.

— По-твоему, значит, маскарад.

— Конечно.

— Ты, Ан, ничего не понимаешь. Думаешь, я просто дурачусь.

— А как же еще это назвать?

Конд сменил свою древнюю ленивую позу на более современную, но тоже небрежную.

— Отчасти ты прав. Дурачусь, но здесь все дурачатся. Я не знаю, какой болван назвал этот остров краем благоухающей радости, я бы его определил как место коллективного сумасшествия. Здесь все сходят с ума, и каждый старается сделать это самым необыкновенным образом. Мое легкое помешательство, которое тебя так развеселило, выглядит довольно бледным на фоне ярких достижений здешних завсегдатаев, но меня оно вполне устраивает. Я приехал сюда отдохнуть и поблаженствовать... Ты с дороги ничего не хочешь выпить?

— Нет, спасибо.

— Смотри... А древние владыки, нужно отдать им должное, умели нежиться. Эта привычка вырабатывалась у них веками.

— И ты решил воспользоваться опытом прошлого?

— А почему бы нет? Тебе никогда не приходило в голову, что для безделья подходит далеко не всякий костюм?

— И ты считаешь?..

— Попробуй, если не веришь. Этот на первый взгляд дурацкий хлерикон приспособлен идеально, в нем физически ощущаешь наслаждение жизнью.

— Ладно, может, ты и прав. Сейчас мне не кажется все это смешным... Пригляделся немного. Так ты и мне посоветуешь вырядиться в нечто невообразимое?

Конд поднялся на ноги и, пройдясь по комнате, взял в руки фигурку спящего Орипасы.

— Как хочешь, я тебе своего мнения не навязываю. Возможностей здесь множество, все определяется вкусом и... — Конд подбросил статуэтку в руке, ...наличными деньгами. Сколько у тебя осталось?

— Четыре тысячи ти.

Он причмокнул:

— М-да, дорогое это удовольствие иметь живого отца, дешевле хранить о нем светлую память... Впрочем, хватит, я за это время спустил около двух тысяч, а что касается советов, за которыми ты пожаловал... могу дать два. Первый — проведем эти дни отдельно, мы еще достаточно успеем надоесть друг другу в экспедиции.

— Согласен.

— И второй — заведи себе подругу.

— Что?

— Ничего. Ты не смотри на меня так. Запомни, дружище, что нет скучнее занятия, чем в одиночестве тратить деньги, поверь моему скромному опыту. Я... да что там, голодать и то одному легче! А женщины, — тут Конд оживился, — удивительные это создания! Присутствие, их придает остроту ощущениям, словно хорошая приправа, которая облагораживает и делает восхитительным самое посредственное блюдо.

Я рассмеялся, но он, не обращая внимания, продолжал с прежним пылом:

— Да, да, поверь, дружище. Странные и непонятные эти создания. Они могут быть то безумно расточительными, эффектно и с треском выпуская на ветер с трудом добытые деньги, то тошнотворно бережливыми. Вот мы и обращаемся к ним, когда нам нужно или приумножить или промотать содержимое своего кошелька. Истратить — дело, казалось бы, простое, но выполнить его с чувством, с толком... О-о!.. Не легко! Вот я тебе и рекомендую... э... стимул.

— А ты сам?

— Не беспокойся, средство апробировано. Ласия! — позвал он.

В соседней комнате послышался легкий шум, и через минуту в открытой двери появилась молоденькая девушка высокого роста с гибкими грациозными движениями и красивым лицом. Ее одежда, выдержанная в том же древнем стиле, состояла из полупрозрачных тканей, единственным назначением которых было подчеркивать линии и формы прекрасного тела. На иллюстрациях и картинах художников такой наряд выглядел привлекательно, но в обычных условиях казался чересчур откровенным.

— Моя вдохновительница, — отрекомендовал Конд.

— Антор, — представился я.

Она наклонила голову и сделала приветственный жест. Мне стало неловко. Неловкость порождалась излишне вольным одеянием Ласии и тем разговором, который мы вели с Кондом в ее присутствии. Он не предназначался для женских ушей. Почувствовав себя неуютно в создавшейся атмосфере, я стал собираться,

— Уже уходишь? — спросил Конд.

— Да.

— Что так рано?

— Последую твоим советам незамедлительно. Сейчас исполню первый — поселюсь подальше от тебя.

Конд прищурился:

— А как насчет второго?

Оставив этот вопрос без ответа, я распрощался и вышел.

* * *

Вспоминая сейчас обстановку, царившую в Хасада-пир, я испытываю какое-то безразличное чувство, словно меня окунули в нечистоты. Тогда это воспринималось не так остро, а если быть откровенным с самим собой, то зачастую просто отступало на последний план. Покоренный восхитительной природой, которая окружала и подобно ширме отгораживала меня от теневых сторон действительности, заипнотизированный комфортом и удобствами, сопутствующими каждому шагу, я как-то не замечал или не хотел замечать, что вся эта роскошь и доступность любых мыслимых удовольствий тяжелым бременем давит на плечи других.

Память почти всегда окрашивает прошедшее в теплые тона привлекательного, вероятно, потому, что прошлое неповторимо, а может быть, просто таково свойство человеческой памяти, хранящей в себе лишь светлые детали пережитого. И только сознание способно оценить все критически, но как мало значит сознание в формировании нашего настроения! Мы знаем, что смертны, но не огорчаемся и бываем веселы, мы отдаем себе отчет в том, что не все прожитые дни были радостны, но вспоминаем о них с сожалением и теплом.

Вот и сейчас, возвращаясь к тому периоду моей жизни, я только в нескольких строках отмечаю мрачный фон окружавшей меня действительности и цепляюсь в своих воспоминаниях лишь за светлое и радостное — за часы, проведенные вместе с Юрингой.

Юринга! Где она теперь и что с нею? Мое чувство к ней я пронес сквозь холод и мрак бесконечного расстояния, и оно до сих пор согревает меня здесь, вселяя непонятную надежду на возвращение. Словно оттого, что Юринга существует, мир стал ко мне добрее и отзывчивее. Наивна и запутана душа человека! Я не хочу думать о том, где и как мы встретились. Мы встретились там, этим достаточно сказано; нас свела моя прихоть и ее зависимое положение, и все это вначале было отмечено грязной печатью морали и нравов бесчеловечной страны «благоухающей радости».

Наш первый вечер...

Мы вышли прогуляться в парк. Солнце уже склонялось над горизонтом, с моря тянул прохладный ветерок. Она зябко куталась в легкую накидку и молчала.

Молчала.

Ее молчание угнетало меня. И без того после происшедшего днем мне было тошно и стыдно. Несмотря на всю мою неопытность в подобного; рода встречах, я подсознательно угадывал в ней что-то отличавшее ее от тех легкодоступных женщин, с которыми изредка имел дело. Это чувствовалось в манере держаться, в тоскливом взгляде, который она изредка бросала на меня, в безразличном, старательно скрываемом отношении к своему положению не принадлежащего себе человека. Я шел медленно и тоже молчал, не зная, как рассеять тягостную отчужденность, возникшую между нами, досадовал на самого себя, проклинал весь мир, Конда, и временами... ее, Юрингу. По-видимому, для человека не до конца потерянного порядочность другого бывает так же неприятна, как неприятен всякий укор совести.

— Юринга!

Она медленно повернула голову и посмотрела на меня. В сумерках зрачки ее глаз расширились и от этого взгляд казался еще более печальным.

— Слушаю вас, мазор-са.

— Юринга, тебе... не холодно? — Я не придумал ничего более уместного.

— Нет, не холодно.

— Может быть, пойдем в плис-павильон, там сегодня...

— Мне все равно.

— Ты бы могла быть любезнее... — Меня начал раздражать ее тон. — Если я тебе неприятен, скажи...

— А что от этого изменится? Вы отправите меня с жалобой и возьмете себе другую, нас здесь много...

Она на мгновение замолчала, но тут же заговорила снова, уже совсем по другому:

— Простите меня, мазор-са, это так, настроение. Что вы хотели мне сказать?

— Юринга, — я постарался смягчить свой голос, — не называй меня мазор-са, у меня есть имя, меня зовут Антор, Антор, слышишь?

Она повернула ко мне голову:

— Да, я слышала где-то это имя.

— Еще бы, — мрачно ответил я, почувствовав себя снова уязвленным, — не далее как сегодня я сообщил его тебе.

— Нет, раньше, я слышала его где-то раньше. Наверное, встречала в вестнике.

По лицу ее пробежала тень.

— Да, в вестнике. Вы богатый человек, а пишут всегда о богатых. Бедных не замечают, а если и пишут, то только тогда, когда им неожиданно посчастливится разбогатеть.

Я ничего не ответил. Какое-то дурацкое самолюбие, ложная гордость или мелкое тщеславие, не знаю, как еще охарактеризовать это чувство, помешали мне сказать ей, что я вовсе не так богат, как другие бездельники, населяющие Хасада-пир. Щегольская одежда и роскошное убранство моего временного жилища надежно маскировали мою бедность, и, конечно, она не представляла себе, что я был такой же бедняк, как и она сама, с тем лишь отличием, что на меня неожиданно свалился заработок за много времени вперед, который я проматывал с бездумным расточительством.

Разговор наш по-прежнему не клеился. Мы молча шли вперед. Дорожка, которая вела нас, сузилась, и стебли растений доставали иногда до лица, приходилось отводить их рукой, чтобы проложить себе дорогу.

Я вспомнил Ласию, которую видел у Конда. С той, наверное, было бы проще. Подумав о ней, я стал сравнивать ее с Юрингой. Ласия была, пожалуй, красивее, определенно красивее, но что-то было в ее красоте такое, что привлекало лишь ненадолго. Ей не хватало мягкости и обаяния Юринги, чья красота не бросалась в глаза сразу, а разгадывалась постепенно, черточка за черточкой и поэтому всегда была свежей, новой и неизвестной.

— Что вы так смотрите на меня... Антор?

— Тебе, правда, не холодно?

— Чуть-чуть.

— Может быть, все же зайдем куда-нибудь?

— Как хотите.

— Я хочу, чтобы ты захотела чего-нибудь.

— Мои желания, увы, невыполнимы даже... — Она замолчала.

— Ты хочешь сказать, с моими деньгами? Не надо, лучше выскажи пожелания.

Она грустно улыбнулась. В сгустившихся сумерках смутно вырисовалась ее стройная фигура. Я нерешительно обнял ее за плечи и почувствовал, как она вздрогнула от моего прикосновения.

— Пойдем, Юринга, куда-нибудь, где много людей, тебе нужно отвлечься.

Она взглянула на меня:

— Вы странный, Антор.

— Чем же?

— Так.

Помолчала.

— Мне можно быть с вами откровенной?

— Да, конечно. Тебя что-нибудь угнетает?

— Да.

— Что именно?

— Вы!

— Я!?

Последовала неловкая пауза.

— Вы не сердитесь, — рука ее коснулась моей, — я не хотела вас обидеть, поймите меня правильно...

— Чего уж там, — пробормотал я, — но... разве я хуже других? Договаривай, если начала.

— Нет. Наоборот... лучше, поэтому и тяжело. С вами я снова чувствую себя человеком, а быть человеком в моем положении...

Дорожка закончилась тупиком, в котором стояла тесная скамейка.

— Не хочешь отдохнуть?

Она отрицательно покачала головой. Мы повернули и пошли обратно. Под ногами шуршали камешки.

— Почему ты решила, что я лучше?

Грустная улыбка скользнула по ее губам.

— Не решила. Это видно, Антор, и кроме того я женщина, а женщины сильнее чувствуют. Я здесь... не первый день и многое научилась понимать. Вы думаете, это было незаметно, как вы стыдились самого себя, говорили мне из-за этого резкости, хотели казаться хуже, чем вы есть? Или... вот только что вы обняли ни, вы сделали это... простите... неловко. Но как хороша эта неловкость!

Она протянула из-под накидки руку и быстрым движением сорвала головку едва распустившегося лироса.

— Отпустите меня, Антор... Найдется кто-то другой, с кем я забуду, что я человек. В обществе зверей проще, чувствовать себя животным... а так тяжело... и вам со мной тоже трудно...

Юринга споткнулась и уронила накидку. Я поднял и молча протянул ей.

— Спасибо... если хотите, — голова ее повернулась ко мне, — я подыщу вам девушку, с которой будет легче — такие есть.

— Замолчи!

Я схватил ее за плечи и повернул к себе.

— Ты...

— Я вас обидела? — Она смотрела мне прямо глаза.

— Прости, Юринга, — пальцы мои постепенно разжались, — это так... вспышка, сейчас пройдет.

Мы стояли возле ярко освещенного здания. Здесь сновали люди.

— Уйдем отсюда.

— Хорошо, уйдем.

Она покорно следовала за мной. Я остановился около свободной машины и открыл дверцу.

— Поедем?

— Куда?

— Просто так, тебе холодно, а здесь тепло, и потом... мне хочется тебе что-то сказать.

— Хорошо, поедем.

Мы забрались на мягкие сиденья и включили отопление. Не зажигая плафон, я нащупал щиток автоуправления и ткнул первую попавшуюся маршрутную кнопку. Машина тронулась, неся впереди себя яркий луч света. Приятно покачивало. Я первый нарушил тишину:

— Ты просишь отпустить тебя, Юринга, и предлагаешь взамен...

— Простите, Антор...

— Да нет, я уже не сержусь. Отец был прав, когда называл меня... Впрочем, не то я говорю. Я не хочу отпускать тебя, Юринга, не хочу.

Она отодвинулась.

— Я приехал сюда совсем ненадолго, и мне хочется отдохнуть, просто отдохнуть. Мне не нужны эти сногшибательные аттракционы, хватит с меня и моих сегодняшних впечатлений. Здесь есть чудесные уголки, ты знаешь, в них грустно быть одному... Хочешь, будем вместе?

— Как вместе?

— Так. Представь, что ты приехала сюда вместе со мной, как приезжают другие, как приехал я сам, приехала отдыхать... Я не стану от тебя ничего требовать, ничего, понимаешь? Будь просто человеком, таки человеком, как тебе хочется. Я проведу здесь еще шесть дней, пусть они будут и твоим отдыхом. Хочешь? Или иди к другому, я тебя не держу...

Машина наклонилась на крутом повороте, и Юрингу прижало ко мне. Когда дорога выровнялась, я почувствовал ее руку, крепко сжавшую мои пальцы.

— Вы еще лучше, чем я думала... — тихо сказала она и положила голову мне на плечо. Глаза ее закрылись. Дальше мы ехали молча.

Я задумался о себе, о своей безалаберной жизни, бесцельно протекающей между небом и землей, и на сердце стало тоскливо до боли. Одиночество... вот что. Друзей много, а приклонить голову нигде. Об отце я тогда не вспоминал. Да что отец? Отец есть отец, до известного возраста он был просто моим господином, а потом... Матери своей я почти знал. Они с отцом не были женаты, и я появился на свет так же, как появляется добрая четверть населения Церекса. После отец разыскал ее и, генетически подтвердив право на мою персону, забрал меня к себе. С тех пор я больше матери не видел, даже не знаю жива ли она и как ее имя. Одиночество... Постепенно мысли мои вернулись к Юринге. Может быть, она...

Машина затормозила. Я выглянул в окно. Мы стояли у странного, погруженного в темноту сооружения, забранного полусферическим куполом. Здесь делать нечего. Я наугад ткнул другую маршрутную кнопку, и машина снова покатилась.

Сделав несколько поворотов, дорога пошла по берегу моря. Волны широкими языками выплескивались на песок и разбивались на миллионы огоньков — это светились микроорганизмы. Открывшаяся картина была грандиозна. За пенистой грядой прибоя расстилалась волнистая гладь, испускающая слабое сияние и казавшаяся фантастической под опрокинутым куполом звездного неба. Я опустил окно, чтобы дать свободный доступ морскому ветру. Юринга вздрогнула и открыла глаза. Несколько мгновений она непонимающе смотрела на волны и потом неожиданно улыбнулась.

— Где мы?

— Не знаю. Ты спала?

— Нет, мечтала. Море... Какое оно красивое. Говорят, что из моря... А какой сегодня день, Антор?

Я назвал.

— Да, как раз в этот день, — задумчиво произнесла она, — в этот день, по преданию, один раз в десятилетие из моря выходит на берег могучий альмир Дзарас-Па. До полуночи бродит он по земле среди людей, одетый в скромное платье, и ищет похищенную у него Блам-Расом свою прекрасную дочь Улу-Пийю... Вы слышали эту легенду?

— Слышал когда-то, но, признаться, забыл уже...

— Рассказать?... Я коротко.

— Я слушаю, Юринга.

— ...Коварный Блам-Рас, горя желанием отомстить своему благородному сопернику, не мог умертвить Улу-Пийю, но он до неузнаваемости изменил ее облик и обрек ее на вечные скитания по земле, в душных и пыльных городах, среди жадных и жестоких людей. Великий альмир моря Дзарас-Па не может ни узнать ее среди жителей земли, ни снять с нее чары. Лишь один раз в десять лет, когда у него появляется способность дышать воздухом, он выходит на берег и бродит по суше, награждая

счастьем каждую встречную девушку в надежде, что она может оказаться его прекрасной Улу-Пийей...

— Всё?

— Да, всё... Но он выходит так редко и так мало встречает девушек, что...

— Что женское счастье у нас вошло в поговорку, это ты хочешь сказать?

— Да.

— А почему ты вспомнила об этой легенде, Юринга?

— Так... Увидела море, и потом мне показалось... Впрочем, это лишь сказка, только сказка.

Она повернулась ко мне, и в глазах ее зажглись огоньки, похожие на те, что сверкали в капельках прибоя.

— Расскажите мне что-нибудь, Антор. Вы, наверное, многое знаете.

— Что же рассказать тебе?

— Все равно, — она устроилась поудобней и повернулась лицом к черному небу, — что-нибудь о других мирах, вы, конечно, читали, туда ходят наши корабли, там, вероятно, совсем другая жизнь, не такая, как у нас. Это правда?

— Там нет жизни, Юринга.

— Нигде-нигде? — В голосе ее послышалось разочарование.

— Нигде поблизости.

— Откуда вы знаете? Может быть, вот на этой звезде живут люди, прекрасные люди, лучше нас с вами.

— Там нет людей, Юринга.

— В книжках могут писать неправду, мы же не все знаем.

— Да, мы знаем немного, но достаточно, чтобы убежденными в том, что людей в нашей планетной системе нигде больше нет.

— Почему вы так убеждены?

— Я астролетчик, Юринга, и многое видел своими глазами.

Она некоторое время смотрела на меня как-то по-новому.

— Астролетчик. — В голосе ее послышалось не то удивление, не то разочарование или что-то другое, я смог точно уловить интонацию.

— И вы летали там, — она кивком головы показала на звездное небо.

— Да, конечно, и много раз.

Придвинувшись ко мне, Юринга вдруг заговорила быстро-быстро:

— Расскажите! Расскажите все. Я не верю, что там нет жизни. Там должны быть люди, и они должны жить лучше нас. У нас все так нехорошо. Я часто смотрю на небо и в каждой звездочке вижу искорку счастья других людей. Они, должно быть, очень счастливые, смотрите, как искрится их счастье!

— Не знаю, Юринга, может быть, где-то далеко-далеко у какой-нибудь звезды и живут люди, но нигде поблизости их нет, и хорошо, что нет. Неизвестно, какие они были бы, у нас и своих несчастий хватает... За пределами нашей атмосферы раскинулся безбрежный холодный и мрачный океан пустоты, в котором маленькими крупинками, отдаленными друг от друга на громадные расстояния, затерялись шары-планеты, вроде нашего Церекса, одни больше, другие меньше. Поверхности их устроены по-разному, но везде там человека подстерегают опасности, неведомые и внезапные. Воздух этих планет отравлен ядовитыми газами, а исполинская сила тяжести, если бы мы вздумали опуститься там, превратила бы нас в беспомощных ласов, какими они становятся, когда их вытаскивают из воды.

— Так везде?

— Почти везде.

— И на этой звезде тоже? — она указала снова на Арбинаду.

— Это не звезда.

— Я знаю, планета. Мне кажется, что их там сразу две...

— Это правда, их на самом деле две. Одна большая, больше нашего Церекса, а другая меньше — спутник, Хрис называется.

— Вы там были?

— Нет. Еще нет, но скоро полечу.

Юринга вопросительно посмотрела на меня.

— Через шесть дней я уезжаю отсюда для подготовки к экспедиции. Быть может, там действительно есть жизнь и даже люди.

Я задумался о предстоящем полете. Юринга осторожно тронула меня за плечо. Я обернулся.

— Антор, мне хотелось бы испытать ощущение летчика и увидеть небо...

— Это невозможно, Юринга.

— Я знаю, но тут, в Хасада-пир, есть аттракцион... космический, я там ни разу не была, мои... эти... они никогда не интересовались, их влекло всегда другое. Давайте съездим. А?

Мне не хотелось отказывать Юринге, и, по правде говоря, меня самого заинтересовал этот аттракцион. Было любопытно, как там надували публику.

— Хорошо, поедem. А ты знаешь, куда?

— Знаю, давайте я поведу машину.

Мы обменялись местами. Юринга выключила авторулевого и, взяв управление в свои руки, развила большую скорость. Быстрая езда требовала напряженного внимания, и мы почти не разговаривали. Наконец, впереди показалось строение, напоминающее своими архитектурными формами здание космопорта Лакариана, только значительно меньше по размерам и более вычурное. Мы подъехали к нему и остановились.

Внутренняя отделка была великолепна. Миновав первый большой зал, где нас встретил служащий аттракциона, мы спустились глубоко вниз по лестнице и, направляемые им дальше, через узкую, похожую на люк дверцу, проникли в неосвещенное и тесное помещение. Вспыхнул свет. Мы словно находились в кабине космолана старой конструкции. Иллюзия была полная. Я узнавал на стенах хорошо мне известные приборы, регуляторы, автоматы. Довольно внушительно для непосвященных выглядел пульт управления, который, видимо для большего впечатления, был перегружен многочисленными кнопками и рукоятками. Даже в старых конструкциях ракетопланов управление не отличалось такой сложностью. Служащий принялся было объяснять назначение отдельных приборов, но я остановил его:

— Спасибо, фаси, мне все это хорошо знакомо. Расскажи лучше, как организуются сами иллюзии полета.

Он внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что в чертах его морщинистого лица видится что-то знакомое.

— Юрд! — удивленно воскликнул я.

— Да, старик Юрд, ты не ошибся. Думал, не узнаешь меня, Антор, важный стал, мне «фаси» говоришь.

— Извини, меня.

— Чего там, я уже привык. А ты, я слышал, летишь на Арбинаду?

— Да.

— Повезло тебе. Это была моя мечта. Но теперь... видишь, где летаю... Так я пойду... будете готовы — нажми вот эту кнопку.

Он подошел к двери-люку и, обернувшись, добавил:

— Барышню пристегни, да и сам, пожалуй, тоже закрепись... Ты один здесь или еще с кем-нибудь из наших?

— С Кондом... А что, ощущения похожи?

— Да, довольно натуральны... Заходи ко мне, я здесь и живу, поговорим хотя бы.

Я кивнул. Дверь захлопнулась. Юринга удивленно смотрела на меня:

— Кто это?

Я ответил не сразу:

— Пилот Юрд, в прошлом замечательный астролетчик.

— Почему же он так беден?

Я не стал отвечать. Подведя Юрингу к стартовому креслу и усадив ее, я закрепил пряжки предохранителей, затем устроившись сам, нажал указанную Юрдом кнопку. Загорелась контрольная лампочка.

— Держись, Юринга!

Едва я успел это сказать, как на нас стала наваливаться тяжесть, придавливая к креслам. Сзади за стенкой грохотало, словно при работе двигателей. Я почувствовал себя снова взлетающим в небо.

* * *

Мы выбрались к Юрду под вечер. Было еще не очень поздно, но небо застилали облака, и в воздухе уже сгушался сумрак. С моря тянуло прохладой и сыростью. Выйдя из машины, мы двинулись по тропинке. Конд шел впереди, уверенно прокладывая дорогу среди пышно разросшегося кустарника. Я едва поспевал за ним и нес сверток с напитками и снедью, который мы предусмотрительно захватили с собой. Вскоре мы достигли здания «космического аттракциона» и принялись искать вход в служебное помещение.

— Кажется, здесь, — сказал Конд, останавливаясь перед узкой дверью, покрытой слоем растрескавшегося пластика. — Как ты думаешь?

Я привстал на носки и попытался в полутьме прочесть надпись над дверью.

— Похоже... сигнал, чтобы открыли.

Он пошарил у порога ногой, нащупывая педаль звонка и, не найдя ее сразу, сдержанно выругался. Наконец, в глубине здания возник и затих мелодичный звон. Мы постояли минуты две, затем позвонили снова, Никто не откликнулся.

— Может быть, он и не ждет нас, — сказал Конд.

— Должен ждать, я предупредил его, что мы сегодня придем. Звони сильнее.

Однако Конд поступил иначе: он просто толкнул дверь, и она отворилась. Мы проникли в тесный сырой коридорчик, который привел нас к небольшой комнате без единого окна с низко нависшим потолком. Вдоль карниза тянулись яркие трубки дешевых

люминесцентных ламп, бросавших безжизненный свет на скудные предметы обстановки. Здесь царил идеальный порядок, какой нередко можно встретить в квартирах старых педантичных людей. Хозяина дома не было.

— Так я и думал, — сказал Конд оглядевшись, — напрасно мы потеряли время. Юрда нет, и неизвестно, когда он вернется. Пошли обратно?

— Подождем, — возразил я, — он где-нибудь тут, поблизости. Раз двери были не заперты — значит он ждал нас. Вот, кстати, и записка.

Юрд извещал нас, что отлучился ненадолго. Мы расположились как дома. Конд развернул наш сверток, побросав обертки на пол, а содержимое разложил на столе с лихостью уличного торговца ходовым товаром.

Юрд не заставил себя долго ждать. Он с порога окинул нас испытывающим взглядом, словно удивляясь приходу гостей.

— Не обманули, спасибо, — сказал он, усаживаясь напротив нас, — и даже понатащили всего. Тоже спасибо. Не скрою, мне редко теперь приходится пробовать что-нибудь изысканное, прошли те времена.

Движения Юрда были медлительные, вялые, но в них чувствовалась все же скрытая сила. Я подумал, что он, наверное, не так уж стар, как можно было представить по его выцветшим глазам и морщинистому лицу. Вялость и медлительность движений были скорее свойством характера, а не проявлением старческой немощи. Он нагнулся и подобрал с пола разбросанные Кондом обертки и навел некоторый порядок на столе.

— Ну рассказывайте, какие новости у нас? Когда вы летите?

— Еще не скоро, — ответил я, — через три дня только должны явиться в Харту, а там начнется подготовка.

— Конкурс был большой?

Конд усмехнулся в ответ:

— Большой, только на этот раз мы все решили сами.

— Сами? Каким же образом?

Конд с явным удовольствием рассказал о всех предшествующих событиях, не забыв упомянуть о Ромсе и его гибели. Юрд слушал не перебивая и лишь изредка вставлял короткие реплики. Мне показалось, что он уже знал об этой истории. Но откуда он мог знать? Или действительно только показалось?

— Итак, значит, — заключил Юрд, пододвигая к себе бокал, — пилотами экспедиции летите вы оба, а кого назначили начальником? Еще неизвестно?

— Известно.

— Кого?

— Кора, — сказал я. — Ты слышал о нем?

— Так начальником будет Кор, — в раздумье протянул Юрд, — слышал о нем кое-что.

— Хорошее или плохое?

— Всякое. Я даже сталкивался с ним и советую вам быть осторожнее. Это своеобразный человек. В космосе он почти не бывал, и наши традиции ему чужды. Ну, что же вы? Думаете, я один все это выпью и съем?

Мы наполнили бокалы. Юрд выпил и посмотрел на нас своими бесцветными глазами.

— Завидую я вам: Арбинада — удивительная планета! Ведь недаром вокруг нее идет столько споров. В первой экспедиции на нее должен был лететь пилотом я, но...

— Полетел Скар?

— Нет, не Скар. Скар полетел тогда, когда я уже больше не летал и, кроме того... ему трудно завидовать.

— Та экспедиция, о которой я сейчас говорю, вообще не состоялась. Ее отменили, и Скар полетел только через пять лет...

Юрд встал и взволнованно прошелся по комнате. Вялость и медлительность его исчезли, походка сделалась упругой.

— Сколько тебе было лет, когда ты перестал летать? — спросил Конд.

Юрд круто повернулся.

— Мало. Для такого летчика, каким был я, еще мало.

— Работал у Парона?

— Нет, у этого дельца не работал.

— Так что же тогда произошло?

Юрд пытливо взглянул сначала на Конда, словно соображая, можно ли довериться, потом на меня, но так и не решился.

— Были причины... — глухо произнес он. — Я и сейчас не сию без дела.

Мы с Кондом переглянулись, и, сознаюсь, в тот момент я, внутренне улыбнулся, вспомнив работу Юрда в «космическом балагане», где мы впервые его встретили с Юрингой. Не слишком стоящее дело для астролетчика такого класса! Конд вздохнул:

— Да-а, судьба наша неважная.

— Ничего, я не жалею. Главное — найти себя.

Юрд говорил загадками, которые были мне тогда еще совсем не ясны, и мы понимали его слова в буквальном смысле. Я оглядел стены его комнаты, увешанные фотографиями ракетопланов разных классов, видами планет, как они смотрятся с расстояния нескольких десятков тысяч километров, портретами, известных исследователей космоса, и мне стало грустно. «Неужели, — подумал я, — меня в дальнейшем ожидает такое же одинокое существование среди старых реликвий и воспоминаний? Неужели и мне придется довольствоваться жалким положением мелкого служащего? Только не это! Пусть лучше мой труп выбросят в пространство, чтобы он вечно кружил между планетами. Так летает много наших».

В то время я еще не догадывался, что Юрд продолжает жить полноценной жизнью, став на путь более опасный, чем тот, по которому шли мы, и делая дело куда более важное. Обо всем этом я узнал только здесь, на Хрисе, да и то в известной мере случайно.

Мы с Кондом засиделись у Юрда допоздна. Не скрою, может быть, этому способствовало содержимое того пакета, который мы принесли, с собой. Когда на столе остались только пустые бокалы, Юрд пустился в воспоминания, и от рассказов его повеяло таким ароматом прошлого, но вместе с тем близкого нам, что уходить не хотелось.

— Ну и как же ты перестал летать? — спросил под конец Конд.

— Как? — Юрд улыбнулся, и морщины его разгладились. — Очень просто: я побывал на Хрисе.

— Я тоже бывал на Хрисе, — недоуменно ответил Конд, — однако летаю до сих пор.

Юрд перестал улыбаться и отодвинулся от стола. Он обошел комнату своей вялой походкой и пригасил освещение. Заглянул зачем-то в коридор и сразу же вернулся. Подошел к нам и сел, подперев голову руками.

— Вот что, — сказал он, — каков план вашей экспедиции? Тот же, что и в прошлый раз?

— Да, примерно, — ответил я, — летим на орбитальном корабле, с него и намечается спуск на планету.

— Я так и думал, — сказал Юрд, — и все же у меня есть к вам просьба. Я знаю, что по плану спуск на Хрис не предусмотрен, но я сам достаточно летал в космосе, чтобы представлять себе, как иногда ломаются самые продуманные планы (увы, он оказался прав). Одним словом, не исключена возможность, что вам придется совершить посадку на Хрис. Если это произойдет и вы встретитесь с персоналом хрисской станции, то разыщите там инженера Мэrsa и передайте ему вот это.

Юрд опустил руку в карман и извлек металлический цилиндр.

— Здесь письмо, — он положил цилиндр на стол, — не пытайтесь его вскрыть, вам не удастся сделать это, не повредив футляр, а самое главное — вы все равно не сможете прочесть, оно зашифровано. Я вам верю, но в тех пределах, которые мне самому

дозволены. Возьмите его. Бери ты, Антор, и храни, а ты, Конд, возьмишь, если с Антором что-нибудь случится.

Голос Юрда звучал твердо, и мы чувствовали, как он приобретает над нами какую-то необъяснимую власть.

— Никому о нем не говорите, ни единой душе, так будет безопаснее для вас самих. Ясно?

— Очень даже, — проговорил Конд. — Мы возьмем письмо, только это для тебя, Юрд, остальное нас не касается.

— Пусть остальное вас не касается. Если на Хрис садиться не будете, выбросьте его на обратном пути в космосе. Вот и все, а теперь идите, уже поздно.

Мы поднялись.

— Прощайте, желаю вам удачи. Арбинада трудная планета, хотел бы быть с вами,

Пока мы шли до двери, Юрд начал наводить в комнате прежний порядок; я заметил это, покидая его жилье. Когда мы выбрались из здания, он прокричал нам вслед старое пожелание астролетчиков:

— Счастливой посадки!

— Счастливой посадки! — ответил Конд и помахал рукой, обернувшись назад к слабо освещенному дверному проему, где неясной тенью виднелась фигура Юрда.

Мы зашагали к дороге между шумевшими на ветру кустами, чутьем угадывая в темноте свой путь. Оставленной машиной никто не успел воспользоваться — она стояла на месте. Конд, усевшись за руль, проговорил:

— И что за дела у Юрда, не понимаю! Если бы это был не он, а кто-нибудь другой, ни за что не стал бы ввязываться в темные махинации, терпеть их не могу. Всегда они скверно кончаются. Ты что по этому поводу думаешь?

А я тогда ничего не думал. Я вспомнил о Юринге, которая ждала меня дома. Думать обо всем этом я начал только теперь.

* * *

Особенно мне запомнился последний день, проведенный в Хасада-пир оазисе. Я заметил между прочим, что дни, которые замыкали тот или иной отрезок моей жизни, почти всегда преподносили мне хорошее или плохое, но памятное событие. Так случилось и тот раз. На первый взгляд, все произошло довольно неожиданно для меня, хотя, оглядываясь теперь назад, я понимаю, что предшествующие дни, шаг за шагом подвели меня к принятому тогда решению. Радость, горе, отчаяние и счастье, которые пережила Юринга, настолько врезались мне в память, что я отчетливо вижу каждое сделанное ею в тот день движение, слышу каждое произнесенное слово.

Полуденное солнце то скрывалось в облаках, то, вырываясь на волю, светило прямо в окно, против которого, забравшись с ногами в кресло и свернувшись в тесный

комочек, сидела Юринга. Она была задумчива и печальна. Ее большие темные глаза с самого утра смотрели на меня с затаенной грустью. Я и сам чувствовал себя необычно, на душе было беспокойно, и какая-то неясная тоска тяготила меня. В оставшиеся предотлетные часы от нечего делать я то прохаживался из комнаты в комнату, то подолгу смотрел в окно, мысленно прощаясь с красочными пейзажами этого уголка нашей планеты. Временами я подсаживался к Юринге, пробовал шутить, надеясь развеять ее грусть, но, не достигнув успеха, снова поднимался, ощущая какую-то странную раздвоенность и смутное беспокойство. В довершение всего во мне тлело предчувствие неотвратимой утраты, которое не оставляло меня ни на минуту, но и не проявлялось настолько сильно, чтобы с этим чувством можно было бороться. Постояв у окна, я снова подсел к Юринге и взял ее руку. Рука была холодна и безжизненна.

— Что с тобой, Ю, ты сегодня такая же мрачная и безвольная, как вот та тучка, которую несет ветер, и вы обе готовы пролиться дождем... Будь веселой, как эти дни.

Она слабо улыбнулась, но ничего не ответила, лишь пальцы шевельнулись в моей руке.

— Смотри, что я тебе купил... вот, ты же любишь этот цвет, ты как-то говорила.

Я достал липруну и положил ей на колени.

— Нравится?

— Да, красивая... Спасибо, но мне бы хотелось совсем другое.

— Что же?

— Что-нибудь лично ваше, какую-нибудь пустяковую вещицу, но вашу, а не купленную на ваши деньги.

— Зачем тебе?

— Так. Я хочу! — В голосе ее послышалась настойчивость, но она тут же уступила место прежней грусти. — Вы уедете сегодня, и я вас больше никогда не увижу... Вам не было скучно со мной?

Я привлек ее к себе.

— Нет, только вот сегодня...

— Не шутите, Антор, — с расстановкой сказала она, — мне сегодня тяжело слушать шутки, побудьте тоже таким, как всегда.

Я осторожно провел ладонью по ее щеке и застыл, не отнимая руки от ее лица.

Бывают моменты в жизни, когда мы неожиданно начинаем понимать самих себя и вдруг убеждаемся, что жили, поступали и делали все не так. Тогда мы принимаем решения, которые резко изменяют нашу дальнейшую судьбу и о которых мы в дальнейшем не жалеем.

— Юринга!

Зрачки ее глаз расширились... Она вздрогнула, и на лице ее отразилось смутение, словно своим женским чутьем она угадала те мысли, которые вихрем пронеслись у меня в голове.

— Юринга... Ты согласилась бы стать моей женой?

Последовала самая неожиданная реакция. В глазах у нее вспыхнула радость, потом промелькнул испуг, и она разрыдалась... разрыдалась так, словно на нее свалилось тяжелое, непоправимое горе.

— Юринга! Что с тобой? — Я прижал ее к себе и гладил ее плечи, спину, руки. — Я обидел тебя? Подожди, не плачь, ответь хоть что-нибудь!

Лицо ее спряталось у меня на груди, а руки робко тянулись к плечам и, забравшись под воротник одежды, напряглись, притягивая мою голову к себе. Я взял ее за плечи и, оторвав на минуту от себя, заглянул в глаза.

— Юринга! Успокойся! Скажи, в чем дело?

— Я... я... — Рыдания мешали ей говорить. — Вы это серьезно, Антор?

— Конечно, серьезно, неужели ты думаешь, что я мог бы так пошутить?..

Голова ее снова ткнулась мне в грудь.

— Да, я... знаю... но мне хотелось услышать еще раз.

— Так ответь мне, ты согласна?

— Я... я не могу... вы сами... откажетесь... если узнаете... если узнаете все...

— Что все? Почему ты не можешь?

Она затрясла головой:

— Не могу... Вы богатый, Антор, а богатые... я знаю... богатые женятся ради детей... наследника, даже если любят, а я... я не могу быть матерью, я...

Она снова разрыдалась и сникла, обессиленная признанием. Я подхватил ее на руки и посадил к себе на колени.

— Что ты говоришь, Юринга! Откуда ты взяла, что я богат? Кто это тебе сказал? И почему ты не можешь?..

— Нет... не могу... здесь, в Хасада-пир... когда нас, девушек, берут сюда, нас... нам делают операцию, чтобы не возиться с... последствиями... это условия контракта, который подписывают родители...

Я замолчал, потрясенный ее несчастьем. От этого Юринга стала мне еще дороже и ближе. Она сидела, не двигаясь, и только вздрагивала от затихающих рыданий. Медленно

текли минуты. Я смотрел на это незащищенное существо, лишенное всяких надежд на счастье, еще более одинокое и бездомное, чем я сам.

— Юринга, — мягко сказал я, — не будем думать о будущем в... этом смысле... Я не намерен...

Она подняла голову и с трепетом посмотрела мне в лицо.

— ...менять своего решения. Ты многое представляешь себе неправильно. Ты думаешь, я богат и счастлив, но у меня нет ни того, ни другого. Если я нужен тебе, если ты хочешь быть со мной, если ты будешь счастлива со мной, то... давай уедем отсюда вместе и будем вместе столько, сколько позволит наша судьба. Конечно, лучше бы потом иметь... и другие радости, но сейчас мне больше всего на свете нужна ты. Ты! Понимаешь, только ты. Не торопись, подумай, жизнь наша не будет легкой, денег у меня далеко не всегда столько, сколько я имел их здесь, зарабатывать на жизнь мне приходится тяжелым трудом, и я часто буду оторван от тебя на целые годы... Подумай, Юринга.

По мере того как я говорил, глаза ее светлели, наливались радостью, а когда кончил, она порывисто прижалась ко мне.

— Зачем вы мне это говорите, Антор? Неужели вы до сих пор не понимаете, что я... люблю вас? Мне безразлично, буду я с вами сыта или голодна, плохо или хорошо одета. Я буду знать, что вы со мной, даже если вы будете далеко... а это так много! Правда?

Я еще крепче прижал ее к себе.

— Вы не пожалеете, Антор. Я буду вам настоящей подругой. Вы не думайте, я веселая, это здесь я была грустной временами, потому что вспоминала о том, что вы уедете... А теперь вы будете со мной. Вам не будет скучно, я даже училась до того, как попасть сюда, и я красивая... Правда? Я вам нравлюсь?

— Очень, Юринга...

Мы долго молчали, глядя друг на друга и забыв обо всем окружающем. Я первым вернулся к действительности. Пора было что-то предпринимать, так как времени до отлета оставалось уже совсем мало. Скоро должен был прийти Конд, как мы договорились с ним утром, чтобы лететь вместе в Харту.

— Юринга, у нас мало времени. Скоро уходит конвертоплан, и ты должна еще освободиться от своей зависимости. Сколько придется платить неустойки?

— Много, очень много. Я точно не считала. Кажется, пятьсот ти. — Она тревожно посмотрела на меня. — У вас... у нас есть такие деньги? Я могу говорить «у нас»?

— Да, Юринга, да, и деньги есть... пока во всяком случае.

Я подошел к шкафчику, в котором хранились моя капиталы. Высыпав деньги на стол, я пересчитал их. Оставалось всего шестьсот ти. Пятьсот нужно было отдать Юринге, в тридцать обойдется перелет, остаются гроши — всего семьдесят ти на ближайший месяц и непредвиденные расходы. Это более чем скромно. Хорошо еще, что за все остальное было уже заплачено. Юринга смотрела на меня, и, казалось, читала каждую мысль.

— Вы не беспокойтесь, Антор, я как-нибудь доживу до вашего возвращения... мне приходилось и хуже. Только вы возвращайтесь ко мне. Я буду ждать вас всегда, всю жизнь!

Я ласково погладил ее по плечу.

— Ничего, устроимся, кое-что я еще оставил отцу... Ты торопись, скоро придет Конд, мы полетим вместе.

Она подошла ко мне и снова обняла.

— Антор, а кто этот... Конд?

— Мой товарищ, я лечу в экспедицию вместе с ним. Ты его знаешь. Помнишь, когда мы впервые встретились, он был вместе со мною?

Юринга отступила на шаг,

— Это такой высокий?

— Да.

— Антор, вы не обижайтесь... но я не хочу его видеть.

— Почему?

— Он нехороший.

— Почему ты так решила?

— Я знаю. Он так смотрел на наших девушек... Вы так не смотрели...

— Не будем спорить, Юринга, — остановил я ее, — у тебя еще будет время убедиться в том, что о мужчинах следует судить не по тому, как они смотрят на женщин... Вот деньги, иди и верни себе свободу...

Я проводил ее до дороги и, посадив в машину, вернулся, чтобы собрать вещи, которые накопились за время моего пребывания в «оазисе удовольствий». Конд появился раньше, чем я его ожидал. Ввалившись в дверь, он сразу наполнил помещение шумом и движением.

— А ты недурно устроился, — заметил он деловито, заглянув в каждый угол. — Собрался уже?

— Нет еще, собираюсь.

— Ну собирайся, а я пока отдохну. Где тут у тебя можно удобнее примоститься?

— Где хочешь, хотя бы здесь...

Я показал ему на кресло. Он пододвинул его поближе ко мне и сел, вытянув вперед свои длинные ноги.

— Я, понимаешь, сегодня забрел со своей Ласией в такое место на этом Хасада-пир, что тебе, наверное, и не снилось. До чего только люди не додумаются!, Устал, правда, но впечатлений на всю жизнь... с избытком.

Блаженно разглагольствуя, он сквозь приспущенные веки наблюдал за моими сборами. Потом широко открыл глаза и неожиданно спросил:

— Слушай, Ан, я одного не понимаю, зачем ты женские тряпки укладываешь? Разве ты их не оставляешь здесь?..

Вопрос застал меня врасплох. Было ясно, что Конду все равно придется рассказать о моем решении, но на это как-то не хватало духу.

— Оставляю, — ответил я, продолжая бережно складывать накидку, подаренную мною Юринге в первый день нашего знакомства.

— Тогда чего же кладешь их вместе со своими вещами или ты их тоже оставляешь?

Я промолчал.

— Может быть, ты все же объяснишь? — Конд придвинул к себе графин с олано.

— Объясню, — резко ответил я, — мы поженились...

Он подскочил в кресле, словно его укусила лика.

— Поженились! Ты женился на этой...

— Да, на Юринге.

— Сумасшедший!

Конд заходил по комнате большими шагами, пиная ногами попадающиеся на пути стулья.

— И с таким ненормальным я должен лететь в рейс! Подумать только! Ты... когда это случилось?

— Успокойся, этого еще не случилось, это должно случиться...

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно, такими вещами не шутят...

Конд остановился у стола, налил себе полную чашку олано и выпил одним духом. Потом повернулся ко мне:

— Ты как полагаешь, я тебе друг?

— Надеюсь, — ответил я, продолжая хладнокровно складывать вещи.

— Тогда позволь высказаться, я, знаешь, коротко и прямо. Хочешь слышать мое мнение?

— Говори, — сказал я, догадываясь, какого рода мнение он собирается высказать.

Конд несколько раз прошелся по комнате, видимо подбирая наиболее убедительные доводы и приводя в порядок свои мысли. Заговорил он, впрочем, без особой экспрессии:

— Решение твое, Антор, нелепо от начала до конца. Мне, может быть, и трудно будет тебя сейчас убедить, но попробую. Ты не случайно решился, я понимаю, чувства там разные... и все такое, но чувства чувствами, а женитьба женитьбой. Ты должен разграничивать эти понятия. Пригреть и приласкать можно любую девчонку, но жениться далеко не на всякой. Мы живем не на необитаемом острове, а в обществе, которое имеет свои традиции, и переступать их... не стоит. Ты подумал о том, кто твоя Юринга? Девушка, проданная в Хасада-пир, и вдруг... жена астролетчика! Как отнесутся к тебе наши товарищи?

— Как? Если поймут, отнесутся правильно, а не поймут — значит плохие у меня товарищи, — спокойно возразил я.

— Плохие! — Он снова начал горячиться. — Это легко говорить тебе сейчас. Неизвестно, как бы ты еще сам воспринял, например, мое решение жениться на Ласии, тоже в глубине души подсмеивался бы надо мной. И над тобой будут подсмеиваться, даже если ничего не скажут прямо. Как ты будешь себя чувствовать?

— Великолепно буду чувствовать. Не говори ты чепухи. Никто и знать не будет, что она отсюда... Или, может... ты расскажешь?

— Я!? Не-ет...

Он еще раз приложился к олано и, вытерев рот, продолжил свое наступление:

— Хорошо, пусть ты такой непроницаемый, что тебя не будут задевать насмешки, допустим. Или допустим еще большее, что никто не узнает, кто она такая. Но известно ли тебе, что она не может подарить тебе ребенка? Это ты знаешь?

— Представь себе, знаю.

— Знаешь?

— Да.

— Вот как!

Конд, казалось, был сбит с толку, он, видимо, больше всего надеялся на этот аргумент. Замешательство его, однако, продолжалось недолго. Придя в себя, он быстро переменил тактику.

— Ты непоколебим, Антор, и непоколебимость эта питается лишь тем большим чувством к Юринге, которым ты сейчас горишь.

— Она стоит того.

— Согласен, может быть, стоит. Но подумай, надолго ли оно у тебя, а если надолго, то что ты ей можешь дать еще, кроме этого чувства. Чувство есть чувство, оно не материально, а ей надо жить. Ты же астролетчик, и судьба твоя капризна. Сегодня у тебя есть деньги, а завтра их нет, сегодня ты жив, а завтра... Ты подумал об этом? Здесь, несмотря на всю унижительность ее положения, она всегда сыта, одета и имеет крышу над головой, а как она будет жить с тобой? Или... без тебя?

Я закончил сборы и, сложив вещи в один угол, подошел к Конду.

— Знаешь, Конд, хватит, я выслушал твое мнение, оно... не оригинально. Насмешки... общество... дети... ерунда все это! Я хочу обыкновенного человеческого счастья, и я нашел его, пойми ты это, а дети... много ли у тебя детей, ты, который так печешься о них?

— Есть, наверное...

Я засмеялся.

— Видишь, ты от этого не стал счастливее, а Юринга, она тоже хочет просто счастья, а не унижительной сытости под ненавистной крышей...

— Да, но...

Конд осекся, увидев Юрингу, стоящую в дверях. Она еле держалась на ногах, взгляд ее потух, лицо осунулось. Я подскочил к ней и взял на руки.

— Что случилось, Юринга?

— Я пришла... проститься с вами, Антор, и... вернуть деньги.

Кулачок ее раскрылся, и на пол посыпались монеты.

— Почему? Ты раздумала?

— Нет...

— В чем же дело?

— У нас недостает, чтобы... чтобы выкупить меня, нужно больше... восемьсот ти...

Она оторвала свое лицо от моей груди, взглянула в глаза.

— Я всегда буду помнить вас, Антор, вы были так добры ко мне, только напрасно, напрасно... вы так много на меня тратили раньше...

Она горько заплакала. Я, продолжая держать ее на руках, повернулся к Конду, словно мог в нем найти поддержку. Он стоял в глубоком раздумье, низко опустив голову и опершись рукой о спинку стула. Вдруг он поднял лицо, пристально посмотрел на меня и крепко ударил кулаком по столу:

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько там у вас не хватает?

— Триста, — мрачно ответил я.

— Поехали, поехали, пока я не передумал, берите вещи, сюда мы вернуться уже не успеем, конвертоплан уходит... ого! Да живее вы!

Я опустил ничего не понимающую Юрингу на пол, быстро собрал рассыпавшиеся монеты и подхватил чемодан.

— Пошли, Юринга, а ты еще думала, что он... пошли, одним словом.

...Когда мы поднимались на борт, Конд, пропустив Юрингу вперед, задержался около меня.

— Слушай, Ан, — сказал он. — Эти триста ты мне не должен, понимаешь? Я бы их все равно... а так, первый раз, кажется, сделал доброе дело... Вы оба выглядите до завидного счастливыми... Ты все-таки, наверное, прав...

И он подтолкнул меня к трапу.

* * *

Юрингу я отправил к отцу. Самому мне поехать не удалось — отпуск кончился. Я написал подробное письмо, в котором объяснял все, и дал его Юринге. Больше всего меня беспокоило, как отец отнесется к ней. Характер у него был крутой и несговорчивый, но в его положении Юринга могла быть ему полезной, и я надеялся, что, в конце концов, они уживутся. Тех денег, что я оставил дома, на первое время им должно было хватить. Кроме того, накануне отлета выплачивалась обычно вторая четверть нашего заработка, эту сумму я тоже намеревался отправить домой, оставив лишь на самое необходимое. Вторую половину мы должны были получить после возвращения из экспедиции... если вернемся, а если нет, то страховая премия двадцать тысяч ти — была завещана мною Юринге.

Когда я писал это завещание, невольно мелькнула мысль: не будет ли Юринга ждать гибели экспедиции больше, чем ее благополучного возвращения. В сущности, ведь я ее почти не знал, а мне не раз случалось видеть, как из-за денег и более испытанные люди неожиданно теряли человеческое лицо.

Мысль эта была мимолетная, но горькая и, видимо, надолго засела в глубине сознания, если теперь всплыла снова. Слишком прочно Юринга вошла в мою жизнь, чтобы я не боялся разочароваться в ней, не боялся потерять ее. Сейчас я вспомнил об этом завещании потому, что на Церексе нас, наверное, уже считают погибшими. Как Юринга восприняла это известие? Надеется ли она еще на наше возвращение, ждет ли? По-моему,

надежда-это символ желания. Горит ли в ней еще желание видеть меня, быть со мной? Мне так хочется верить в хорошее. Вера — единственная поддержка в нашем отчаянном положении, и я верю в тебя, Юринга! Но суждено ли мне будет вернуться к тебе?

* * *

Припоминаются напряженные и заполненные до отказа дни подготовки к экспедиции. Жесткий режим регламентировал тогда каждое наше действие, почти каждую минуту нашей жизни. Мы очень много работали: изучали новейшие данные об Арбинаде, просматривали груды материалов о магнитных полях, зонах интенсивной радиации, о свойствах, составе и распределении атмосферы вокруг планеты, знакомились с устройством поверхности и температурными условиями. После каждого часа упорных занятий, согласно предписанному режиму, следовал целый комплекс специальных физических упражнений, направленных на общее укрепление организма, подготовку его к работе в условиях увеличенной тяжести. Дни проходили за днями, одни предметы сменялись другими, предыдущий комплекс упражнений — последующим. Мы проглотили несметное количество обильных и однообразных блюд особого рациона и уже стали забывать, какой вкус имеет обычная человеческая пища. Даже течение времени перестало замечаться — оно скрадывалось монотонной сменой неразличимых друг от друга дней. Но шаг за шагом мы приближались к намеченной цели. Все шире становились наши познания, все больше укреплялось тело, и мы терпеливо переносили однообразные будни подготовительной работы и все издевательства над нашими желудками. Впереди был трудный и ответственный рейс на Арбинаду.

Арбинада...

Прекрасная двойная планета.

Заветная мечта каждого астролетчика.

Но не только астролетчиков привлекает она к себе. С незапамятных времен взор человека отыскивал ее среди причудливых узоров неба и любовался ее поэтическим блеском в вечерние и утренние часы. О ней слагали песни, о ней писали стихи и именем ее нарекали прекрасных женщин. Теперь же, когда наши познания об окружающем мире неизмеримо возросли и человек стал настолько могущественным, что вырвался на просторы космоса, Арбинада предстала перед нами в новом свете — как наиболее доступный другой мир.

Планеты нашей Солнечной системы меньше всего напоминают необитаемые острова, ожидающие заселения их человеком. От маленького Юлиса, обжигаемого раскаленным дыханием солнца, до заброшенного на самый край холодного Описа, — все они в неизмеримо большей степени дают пищу для размышлений человеческому уму, чем отвечают потребностям его тела. Из наших ближайших соседей только Арбинада, Норта и Орида в какой-то мере доступны человеку, но об Ориде мы до сих пор знаем слишком мало, чтобы рискнуть опуститься на нее. Закрытая плотным покрывалом облаков, эта планета надежно охраняет свои тайны. Она ко имеет даже естественного спутника, с которого удобно было бы вести за ней систематические наблюдения. Арбинада изучена значительно лучше, но опыт нашей экспедиции показал, сколь ненадежны могут оказаться некоторые данные, полученные путем наблюдений из космоса.

Норта малопривлекательна. Она невелика, поверхность ее сплошь покрыта водой, и нет на ней ни одного клочка суши. Только лед лениво ползет с полюсов в холодные

океаны и ветер гонит снежные метели в любое время дня, в любое время года. Час Норты еще не наступил. Там нечего пока делать человеку.

Другие, более далекие миры нам совсем недоступны. Они слишком велики и мало изучены. Тысячекилометровые атмосферные толщи — вязкие, тяжелые и плотные — скрывают под нагромождением облаков неведомые тайны. Там нет, наверное, твердой поверхности, а может быть, нет даже твердого ядра. Эти планеты скорее похожи на исполинские жидкие капли, окутанные облаком пара, безмолвно летящие по своим извечным путям в холодных глубинах вселенной.

Человечество легко вышло в космос потому, что Церекс мал и слаб на нем пути тяготения. Словно заботясь о людях, природа создала еще дополнительную ступеньку в космос, идеальный форпост — Лизар, маленький спутник нашей планеты. Низкий гравитационный потенциал Церекса — это наше счастье и несчастье одновременно. Счастье потому, что даже в эпоху топливных ракет мы могли далеко проникнуть в пространство и много узнать об окружающем мире. Несчастье — потому, что биологически мы очень плохо приспособлены к тем напряжениям тяжести, которые господствуют на других планетах.

Поэтому, несмотря на гигантское энерговооружение наших кораблей, была сделана лишь одна попытка сесть на Арбинаду, но и она окончилась неудачно. Это было четыре года назад. Официальная печать тогда обошла этот полет почти полным молчанием, но мы, астролетчики, были осведомлены достаточно хорошо. В этой экспедиции погиб Скар, мой товарищ, с которым мы вместе кончили инженерную школу и вместе стали астролетчиками. Он летел пилотом планетарного корабля и, совершив посадку на Арбинаду, больше уже не поднялся. Что там произошло — никто не знает. Орбитальный корабль не получил никаких сигналов и, после длительного безуспешного ожидания, был вынужден взять курс на Церекс. Вместе со Скарсом погибли еще двое... Прошло три с половиной года, и была назначена следующая экспедиция — наша.

* * *

Большую долю в программе подготовки к экспедиции занимала гравитренировка членов экипажа планетарного корабля. Оба пилота, я и Конд, должны были пройти полный ее курс. Тренировка проводилась в социальной кабине, на двух—трех человек, хитро сконструированной и вращающейся довольно быстро по кругу большого диаметра. С каждым днем удлинялось время гравитренировки в ней, и каждый раз увеличивалась скорость вращения. В конце концов центробежное усиление стало несколько превышать силу тяжести на Арбинаде. После полутора—двух часов, проведенных в кабине, мы покидали ее физически разбитые и безнадежно усталые. Тогда я со страхом думал, какие испытания нам предстоят на Арбинаде, утроенная тяжесть которой будет давить на нас непрерывно в течение многих дней. И опасения мои не были напрасными. Впрочем, об усиленной тяжести и о нашей подготовке к экспедиции я сейчас вспомнил только потому, что среди этих однообразных дней выдался один не совсем обыкновенный. Я впервые познакомился тогда с биологом Дасаром и начальником экспедиции Кором, и знакомство это состоялось при довольно необычных обстоятельствах.

Я сидел в гравикамере, распластанный в кресле, и пытался читать развлекательный роман из числа тех, которые берут в руки, когда хотят убить время. В других условиях подобные книги читаются одним дыханием, но там я с трудом одолевал каждую страницу. Мысли, как и все тело, сделались тяжелыми и неповоротливыми, внутри болезненно ныл каждый орган. Мое задание в тот раз было сравнительно простое — я должен быть

«отдохнуть» при двукратном увеличении своего веса. Перед таким отдыхом я довел свой организм до изнеможения в тяжелой физической работе, которую предписали врачи. Усталость моя была зафиксирована бесстрастными приборами, записавшими ритм биения сердца, состав крови и многие другие показатели.

Я «отдыхал». Из прорезей в одежде, от датчиков, навешанных на меня, тянулись разноцветные провода к записывающему блоку — мой «отдых», как и моя усталость, контролировались чувствительными индикаторами жизненных процессов. Время тянулось утомительно. Я поминутно бросал взгляд на часы, словно это могло подогнать темп движения времени, и мечтал о настоящем отдыхе, когда исчезнет эта всепроникающая тяжесть. Неожиданно, как бы отвечая моим желаниям, движение камеры начало постепенно замедляться и скоро прекратилось совсем. Я с удовольствием потянулся и, пододвинув к себе микрофон, спросил:

— Что случилось? Еще тридцать минут...

Мне никто не ответил. В некотором недоумении я начал отсоединять провода, намереваясь выйти из камеры. Отключив себя от блока, я направился к двери, но внезапно она распахнулась. Вошел незнакомый человек маленького роста, сухонький, с резкими энергичными движениями. За ним появился Онр, механик центрифуги, неся в обеих руках клетки с различными животными. Меня они словно не замечали.

— Эту поставьте... куда бы ее поставить?.. вот сюда, а эту, пожалуй, лучше поместить здесь. Она не свалится в таком положении? Нет? Ну хорошо... Можете идти, спасибо. Идите, вы мне больше не нужны. Камеру разгоните, как я вас просил, на удвоенный вес... Если понадобится больше, я сообщу. Вы поняли меня?

— Отлично понял, мазор-са.

— Вот, пожалуйста.

Онр ободряюще кивнул мне и вышел. Мы остались вдвоем, если не считать животных, которые, как мне казалось, вели себя в клетках чересчур активно. Движения их выглядели неестественно резкими и сильными, словно они были возбуждены до последней степени. Незнакомец достал из сумки михуру и просунул по несколько кусочков в каждую клетку. Когда его подопечные начали жадно поглощать лакомство, он, наконец, повернулся ко мне:

— А вы что здесь делаете?

— Отдыхаю, — сказал я и только тогда понял всю нелепость своего ответа.

— Чудесно! То есть, постойте, что я говорю? Чепуху говорю!.. Какой здесь отдых? Здесь же...

Он на несколько секунд замолчал, потер левый висок и заговорил снова:

— Ну, конечно, я вспомнил, мне сообщали, что в камере находитесь вы, только я забыл ваше имя.

— Антор, — подсказал я.

— Правильно, Антор. А мое — Дасар, будем знакомы. Вы тоже летите в экспедицию?

— Да.

— Кем же?

— Пилотом.

— Чудесно. Я — биолог. Мне это тоже говорили, то есть мне не это говорили, что я биолог, а говорили, что вы пилот...

Должен сознаться, что Дасар произвел на меня вначале странное впечатление. Он показался мне взбудораженным, импульсивным, рассеянным. Однако позднее я понял, что эти недостатки проявлялись в нем редко, в действительности же это был выдержанный и чрезвычайно целеустремленный человек. Он обладал удивительной особенностью перевирать слова, говорить невпопад, если шел обычный легкий разговор. Но стоило беседе принять серьезное направление, как вся его внешняя чужаковатость сразу исчезала, речь становилась четкой, а мысль глубокой. Теперь, когда я пишу здесь о Дасаре, то вижу его именно таким, каким он представляется каждому, кто сталкивается с ним достаточно часто.

Камера между тем снова начала разгоняться. Тяжесть постепенно нарастала. К моему удивлению, биолог ее словно не чувствовал. Он с удобством расположился в кресле и погрузился в чтение принесенной с собой книги, время от времени следя за поведением животных. От нечего делать я тоже смотрел сквозь прутья клеток и с удивлением замечал, что, по мере нарастания тяжести, животные все более и более успокаивались и, когда скорость вращения достигла максимума; вели себя почти нормально. Они прыгали и играли так, словно в камере были обычные условия, в то время как мои руки и ноги налились металлом, а щеки отвисли. Я с трудом поднялся, желая подойти к клеткам поближе, но был остановлен возгласом биолога:

— Вот, ерунда какая!

Он смотрел на меня и потрясал книжкой:

— Послушайте, Антор, что пишет этот глубокоуважаемый неуч Нирд. Вот, например, «Информационная структура генетических последовательностей не может быть представлена рядами Промта, так как последние, вопреки установившемуся взгляду, являются лишь псевдохарактеристикой негэнееропийного состояния хромосом. Мой уважаемый оппонент литам Дасар-са — это он обо мне — утверждает, опираясь на свои сомнительные опыты, что в рассматриваемом направлении можно идти даже дальше и получить не только качественную картину, но и количественную характеристику механизма наследственности. Доводы Дасара, естественно, не могут восприниматься серьезно, и скорее их следует причислить к остроумной фантазии, чем к строгому научному суждению...» Каков! А? Ни капли воображения! Разве таким людям можно доверять руководство научным коллективом? Да они убьют всякую живую мысль в самом зародыше! Как вы считаете?

Я недоуменно развел руками:

— Не берусь судить, литам Дасар. Я специалист совсем в другой области.

Биолог оглядел меня с ног до головы.

— Ну да, конечно, вы же... э... рулевой, то есть пилот, я хотел сказать. Жаль, жаль. Очень жаль.

Он нагнулся к клетке и, запустив руку сквозь решетку, погладил млину. Та обрадованно заурчала и подняла свою мордочку. Утомившись, я снова вытянулся в кресле, а биолог между тем, судя по его свободным движениям, чувствовал себя неплохо, хотя выглядел куда слабее меня.

— Скажите, пожалуйста, литам, вы разве не ощущаете удвоенной тяжести? — наконец спросил я.

Он ответил, как мне показалось, совершенно невпопад:

— Стимулированно-активное состояние периферической и центральной нервной системы при селективно возбужденной деятельности гормональной сферы.

— Ага, — пробормотал я, — но... простите, литам-са, но мне кажется, что вы меня не поняли.

— Эта я не понял?

Он оторвался от клетки и повернулся ко мне.

— Да... Я вас спрашивал...

— ...О том, почему я так легко переношу тяжесть здесь, в камере?

Я слабо кивнул головой.

— Так я вам и отвечаю. Стимулированно... впрочем, я опять забыл, что вы... этот... ну да, именно...

Он потер руки и сделал несколько шагов, задумчиво глядя в пол, потом поднял на меня глаза.

— Случалось ли вам видеть, пилот, как человек в момент сильного испуга, паники или смертельной опасности словно удваивает свои силы и преодолевает такие препятствия, которые безусловно остановят его, если он находится в нормальном состоянии?

— Да, однажды...

— Подождите, я только начал. Недавно мазором литомом Анзом был описан любопытный случай. Некто Малт, тщедушный и слаборазвитый физически субъект, находящийся на излечении нервного заболевания, во время прогулки вдруг с неожиданной силой разбросал по сторонам своих несчастных товарищей и стремглав бросился бежать. Он перепрыгнул через больничную ограду высотой пять метров и устремился дальше. Я особо обращаю ваше внимание: пять метров! Это значительно превышает достижения даже лучших спортсменов. Слушайте дальше. Перепрыгнув через

ограду, больной побежал по дороге, где его, в конце концов, догнали на машине, причем в тот момент, когда скорость машины и человека сравнялись, указатель скорости отметил сорок восемь километров в час. Что вы на это скажете, пилот?

Я неопределенно покачал головой:

— По-моему, невменяемых не следует сравнивать с нормальными людьми.

— Это почему же? Они такие же люди. Точно такие! Их тело ничем не отличается от нашего. Все то же самое, все без исключения, только налицо нарушение отдельных функций нервной системы... М-да... Но дело не в этих страдающих, я привел здесь пример Малта только потому, что, во-первых, он довольно-таки характерен и, во-вторых, научно зафиксирован. Это не пресловутые рассказы очевидцев, а точно известный факт, который красноречиво свидетельствует о скрытых возможностях нашего организма.

Биолог смотрел на меня так, словно ожидал услышать яростные возражения, но мне было, право, не до них. Усиленная тяжесть и усталость сломили во мне не только дух бодрости, но и дух противоречия, поэтому я молча слушал то, что он изрекал, стараясь лишь не потерять нить нашей беседы. Не получив ожидаемых возражений, биолог снова заходил по тесному помещению камеры, неловко зацепил одну из клеток и опрокинул ее. Млины подняли ужасную возню и писк. Водворив порядок, Дасар продолжал:

— Выражаясь инженерным языком, можно сказать, что природа создала человека с большим запасом прочности и не поскупилась на резервную мощность. Вот что важно. Но не всегда нам дано ее использовать. Существуют своего рода ограничители в нашем организме, которые хранят ее под спудом и освобождают только в самых крайних случаях действительной или кажущейся опасности. Это очень примечательно, Антор. Я правильно запомнил ваше имя?

— Правильно. Пилот Антор.

— Так вот, уважаемый пилот, совсем недавно... впрочем, неважно, где именно, синтезирован препарат, который позволяет регулировать действие этих ограничителей и использовать нашу резервную энергию в нужном масштабе. При этом, заметьте, что очень важно, эмоциональная сфера человека, равно как интеллектуальная, остаются незатронутыми. Приняв этот препарат, вы не чувствуете панического страха, не теряете рассудка, а остаетесь человеком, но человеком необычайных возможностей. А?

— Нет, я ничего не говорю.

— Значит, мне показалось. Теперь вы поняли, что означает мой ответ на ваш вопрос?

— Да, кажется, понял. Вы хотели сказать, что находясь под действием этого препарата, который стимулировал вашу...

— Совершенно верно, я принял синзан.

— Синзан, — повторял я, поворачиваясь в кресле и занимая более удобную позу, — а это не опасно? Ведь ограничители не зря, наверное, поставлены природой.

Дасар перестал ходить по камере и тоже сел в кресло.

— Не зря, конечно... В противном случае организм слишком быстро изнашивал бы себя или надорвался от непомерных усилий. Это ясно, но в данном случае риск оправдан. Мы летим на Арбинаду. Там тяжесть почти втрое превышает нашу привычную, и я знаю, что никакими тренировками в этих камерах невозможно подготовить нас по-настоящему к тем тяжелым условиям, в которых нам придется работать.

— Скажите, литам Дасар-са, этот препарат достаточно проверен?

— Нет, он совсем новый.

— А как вы чувствуете себя, когда действие его проходит?

— Скверно. Я не хочу этим сказать, что он отравляет организм. Нет, но изматывает настолько, что потом требуется длительный отдых. Там, на Арбинаде, безусловно будут минуты, когда синзан окажется для нас чрезвычайно полезен.

Я с уважением посмотрел на биолога и снова, обратив внимание на нормальную плавность и непринужденность его движений, спросил:

— Сейчас вы чувствуете себя хорошо?

— Великолепно. Хотите попробовать?

Измучавшая меня всепроникающая тяжесть и естественное любопытство не оставили места для сомнений. Я решился. Биолог достал из кармана маленькую коробочку и протянул мне прозрачную таблетку:

— Проглотите вот это.

Снадобье было безвкусным, только сильно вязало рот. Я поморщился.

— Что? Э... зеленое, то есть что я говорю? Неприятное?

— Нет, это я с непривычки.

Несколько минут мы провели в молчании. Слышался только шум центрифуги да еще слабая возня животных, прыгавших в своих клетках, больше ничто не нарушало тишину. Вначале никаких изменений в моих ощущениях не произошло. Так же, как и раньше, стремились оторваться внутренности, по-прежнему голова тяжело давила на шею, вызывая тупую боль в позвонках, неприятно отвисали щеки. Спустя некоторое время, однако, стало наступать облегчение. Я шевельнул рукой и почувствовал, что она стала легка и послушна. Висевший напротив меня акселерометр по-прежнему показывал удвоенную тяжесть, но теперь она проявлялась лишь в неприятных ощущениях и не сковывала движений. Я встал на ноги и сделал несколько неуверенных шагов. Биолог внимательно наблюдал за мной.

— Смелее, пилот, — сказал он.

Я расправил плечи и, нагнувшись, отодвинул кресло в угол.

— Как чувствуете себя?

— Хорошо, только... странно.

— Это пройдет, привыкнете.

— Долго будет действовать?

— Синзан полностью выделяется организмом через несколько часов, так что будьте осторожны.

— Осторожен? В чем?

— Во всем. Ваш организм сейчас почти на пределе своих возможностей, не повредите его. Когда камера остановится, следите за каждым своим движением. Ваши мышцы в настоящий момент необычайно сильны, потребуется усилие воли, чтобы заставить их действовать нормально. Если вы забудете об этом, то не сможете даже ходить, ваши шаги будут слишком... э... широкими.

Я ничего не ответил и занялся присоединением проводов от блока к датчикам. Перспектива покинуть камеру сказочным силачом меня даже несколько занимала.

Присоединив провода, я взглянул на часы, оставалось еще несколько минут. Я продолжал спокойно беседовать с биологом. Но тут произошло нечто, что никак не входило в обычный регламент нашего подготовительного режима.

* * *

Скорость вращения камеры начала замедляться без нашего требования. Биолог достал свой хронометр и удивленно посмотрел на него.

— Это еще что такое! — возмущенно воскликнул он и включил микрофон. — Эй, мазор Онр, почему вы останавливаете камеру без моего указания?

Динамик затрещал и ответил глухим голосом, лишь отдаленно напоминающим голос Онра:

— Простите, мазор Дасар, но поступило распоряжение мазора Кора-са немедленно вызвать к нему пилота Антора.

— Что?! — воскликнул я.

— Это вы, мазор Антор?

— Я! Ты ничего не перепутал? Меня действительно вызывает Кор? Он разве здесь?

— Здесь. Уже полтора часа, как приехал.

Новость была неожиданной. До сих пор мы еще не видели своего начальника экспедиции и не знали о нем почти ничего. Ходили только слухи, и слухи эти были разные. Одни утверждали, что Кор не только крупный ученый, одинаково легко ориентирующийся в целом ряде отраслей знаний, но и человек принципиальный, другие высказывались о его осведомленности с меньшим энтузиазмом, но не скупились на

малоприятные характеристики. Были и такие, которые употребляли, вспоминая о нем, только самые сильные выражения и самые нелестные эпитеты. Таких было меньшинство. Мне сразу вспомнились предостережения Юрда, и должен сказать, что известие о вызове к начальнику я воспринял с некоторым беспокойством. Почему он вызывает меня? Зачем я ему понадобился? Что все это означает? Я стоял в нерешительности. Идти к Кору мне совсем не хотелось.

— Чего же вы медлите? — сказал биолог, когда камера остановилась. — Имейте в виду, Кор не любит опозданий.

— Знаю, — ответил я и начал отсоединять провода.

Аккуратно смотав их, я наконец направился к выходу.

— Помните о синзане, действие закончится только к вечеру.

— Хорошо. До свидания, литам Дасар.

— Всего доброго.

Разыскав Онра, я узнал, где находится Кор, и, контролируя каждый свой шаг, направился через пустырь к зданию космопорта. До сих пор синзан мне никаких неприятностей не причинил, но, войдя в помещение, я забылся и неожиданным для самого себя скачком влетел в вестибюль, больно ударившись плечом о каменную стену. Помянув крепким словом некоторых ученых и собственную забывчивость, я поднялся на второй этаж, ступая по лестнице осторожно, как хищник, выслеживающий добычу. Перед дверью, помеченной номером сорок три, я остановился, поправил костюм и позвонил.

— Войдите, — слышалось из комнаты.

Я с треском распахнул дверь. Кор стоял спиной ко мне и глядел в окно.

— Пилот Антор?

— Да.

Фигура у окна не шевельнулась.

— Можно было появиться здесь с меньшим эффектом.

— Простите, мазор Кор-са.

Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Кор все еще стоял лицом к окну и что-то разглядывал на пустыре. Прошло несколько тягостных и безмолвных минут, прежде чем он повернулся. Только тогда я впервые увидел его лицо. Меня поразили взгляд. Холодный и тяжелый взгляд, про который говорят, что он сверлит человека насквозь. Мне не нравятся такие сравнения, но хорошо помню, что, когда он начал осматривать меня, спокойно и беззастенчиво, я чувствовал, как взгляд этот буквально ощупывал мое тело. Наконец глаза наши встретились. Мы несколько секунд смотрели друг другу в лицо.

— Так, — произнес он и потом добавил: — Проходите.

Я сосредоточенно сделал несколько шагов, отделяющих меня от него.

— Давайте знакомиться. Как вам должно быть известно, решением Государственной комиссии, я назначен начальником экспедиции на Арбинаду. Мое имя — Кор.

Мы церемонно сделали по приветственному шагу в сторону.

— Сегодня я начинаю знакомиться с членами экипажа, этим и объясняется мой вызов.

Кор имел скверную привычку смотреть на собеседника так, словно перед ним было пустое место. Глаза во время разговора у него устремлялись в пространство, и в них ничего нельзя было прочесть.

— Как мне известно, — продолжал он, — конкурс на замещение должности пилота экспедиции в этот раз не был трудным, — здесь его голос прозвучал с насмешкой, — и мне теперь хотелось бы составить личное впечатление о своих подчиненных, пока есть время исправить возможные ошибки.

Подобное вступление не сулило ничего хорошего. Я проглотил какой-то комок, застрявший в горле, и промолчал. К тому же по выражению лица Кора чувствовалось, что он и не ждал ответа на свои слова. Я понимал, что сейчас мне предстоит держать жесткий экзамен, и не ошибся в своих предчувствиях. Кор сделал несколько шагов по комнате и, еще раз ощупав меня с ног до головы своим неприятным взглядом, спросил:

— Вы давно летаете?

— Давно...

— Сколько?

— Четырнадцать лет, считая стажировку.

Он нагнул голову и дважды прошелся мимо меня.

— Назовите рейсы, которые вы делали самостоятельно.

— Все?

— Да, все.

— Их много.

— Чем больше, тем лучше.

Пришлось перечислить свои полеты, даже самые старые.

— Хорошо. А сколько раз вам приходилось сажать корабль в атмосфере?

— Двенадцать.

Кор задумался.

— Маловато.

Я снова промолчал и лишь сделал невыразительный жест рукой. Пока все шло довольно гладко, но затем последовали более серьезные вопросы. Кор остановил на мне свой взгляд, в котором на этот раз мелькнуло что-то человеческое, и сказал, отдельно произнося каждое слово:

— Так вот, пилот, как вы рассчитаете работу двигателя в режиме торможения на эллиптической траектории с блуждающими фокусами?

— Закон изменения фокусного расстояния?..

— Считайте заданным.

— Тогда...

— Напишите основные соотношения.

Кор указал на стол, где лежали необходимые письменные принадлежности. Я осторожно сел и, сосредоточившись, забыл о действии синзана. Перо в моих руках хрустнуло и переломилось пополам. Он истолковал это по-своему:

— Нервы, пилот! Что говорят врачи?

Его манера разговаривать и самоуверенный вид раздражали меня. Именно такие люди вызывают непреодолимое желание дать им по физиономии. Я с трудом сдержался и ответил спокойно:

— В отличие от вас, врачи не заметили никакой патологии.

Он нахмурился. Я взял другое перо и начал писать. Нервы у меня в тот момент действительно были напряжены, но мозг работал быстро и четко, как электронная машина. Не знаю, может быть, здесь тоже проявилось действие синзана. Закончив вывод, я молча передал ему листок. Он внимательно просмотрел написанные формулы и небрежно бросил его на стол.

— В основном правильно, хотя имеются некоторые неточности. Найдите их.

— Вывод сделан совершенно строго.

— Совершенно строгих выводов не бывает.

— В пределах принятых предпосылок, — упрямо возразил я, подчиняясь бушевавшему во мне чувству противодействия Кору.

Взгляд его, до этого устремленный в пространство, наконец, остановился на мне.

— Советую вам, пилот, побережь свое упорство до более подходящего случая, здесь оно неуместно.

Голос его звучал холодно и твердо. Я понял, что дальше с ним пререкаться было опасно, и замолчал, ожидая следующих вопросов, однако Кор не торопился их задавать. Он повернулся к окну и некоторое время наблюдал, как на пустыре готовился к старту рейсовый корабль, уходящий на Лизар, потом повернулся ко мне.

— Вы уже познакомились с навигационной аппаратурой «Эльприса»?

— Да, ознакомился.

— Подойдите сюда.

Он нагнулся и извлек из ящика стола толстую папку. Порывшись в ней, Кор выбрал какую-то схему и аккуратно расстелил ее на столе.

— Чего же вы ждете? Подойдите!

Я отодвинул стул, стоявший на пути, и, забыв о синзане, диким скачком перелетел к Кору, чуть не сбив его с ног.

— Осторожно! — Он оттолкнул меня. — Вы что! С ума сошли? Здесь не стадион! Извольте вести себя надлежащим образом или наше знакомство на этом закончится. Я найду себе другого пилота!

— Простите, я забыл...

— Вы забыли, где вы находитесь, это самое главное.

— Извините, но я должен объяснить вам...

— Я не желаю слушать никаких объяснений, — отчеканивая каждое слово, отрезал Кор. — Позволяя себе подобные выходки, вы злоупотребляете моим, предупреждаю, не безграничным терпением и рискуете своим местом, уясните это.

Я промолчал. Такой прыжок, действительно, мог показаться странным для человека, не знающего, что такое синзан. Неизвестно, что тогда подумал Кор, но он был лучше, чем казался с первого взгляда, если не выставил меня в ту же минуту за дверь. Умиротворенный моим молчанием и виноватым видом, который я умею на себя напускать, он несколько смягчился.

— Перед нами схема посадочного автомата, я выделяю главную его часть — расчетное устройство. Охарактеризуйте кратко принцип работы, настройку и возможные неполадки.

Этот автомат я знал хорошо и поэтому начал отвечать довольно бодро.

— Работу расчетной системы удобно рассматривать, начиная с блока суммирования информации. Сюда по каналам связи от рецепторов поступает непрерывный поток данных, обработка которых...

Кор перебил меня:

— Не водите по схеме рукой, возьмите вот это.

Он снял с одежды ленту, одно из тех украшений, которые почти никто не носит. Я залюбовался ею. Это была не обычная, стандартная продукция, а редкое произведение искусства, вышедшее из рук хорошего мастера, который вложил много любви и выдумки в отделку дорогого лизирьеда.

— Замечательная вещь! — восхищенно сказал я.

— Это к теме не относится. Продолжайте.

Я наклонился над схемой и... сломал великолепный образец ювелирного искусства. На порванном листе лежали обломки предмета, который, судя по всему, был гордостью Кора. Внутри у меня похолодело. Кор в молчаливом изумлении и гневě переводил свой взгляд с меня на ленту и снова на меня. Голос его, однако, прозвучал так, словно ничего не произошло:

— Можете идти, я похлопочу, чтобы подыскали более аккуратного пилота.

Он отвернулся, давая понять, что мой вид ему противен и разговор наш закончен. Я стоял опустошенный и безмолвный. В голове проносились отдельные бессвязные мысли о каких-то второстепенных мелочах, о том, что я еще не обедал, что нужно отправить письмо Юринге, и вдруг до боли яркая мысль отбросила назад весь хаос, царивший в моем сознании. Я же нищий! Не будет ни экспедиции, ни денег! Все планы, надежды, мечты развеялись, рухнули, потеряли смысл, впереди не было ничего, кроме зияющей бездны страданий. Я поднял голову, посмотрел с ненавистью на Кора и сделал последнюю попытку оправдаться.

— Мазор литам Кор-са, — в голосе моем звучали нотки отчаяния, — вы, конечно, вольны поступать как сочтете нужным, но, прежде чем принимать окончательное решение, по крайней мере, выслушайте меня.

Я сделал паузу, ожидая, как он отреагирует на мои слова. Но он по-прежнему стоял отвернувшись и молчал. Я принял это молчание за положительный ответ и продолжал:

— Мое поведение здесь, действительно, на первый взгляд может показаться вульгарным или, в лучшем случае, странным, но оно не было преднамеренным и объясняется действием синзана, который я принял сегодня за полчаса до нашей встречи.

Кор резко повернулся и, казалось, насквозь проткнул меня своим взглядом. Лицо его было бледно от гнева.

— Вон отсюда! — прошипел он в холодной ярости. — Вы к тому же еще настолько наглы, что оправдываете пороки своего поведения, еще худшим пороком — приемом запрещенных снадобий!

— Вы ошибаетесь, мазор! — Я тоже повысил голос.

— Молчать!

— Это «снадобье» я получил сегодня из рук мазора литам Дасара-са, биолога нашей экспедиции, можете осведомиться, если хотите. Биолог считает синзан

чрезвычайно полезным средством для нашей экспедиции, и я, испытав его действие на себе, целиком присоединяюсь к этому мнению!

Кора нелегко было переубедить, смутить, вывести из равновесия или, наоборот, образумить. Но тогда мне это удалось. Цвет лица его постепенно принял нормальный оттенок, а глаз? снова сделались холодными, лишь искра чуть заметного любопытства оживляла их взгляд.

— Что же такое синзан?

Я чувствовал, что объяснять нужно коротко и убедительно, и решился на отчаянные шаги — мне терять было нечего.

— Синзан — это...

Я схватил подставку литронса и легко согнул и завязал узлом ее прочные металлические ножки. Огляделся по сторонам:

— Вот...

Я подпрыгнул вверх и достал до потолка руками. Высота помещения была по меньшей мере метра три с половиной—четыре.

— Смотрите!!!

Тяжелый стол подлетел в воздух и с грохотом рухнул на пол. Из ящиков посыпалось содержимое, и от него оторвались две планки.

— Синзан — это!..

Я остановился в своем буйстве, не зная, что бы еще сокрушить, и вдруг почувствовал страшную слабость во всем теле, резкую боль в позвоночнике. Голова у меня закружилась, перед глазами поплыли цветные круги, ноги перестали служить, и я тяжело, лицом вниз, свалился на пол. В ушах раздался протяжный звон, я не мог ни шевельнуться, ни произнести слова, но сознание оставалось ясным.

Кор подошел ко мне, осторожно перевернул меня на спину, расстегнул ворот и нащупал рукой шейную артерию. Сосчитав толчки крови, он подошел к телефону:

— Вызовите врача... Да, сюда, в сорок третью комнату... пилот Антор в тяжелом состоянии,

Сказав это, он выключил аппарат и начал наводить порядок, ликвидируя следы моей «деятельности». Я лежал, устремив неподвижный взгляд в потолок, и ни о чем не думал. Состояние полнейшего безразличия владело мною. Ничто происходящее вокруг не трогало меня, даже собственное состояние не пробудило ни одной тревожной мысли, было совершенно все равно, что будет со мной дальше, смогу ли я лететь на Арбинаду, встану ли когда-нибудь снова на ноги и останусь ли вообще жив.

Дальнейшее происходило словно в тумане. Пришел врач, долго исследовал мое тело, делал какие-то уколы, задавал какие-то вопросы, но я не отвечал и не шевелился. Потом меня увезли в клинику, где пытались привести в чувство, фотографировали в

жестких лучах, брали анализы, записывали кривые биения сердца. Врачи суежились и тревожились — я оставался неподвижен и пассивен. Наконец меня положили в отдельную комнату и оставили одного.

Трудно сказать, сколько я пролежал там, — время для меня в тот период не существовало, но постепенно интерес к жизни стал возвращаться, я несколько раз шевельнулся и вдруг почувствовал, как сон властно заволакивает сознание, и, не успев понять этого, я уже провалился в его темную бездну.

...В комнате разговаривали. Сквозь сладкую полудремоту я разобрал голоса биолога и Кора:

— Нет, сейчас он просто... э... дышит, то есть спит, я хочу сказать. Просто спит, нормальным человеческим сном...

— Вы считаете, все обошлось благополучно?

— Да, вполне. Снимки показали, что не растянута даже ни одна связка. Просто восхитительно... то есть удивительно, конечно! Редкий организм. Имейте в виду, он принял синзан после того, как перенес громадную физическую нагрузку, и еще два часа просидел в гравикамере.

— Значит, вы считаете, что он может лететь?

— Разумеется, он совершенно здоров. Посмотрите сами на эти... э... кривые. Трудно представить себе что-нибудь более нормальное. Он чудесно преодолел этот шок. Знаете, со мной однажды тоже было нечто подобное, только не в столь резкой форме, правда, и нагрузка у меня была меньшая, но мой декримент оказался более слабым, я окончательно пришел в норму только через восемнадцать часов, а он...

— Хорошо, оставим его. Пойдемте, я не снимаю тогда его с полета, в других отношениях он мне подходит...

Они удалились. Я открыл глаза и осмотрелся. Сверкали ослепительной чистотой стены клинической комнаты, окно задернуто, горел свет. Я привстал на постели и отодвинул штору. На улице было уже темно, — значит, я провел здесь около десяти часов. Страшно хотелось есть, но это желание кто-то предвидел — на столике передо мной стояла париса, настоящая париса, а не блюда нашего надоевшего рациона, кроме того, в графине искрилась какая-то жидкость.

Когда я расправился с едой и снова лег, наслаждаясь ощущением приятной тяжести в желудке, открылась дверь и в комнату вошел Конд. С таким унылым видом, какой был у него, обычно ходят утешать родственников умершего. Впрочем, вид его соответствовал миссии: он на самом деле пришел меня утешать.

— Как чувствуешь себя, Антор? — спросил Конд, усаживаясь напротив.

Я набросил на лицо маску страдания:

— Ничего, сносно.

После этих вступительных фраз наступила пауза. Я молчал из любопытства, ожидая, что он скажет дальше, а Конд, видимо, просто не знал, как поддерживать разговор. Наконец, он раскрыл рот:

— Так вот, дружище... Скверно получилось... Что врачи говорят? Сможешь ты потом летать?

— Как будто смогу.

— Это хорошо. — Он вздохнул. — А об Арбинаде не жалею, никуда она не денется, назначат еще экспедиции, и мы с тобой... Зато сейчас останешься с Юрингой она будет очень рада.

— Конечно, рада, — подтвердил я, — только на что мы с ней жить будем...

— Я вам дам, у меня есть запас, потом вернешь когда-нибудь. — Конд оживился и полез в карман. — Тебе хватит восьмьсот ти?

— Не нужно. Ты и так был слишком добр к нам...

— Возьми, не стесняйся... На Арбинаде еще нет магазинов, и мне они сейчас не нужны.

— Я не стесняюсь...

Мы снова замолчали. Я с трудом сдерживал улыбку, отлично понимая то чувство неловкости, которое он испытывал перед лицом свалившегося на меня, как ему казалось, несчастья. Однако какое-то озорство заставило меня продолжать эту невинную игру.

— А когда тебя выпустят, ничего не говорили?

— Говорят, скоро.

— Да, еще бы, они всегда спешат отделаться...

— Точно, Конд, спешат. Я слышал, что выпустят завтра.

— Завтра? Да я им... Я... Я пойду к этому главному мяснику и покажу ему! Они запомнят Конда на всю жизнь!

Я не выдержал и расхохотался:

— Брось, Конд, я здоров, и мы полетим вместе.

Он вытаращил глаза:

— Правда?

— Правда.

— Чего же ты дурака валяешь? Знаешь, что тебе за это следует?

Он схватил меня за плечо.

— Знаю, — ответил я, изо всех сил сжав ему руку.

— Тогда держись!

— Держись сам!

Я вскочил с койки, и мы схватились в шутиливой борьбе. Каким-то нечеловеческим усилием мне удалось приподнять Конда над головой и бросить на постель. Отдышавшись, он удивленно посмотрел на меня.

— Силен... однако... Это что? Синзан что ли действует?

— Действует, Конд. Действует! — радостно воскликнул я и сел с ним рядом. Мы оба засмеялись. В эту минуту дверь отворилась и в комнату вошел недовольный врач.

— Это что такое? Что здесь происходит? Мазор Конд, вы почему сидите на постели? Немедленно встаньте и уходите отсюда, вы ведете себя неподобающе...

Конд виновато поднялся и погрозил мне.

— Извините, мазор, забылся, спасибо вам... Гоните его отсюда скорее. Он же здоров!

Махнув на прощанье рукой, Конд вышел.

* * *

Сегодня я перелистал свои записки. Перед глазами снова прошли картины пережитого. Вспомнились не отмеченные здесь детали, а некоторые события воссоздались так отчетливо, что казалось, они случились только вчера. Хорошие это были дни! Прочитав до конца, я машинально продолжил свои воспоминания, и, незаметно для самого себя, прошел сквозь весь период подготовки к экспедиции. Я вновь видел, как мы с Кондом с придирчивостью, бесившей инженеров фирмы и чиновников Государственной комиссии, принимали планетарный корабль «Эльприс», как мы подолгу копались в каждом узле, в каждом агрегате корабля, пока не убеждались в абсолютной надежности механизмов. Я мысленно провел все испытательные и тренировочные полеты в атмосфере Церекса, заново пережил неприятности, доставленные Мланом, после которых решил никогда больше не полагаться на другого и проверять все самому. И так день за днем, день за днем. Шагая в своих воспоминаниях от одного события к другому, я постепенно добрался до момента отлета на Арбинаду и тут спохватился. Ведь я же собирался писать все по порядку, а возвращаться еще раз к только что пережитым мысленно дням мне уже не хотелось. Тогда я пододвинул к себе листы и записал эти строчки, решив продолжать свои воспоминания дальше, не возвращаясь к упомянутым событиям. В конце концов, мои воспоминания всегда будут со мною, а эти записки ни для кого не предназначаются...

Предотлетные дни сложились для меня как-то нескладно. Мне не удалось еще раз увидеть ни отца, ни Юрингу. Я находился на Лизаре, куда отпилотировал «Эльприс», и по заданию Кора курировал установку его на орбитальный корабль. Дело это не такое уж сложное; обслуживающий персонал станции отлично обошелся бы и без моих советов, следуя только инструкции, но Кор предпочитал полагаться во всем на ответственное лицо.

В общем, на Церекс я больше не попал и улетел с тяжелым чувством, не простившись у как следует ни с родными, ни с планетой, кроме того, была еще одна мелочь, которая омрачала настроение.

В наше время редко кто принимает всерьез ту мистическую чепуху, которую пытаются вдалбливать в школе, но почти у каждого есть свои «особые приметы». Я, например, перед ответственным полетом всегда дарил «на счастье» какому-нибудь мальчишке монету в пять ти. Всегда, но не в этот раз. Заготовленная монета лежала у меня в кармане, а все мальчишки остались далеко на Церексе. Настроение, в общем, было неважное, и, сколько я ни пытался убедить себя в том, что все это в сущности чепуха, где-то в глубине души притаилась тревога.

Мы готовились к посадке на корабль. До отлета оставались считанные минуты, и пора было надевать скафандры. Отлетели мы буднично. Все выглядело так, словно очередной корабль отправился в обыкновенный рейс. Только работники внешней станции проявляли к нам повышенное внимание, предупреждая все наши желания. Это еще больше угнетало — так относятся к людям, идущим на смерть.

Я сел на скамью, пристегнулся и стал натягивать скафандр. Ноги путались в складках защитной ткани и не попадали туда, куда следует. Слишком слабое тяготение Лизара затрудняло подгонку снаряжения, нужно было рассчитывать свои силы, чтобы неосторожным движением не оттолкнуть далеко от себя нужную вещь.

— Давай тебе помогу, — сказал Арт, инженер станции.

— Помоги, а то никак... Вот держи баллоны, я сейчас в рукава влезу. Так... хорошо...

Подошел Конд. Он был уже полностью одет, не хватало только шлема на голове.

— Все еще возишься?

— Все еще... Что там мешает, не видишь?

— Мешает? Да ты отстегнись, так тебе не надеть. Дай-ка я...

Конд отстегнул пряжку, которой я закрепился на скамейке, и пошел за шлемами. Арт помог мне натянуть скафандр на плечи.

— Провожать нас не пойдешь? — спросил я.

— Нет. Мне сейчас на дежурство, стартовать вас буду.

— Разве сегодня ты?

— Я.

— Вот проклятье... Посмотрите, что там у меня на спине давит?

— Ничего, просто складка, сейчас расправлю.

Он запустил руку мне за шиворот и несколько раз провел по спине.

— Теперь хорошо?

— Хорошо, давай баллоны.

— Держи...

Я укоротил лямки и закрепил их на груди.

— Кажется, все...

— Да, все... На Церекс ничего не хочешь передать? Я скоро туда лечу, мой срок кончается.

— Передать?.. Нет, пожалуй. Впрочем...

Я вспомнил о монете, лежащей в кармане, и начал снимать баллоны. Арт удивленно смотрел на меня и, не спрашивая зачем я это делаю, помог наполовину стащить скафандр. Я достал монету.

— Передай вот это.

— Пять ти?! Кому?

— Первому мальчишке, которого встретишь на Церексе.

— Мальчишке?.. — Он взглянул мне в глаза. — Хорошо, передам.

— Не забудь, пожалуйста. Только... прошу... передай именно эту монету.

— Хорошо, ты одевайся быстрее, уже начали выходить.

Пришел Конд с двумя шлемами. Вдвоем они быстро втиснули меня в скафандр. Внешние звуки смолкли сразу, как только замок шлема сомкнулся с воротом. Слышалось только собственное дыхание. Арт улыбнулся на прощанье и указал рукой на дверь. Я пожал ему плечо и пошел вслед за Кондом, держась за перила, чтобы удобнее было передвигаться в условиях крайне незначительной тяжести Лизара.

Нас провожало почти все население станции. Мы торжественно проследовали к разделительной камере, жестами отвечая на приветствия товарищей, и вышли на поверхность спутника. Ярko горели звезды, светили солнце и Церекс. Родная планета громадным полумесяцем висела на небе и молча смотрела на вереницу людей, движущихся по каменистой и неровной поверхности Лизара к гигантскому, застывшему в неподвижности кораблю. В скафандрах нас трудно было отличить друг от друга. Только Конд и Сатар выделялись своим ростом.

Я поднял голову и, закрывая рукой солнечный свет, отыскал среди звезд Арбинаду. Она светила спокойным голубоватым светом. Что нас ожидало там?

Впереди меня шел Конд. Не дойдя нескольких метров до корабля, он споткнулся, и я услышал в наушниках его голос, мрачно процедивший сквозь зубы какое-то проклятье.

Для Конда споткнуться перед посадкой значило примерно то же самое, что для меня не подарить пять ти уличному мальчишке. Мы садились на корабль с невеселыми думами.

Ярко освещенный входной люк проглатывал одного за другим участников экспедиции. В нем уже скрылись биолог, кибернетист Прис, штурман Лост, геолог Барм, биофизик Торн, бортмеханик Сатар, Зирн, Млан и Ланк. На мгновение в отверстии люка мелькнула рослая фигура Конда, и за ним полез я. Последним на корабль взошел Кор — начальник экспедиции. Тесное помещение входной камеры наполнилось до отказа. Кор нажал кнопку, и тяжелая крышка люка наглухо закрылась.

Теперь весь громадный мир сузился для нас до ничтожных размеров межпланетного корабля. Туго надувшаяся пузырем защитная ткань скафандров оседает, и места становится больше — это дан воздух в помещение камеры. Мы входим в первый отсек и, помогая друг другу, снимаем скафандры, складывая их в специально приспособленные ящики. Кор торопит нас.

— Занять места по стартовому расписанию! — командует он и направляется в центральный пост.

Я, Конд и кибернетист следуем за ним. Во время любых эволюции корабля наше место там. «Пассажиры» — я имею в виду биолога, геолога и биофизика — расходятся по своим кабинетам, механики — в назначенные им места.

В центральном посту довольно просторно, несмотря на кажущуюся загроможденность приборами. Кор включает обзорный экран и устанавливает связь с дежурным инженером станции. На экране видно, как от корабля в сторону освещенных построек нелепыми скачками удаляются разрозненные фигурки людей — тех, кто провожал нас, и тех, кто осуществлял последнюю подготовку к старту. С контрольных постов бортмеханики сигнализируют о полной готовности приборов и механизмов. Этого можно и не делать, так как на щите перед нашими глазами горящие ровным светом контрольные лампочки свидетельствуют о четкой работе всех агрегатов сложной системы космического корабля. Но... таков порядок.

Медленно течет время. Конд полулежит в кресле с закрытыми глазами, и веки его слегка вздрагивают. Веселый Прис что-то жует и рассматривает на экране привычные узоры звездного неба. Он поворачивается ко мне и протягивает санку в хрустящей обертке:

— Хочешь?

Я машинально беру и отправляю деликатес в рот. Почти не чувствуя вкуса, проглатываю. Входит Лост и, став за спиной Кора, заглядывает через плечо на бегущий огонек индикатора времени.

— Приготовиться! — громко говорит Кор.

Во всех отсеках корабля раздаются тревожные звонки стартового сигнала. Мы усаживаемся в кресла. Это только простая предосторожность. Взлет со спутника всегда осуществляется с очень малым ускорением. Лицо дежурного инженера на экране связи делается серьезным, он в упор смотрит на нас и молча кивает. Остаются последние секунды. У меня в голове мелькают смутные картины жеребьевки на право участия в экспедиции, проплывает суровое лицо отца, и потом возникает ясная улыбка Юринги.

Видения прерываются толчком. Это взлет. Поверхность Лизара на экране вздрогнула и стала уходить в сторону, вначале медленно, но потом все быстрее и быстрее. Экспедиция началась.

* * *

Мы приблизились к Арбинаде в четвертый день Таса 2318 года по Обновленному календарю. Начинался главный этап нашей экспедиции. До того как комплекс «Юл-3» — «Эльприс» вышел на орбиту вокруг Арбинады и был превращен в ее эклиптический спутник, сколько-нибудь значительных событий на борту не произошло. Перелет от одной планеты к другой был на редкость бесцветным, и мне даже нечего записать здесь. Все развивалось в строгом соответствии с планом. Исследовательская группа экспедиции, я имею в виду экипаж «Эльприса», то есть Кора, биолога, геолога, биофизика, самого себя, Конда и Ланка, большую часть пути провела в анабиозных камерах и перелета почти не заметила. Когда наши организмы были возвращены к нормальной жизнедеятельности, красавица Арбинада находилась уже на расстоянии ста двадцати тысяч километров и громадным полушарием висела в небе. Началась подготовка к спуску на планету.

Кор отдал приказ вывести корабль экспедиции на орбиту экваториального стационарного спутника планеты, где после отделения «Эльприса» должен был оставаться «Юл-3», вплоть до возвращения планетарного корабля из рейса на поверхность Арбинады. После вычисления режима перехода, которое проделал Лост на бортовой навигационной счетно-аналитической машине, заработали двигатели и автоматика управления вывела нас на орбиту стационарного спутника.

Арбинада повисла под нами на расстоянии тридцати пяти тысяч восьмисот десяти километров, повернувшись к нам одной точкой своей поверхности. Солнце медленно обегало корабль и планету, делая один полный оборот за двадцать четыре часа, звезды в своем беге чуть-чуть обгоняли Солнце. Незабываемая и величественная картина плавного и бесшумного движения миров! Когда мы оказывались между Арбинадой и Хрисом, видимый поперечник планеты почти в сорок раз превышал размеры своего безжизненного спутника, и тогда Солнце, Арбинада и Хрис заливали помещения корабля своим светом.

Нашему наблюдению было доступно около половины всей поверхности планеты, как раз та ее часть, на которую была намечена высадка экспедиции.

Перед переходом на борт «Эльприса» весь состав экспедиции собрался в салоне. Наше собрание выглядело довольно живописно, так как отсутствие тяжести позволило расположиться в самых причудливых позах и самых невероятных, при других обстоятельствах, местах. Мы были рассеяны по всему объему салона и медленно в хаотическом беспорядке перемещались от одной стенки к другой.

Гул голосов наполнял помещение.

«Вошел» Кор. Мы постепенно сосредоточились в той части салона, которая номинально значилась полом, и притихли. Кор стоял, упираясь руками и ногами в края дверного проема, и переводил взгляд с одного на другого. Наконец, наступила полная тишина.

— Мазораси, — негромко прозвучал его голос. — Через два с половиной часа мы начнем спуск на Арбинаду. Надеюсь, что этот, самый трудный этап перелета, завершится

успешно. Однако в данный момент я обращаюсь не к тем, кто вместе со мной перейдет на «Эльприс», а к тем, кто останется на корабле.

Он выдержал короткую паузу.

— Сейчас я не намерен ничего менять ни в штатном, ни в режимном расписании экспедиции. Все известные вам положения остаются в силе впредь до особого моего распоряжения. Коротко повторяю их.

Первое. Капитаном корабля в мое отсутствие будет мазор Лост-са. На него возлагается вся ответственность за сохранность «Юл-3» и готовность его к любым действиям.

Второе. Орбитальный корабль обеспечивает бесперебойную работу службы связи и готовность принять в любой момент сообщение с «Эльприса» и с внешней станции, расположенной на Хрисе. Ответственность за работу связи возлагается на мазора Прис-са.

Третье. В случае утраты связи мазору Лосту предоставляется право принимать самостоятельные решения, но не раньше, чем через двадцать суток после получения последнего сообщения с борта «Эльприса». До этого срока корабль должен оставаться на данной орбите, и лишь при исключительных обстоятельствах допускаются те или иные временные эволюции с последующим возвращением на прежнюю траекторию и к прежним координатам относительно поверхности Арбинады...

— Разрешите уточнить? — перебил Лост.

— Да.

— Что вы подразумеваете под «исключительными» обстоятельствами?

Кор неопределенно скривил губы.

— Это придется определять вам самому. Я потому и назвал их исключительными, что не могу заранее предвидеть. Все остальное оговорено инструкцией, которая имеется на борту.

Лост наклонил голову. Прис улыбнулся и вставил:

— Будем надеяться, ничего исключительного не произойдет. В крайнем случае, свяжемся с вами.

— Я тоже надеюсь, но повторяю: исключительные обстоятельства.

Несколько мгновений все молчали. Кор взглянул на часы.

— Экипажу «Эльприса» даю десять минут на устройство личных дел. Через десять минут собраться у выходной камеры и приготовить скафандры. Все.

Кор легко оттолкнулся руками и ногами о дверной проем и спиной вперед, как сказочный литрос, удалился в глубь коридора. Мы зашумели.

— Пламенная речь! — сказал Конд и добавил: — В кабину к нам пройти не хочешь? В нашем распоряжении целых десять минут. Кор «расщедрился».

— Пойдем сходим, я хочу кое-что взять с собой.

Мы выбрались в коридор и, цепляясь за поручни, проследовали к себе в кабину. Освещение у нас было выключено, но крышка иллюминатора открыта, и мягкий рассеянный свет Арбинады, проникающий через прозрачную массу окна, позволял хорошо видеть внутри. Конд закрыл дверь и, держась одной рукой за крышку шкафа, с грустью оглядел помещение.

— Мда-а, — задумчиво произнес он. — Теперь-то, кажется, все только и начинается...

Я не очень слушал его, отыскивая в ящике среди вещей портрет Юринги и письмо Юрда, которое хотел взять с собой. Других личных дел у меня не было. Все необходимое экспедиционное снаряжение было погружено на «Эльприс» еще на Лизаре. Конд подобрался вплотную к иллюминатору и, прижавшись лицом к его прохладному стеклу, смотрел на загадочную планету.

— Ан, тебе хочется лететь туда? — вдруг спросил он.

Я повернулся к нему:

— А почему нет? Ты бы отошел от света, а то плохо видно.

— Я так... вот смотрю на нее... Включи плафон, если темно... Чужой мир. Кто знает, что нас ждет там, дружище. Смотрю, и знаешь, эта кабина начинает казаться уютной. Не очень-то хочется мне покидать ее... Может, не полетим?

— Брось, Конд...

— Шучу, конечно. И все же...

Наконец, я нашел портрет и сунул в карман. По кабине в беспорядке плавало несколько незакрепленных предметов. Голые стены, почти полное отсутствие мебели, которая не нужна в условиях невесомости, — все это не создавало уюта, но в тот момент действительно было что-то трогательное в этом оставляемом нами помещении.

— Пойдем, Конд, уже пора, нас будут ждать...

— Пойдем. И как говорится, пусть сокровищница удачи выделит нам малую толику. Счастливой посадки, Ан!

— Счастливой посадки, Конд!

К переходной камере мы прибыли последними. Кор не упустил случая сделать замечание. Конд молча указал на часы — оставалось еще полминуты до назначенного срока.

— Одевайтесь! — приказал Кор. Он не любил возражений.

Мы начали натягивать скафандры, заражаясь общим возбуждением. Было тесно. В отсеке собрался не только экипаж «Эльприса», но и все остальные. Стараясь помочь нам, они только мешали и создавали сутолоку. Я, Конд и Ланк первые скрылись в переходной камере, первые взошли на борт «Эльприса». Конд с Ланком отправились в отсек двигателей, а я остался в кабине управления, бегло проверяя работу приборов. Все было в полном порядке.

Через некоторое время появился Кор. Он вынырнул из люка, долетел до потолка, оттолкнулся руками и, перевернувшись в воздухе, опустился у пульта.

— Аппаратуру проверяли?

— Да, работает нормально.

— Где Конд?

— Вместе с Ланком у двигателей. Скоро будут здесь.

В люк просунулась голова биофизика:

— Как тут у вас?

Кор повернулся к нему:

— А вы что здесь делаете? Отправляйтесь немедленно на свое место. Дасар и Барм пришли?

— Пришли.

— Идите, вам говорю.

Торн, скорчив недовольную физиономию, скрылся. Скоро появился Конд. Он успел перепачкаться и вытирался тряпкой.

— Кажется, на Арбинаду придется заявиться грязным...

Кор брезгливо посмотрел на него:

— Приведите себя в порядок, вы космонавт...

Шли последние приготовления. До начала спуска оставалось не более получаса. Бешено стучали сердца. Мы в десятый раз проверяли готовность корабля.

— Энергия?

— Есть энергия!

— Баки?

— Баки полные.

— Связь? Соединитесь с Хрисом.

— Есть связь.

— Занять места.

Мы усадились в кресла и закрепились. Кор внимательно посмотрел на меня, потом на Конда.

— Пилотировать будете вы, Антор.

Лицо у Конда вытянулось, но он промолчал.

— Примите синзан, немного, половину дозы.

Я проглотил таблетку и нагнулся к посадочному автомату, потом еще раз проверил систему ручного управления.

— Я готов.

Кор кивнул:

— Хорошо. Проверьте готовность экипажа, я соединяюсь с Лостом.

Он нажал кнопку внешней связи.

— Слушаю вас, мазор Кор, — ответил динамик.

— Отсоединяйте нас, Лост.

— Отсоединяю. Какие еще будут указания?

— Пока все, держите связь, поговорим после посадки.

— Хорошо, желаю успеха.

«Эльприс» чуть заметно качнулся — это его освободили от орбитального корабля. Теперь он стал самостоятельным небесным телом. Можно было начинать подготовительные маневры к спуску. По приказанию Кора я включил гироскопы, чтобы сориентировать необходимым образом ось корабля в пространстве. Тонко запели моторы. На обзорном экране рисунок звезд начал перемещаться и наконец остановился. «Эльприс» нацелился на Арбинаду. Наступил решающий момент. Мы в напряжении застыли на своих местах. Кор оторвался от секундомера, посмотрел на нас и скомандовал:

— Спуск!

Я включил посадочный автомат. Двигатели заработали.

* * *

На стационарной орбите скорость корабля составляла три тысячи семьсот шесть метров в секунду. «Эльприс» снижался по пологой спирали соплами вперед, все время наращивая скорость. Приближалась атмосфера. На высоте тысячи километров над

поверхностью скорость достигла семи тысяч пятидесяти метров в секунду. До сих пор замедление корабля было небольшим, работа двигателей обеспечивала только приближение к Арбинаде. Мы неслись над экваториальной областью планеты почти по круговой траектории, выжидая нужный момент для начала главного этапа спуска. В электронном мозгу автоматов шла напряженная работа.

И вдруг зычно заговорили двигатели. Нас придавило к креслам, и по телу «Эльприса» прошла судорога вибраций. Отдельные звуки потонули в мощном гуле реактивных струй, а все другие ощущения были раздавлены навалившейся тяжестью. Мы вошли в атмосферу планеты. Передо мной на шкале высотомера медленно ползли цифры. Семьсот... пятьсот... четыреста... триста... двести километров до поверхности Арбинады. Время словно остановилось. Я взглянул на акселерометр, он показывал ускорение двадцать три метра в секунду за секунду. Температура наружной оболочки поднялась до трехсот сорока градусов. Напряжение нарастало.

Внезапно двигатели смолкли. Жуткая тишина разлилась по кораблю. Я не сразу понял в чем дело и с испугом посмотрел на указатель массы. В баках оставалось еще достаточно жидкого аммиака. Высотомер показывал пятьдесят километров, начинался переход на траекторию планирующего спуска. Гигантская сила встречного потока воздуха ударила в рули поворота, швырнула нас вверх, развернула многотонный корпус ракеты и расстелилась упругим основанием, удерживая корабль от падения. В какой-то из этих мгновений резко подскочила тяжесть, потом упала до нуля. Я увидел искаженное гримасой лицо Кора и безжизненную улыбку на губах Конда, но тут же опять повернулся к приборам. Можно было включать экран внешнего обзора — наша скорость составляла всего около тысячи километров в час. До посадки оставалось несколько минут.

— Внимание, пилот, — с трудом сказал Кор, поворачиваясь ко мне.

На экране виднелась облачность, ярко освещаемая солнцем. Мы стремительно приближались к ней. На короткое время клубы зыбкой материи закрыли горизонт, и потом наступило прояснение. Внизу был еще один слой облаков, затем еще один. Наконец мы увидели море. Высотомер показывал полторы тысячи метров. Оставался последний маневр.

Снова заработали двигатели. Нос корабля стал задираться вверх, мы поворачивались соплами к морю и теряли скорость. На какое-то мгновение «Эльприс» неподвижно повис в воздухе, задрожал всем корпусом от усиливающейся работы двигателей и, опираясь на мощную струю газов, стал тяжело оседать вниз. Мы медленно приближались к водной поверхности. Нас отделяли от нее считанные метры...

— Все! — сказал я, когда корабль повернулся и лег плашмя на воду.

Тишина. Полная тишина и мерное покачивание на волнах чужого океана. Конд тяжело поднял голову и огляделся.

— Приехали, кажется, — сказал он и отстегнул ремни, пытаясь встать. Руки у него дрожали от напряжения.

Кор неподвижно лежал в кресле со странным выражением лица. Это была улыбка, искаженная отвисающими от тяжести щеками. Я даже не понял сразу, что он улыбается. Мне никогда не приходилось видеть, как он улыбается. Никогда, кроме этого раза.

— Арбинада, — произнес он тихо.

В борт корабля тяжело плескали волны.

* * *

Мы были на Арбинаде.

Когда-то в юности первые минуты на другой планете я представлял себе совершенно иначе. Не помню уже точно, какими казались они мне тогда, скорее всего восторженными. Но юношеские мечты всегда ошибочны. На самом деле все выглядит значительно проще и будничнее. Мы находились на Арбинаде... Не было ни восторга, ни жажды деятельности, ни подъема духа. Была депрессия, была усталость и была тяжесть. Теперь, когда я припоминаю дни, проведенные в чужом мире, первое, что мне вспоминается, — это тяжесть. Тяжесть, гнетущая, непрерывная, проникающая всюду тяжесть. От нее не уйти, не спрятаться, не забыться, всегда и всюду она давила на тело, на мысли, на чувства. Она украла у каждого часть его индивидуальности, проникла в сознание, угнетала дух, и даже Кор был вынужден ей подчиниться...

Несколько минут мы оставались в креслах, отдыхая от пережитого напряжения. Корабль ритмично покачивало с борта на борт, ровным светом горели контрольные лампы. Мы молчали. На обзорном экране медленно перемещалась далекая линия горизонта, отделенная от переднего плана бесконечными рядами зеленоватые волн. Тишину нарушал лишь монотонный звук трансформатора, доносившийся из-за панели пульта.

Первым зашевелился Кор. Напрягая мышцы, он привстал с кресла и вплотную подошел к экрану, уткнувшись лицом почти в самое изображение.

— Вот она, Арбинада, мечта космонавтов... — проговорил он. Потом повернулся ко мне: — Включите звук.

Я пошарил рукой на пульте и, нащупав нужную кнопку, нажал ее. Слабый свист ветра и рокот моря наполнили кабину. Казалось даже, что и запахи ворвались вместе с шумом, но это только казалось. Увы, человеку, наверное, никогда не удастся вкушать ароматов этой планеты. Мы ее видели, слышали, ощущали, боролись с ней, но воздухом ее мы не дышали.

Конд связался с другими отсеками. Все было в порядке. Биолог, геолог, биофизик и Ланк благополучно перенесли спуск и постепенно приходили в себя. Кор велел собраться всем в жилом помещении. Мы с трудом перебрались туда, тяжело переставляя ноги и морщась от ноющей боли в позвоночнике. Я чувствовал себя лучше других — принятая перед началом спуска небольшая доза синзана позволяла мне легче переносить тяжесть. Расположась в противоперегрузочных креслах и заняв наиболее целесообразные в этих условиях положения, мы открыли совещание. Со стороны наше совещание, должно быть, представляло печальное зрелище — группа измученных людей, плашмя лежащих в креслах, почти равнодушных друг к другу. Первым заговорил Кор. Чуть-чуть приподняв голову и придав своему голосу некоторую торжественность, он сказал:

— Разрешите, дорогие коллеги, поздравить вас с благополучным спуском на поверхность Арбинады. Событие, которого с нетерпением ожидало человечество, свершилось.

Эта высокопарная фраза так плохо сочеталась с нашим состоянием духа, что мы промолчали. Он продолжал:

— Мне нет необходимости напоминать вам, что наша деятельность здесь будет сопряжена с колоссальными трудностями, каждый из вас уже сейчас ощущает на себе враждебную и могучую силу чужой планеты. Но вы знали о том, что вас здесь ожидает, и шли сюда добровольно. Чрезмерная тяжесть, во власти которой мы находимся, может стимулировать психические расстройства. Мазор Дасар подтвердит мои слова, но и сами вы достаточно хорошо осведомлены. Главные симптомы болезни — угнетенное состояние духа и прогрессивное свертывание инициативы. Думаю, мне незачем вам объяснять, сколь опасно для нас в этой новой и сложной обстановке оказаться в положении тупых и безвольных созерцателей. Нами приняты некоторые защитные меры. Все мы прошли специальный курс гравитренировки, в нашем распоряжении имеются гидроконтейнеры, синзан, но всего этого недостаточно. Единственное, что может уберечь нас от недуга — неустанная и бдительная борьба с собственной пассивностью, взаимная поддержка друг друга...

Кор тяжело перевел дыхание и занял новую защитную позу,

— Я прошу понять меня правильно. С этой минуты я становлюсь для вас деспотом, который будет иногда заставлять вас выполнять на первый взгляд ненужную работу, когда, казалось бы, можно отдохнуть. Вы должны знать, что это не издевательство над человеком, а прививка против страшной болезни, которая в противном случае одолеет каждого.

Конд неуклюже встал со своего кресла и прислонился к стене.

— Можете не уговаривать... понимаем сами. Еще на Церексе об этом знали...

— Не перебивайте. Я не уговариваю, а предупреждаю. Если понимаете, тем лучше, но хотелось бы, чтобы дело не ограничивалось одним лишь пониманием. Этого недостаточно, нужно, чтобы каждый стал нетерпим к собственной пассивности и бездеятельности других... в том числе и моей, если она проявится...

Жизнь на корабле завертелась. По приказанию Кора Конд определил наши координаты. Мы опустились почти точно на экваторе — на четыреста километров дальше по движению Солнца в сравнении с намеченным пунктом. Это оказалось для нас неприятным сюрпризом. Скорее всего, ошибка была вызвана неполнотой наших знаний о распределении плотности атмосферы по высоте. От ближайшего участка суши нас отделяло свыше пятисот километров.

Арбинада — планета громадных водных равнин, твердой поверхности на ней сравнительно мало. Суша представлена восемью гигантскими островами, или лучше сказать — материками, и множеством мелких островков, рассыпанных среди океанских просторов. По программе, мы должны были опуститься у западных берегов Малого Экваториального материка, войти в устье реки Ракс и, насколько можно — подняться по ней вверх по течению, чтобы проникнуть в глубь континента. Судя по тем картам, которыми мы располагали (а они были получены по данным наблюдений хрисской станции и оказались довольно точными), Малый Экваториальный материк имел относительно скромные размеры и почти весь, за исключением южной вулканической его части, располагался между тропиками. Ширина его в районе экватора составляла около

двух тысяч семисот километров. Река Раке вытекала из крупного озера Орг, расположенного у восточного побережья, и на всем своем протяжении казалась достаточно полноводной, чтобы можно было попытаться пройти по ней почти до истоков. Размеры озера обеспечивали старт корабля. Таков был первоначальный план экспедиции. Но мы опустились на четыреста километров западнее намеченной точки между материком и громадным островом Брокр, лежащим среди бескрайней равнины Пирьлейского океана, катившего свои волны от одного полюса до другого.

Наша первоочередная задача состояла в достижении устья Ракса. Предстояло преодолеть пятьсот километров водных просторов. Для этого нужно было присоединить всасывающий патрубок под днищем корабля, через который забортная вода, нагнетаемая главными насосами в испарительную камеру, с силой выбрасывалась через сопла двигателей, создавая достаточную тягу, чтобы двигаться со скоростью тридцать километров в час.

Кор посмотрел на меня, Конда и Ланка, потом устало опустился в кресло.

— Мазор Конд и вы, Ланк. Установите патрубок.

Они переглянулись. Для этого нужно было спуститься под днище корабля в водную стихию чужой планеты.

— Что вы стоите? Исполняйте приказание.

Ланк опустил глаза, лицо его побледнело.

— А там...

— Да, может быть! — резко сказал Кор. — Все может быть! Но мы летели сюда не на прогулку. Об опасности следовало думать на Церексе, сейчас уже поздно. Работать придется в любых условиях!

Он поднялся на ноги и распрямил грудь.

— Пойдем, Ланк, — спокойно сказал Конд и прибавил усмехнувшись: — Окунемся.

— Надевайте скафандры, с вами пойду я сам и мазор Дасар. Антор, принесите необходимые инструменты.

Кор покачнулся и направился к переходной камере. Я с большим трудом доставил из кладовой все принадлежности для установки патрубка.

— И вы наденьте тоже скафандр, будете страховать нас снаружи, — приказал мне Кор.

С помощью геолога и биофизика мы облачились и вошли в переходную камеру, захватив на всякий случай два мощных ультразвуковых излучателя. Давление начало повышаться и, наконец, сравнялось с наружным. Крышка люка откинулась и повисла над водой, образовав маленькую площадку. В камеру ворвался воздух Арбинады.

Наступил торжественный момент — человек вступил в другой мир. Конд шагнул вперед и остановился, щурясь от яркого солнца. Прозрачные, зеленовато-синие волны катились у его ног.

— Можно спускаться? — не оборачиваясь спросил он у Кора.

— Подождите, я первый. Ланк, дайте излучатель.

Тяжело ступая, Кор выбрался на площадку и приготовился прыгнуть в воду, но раздумал и повернулся к нам.

— Прошу выслушать меня. Мы входим в незнакомый и враждебный нам мир, будьте осторожны. Здесь возможны любые неожиданности. Объявляю порядок проведения работ. Мазор Конд и Ланк устанавливают патрубок, я и Дасар обеспечиваем их безопасность и производим наблюдения. Приказываю привязать все инструменты, чтобы не утопить их. Мазор Дасар, не увлекайтесь исследованиями, уничтожайте всякое крупное животное, если оно слишком приблизится к нам. Слышите? Всякое!

Я взглянул в прозрачную синеву воды:

— Может быть, там никого и нет?

— Может быть. Но...

Слова Кора были прерваны возгласом Ланка:

— Смотрите!

Он указал рукой в направлении кормовой части корабля. Там из глубины показалась зубастая голова, плавно покачивающаяся на длинной и гибкой шее. Крупное животное, которому она принадлежала, видимо, не испытывало никакого страха ни перед кораблем, ни перед людьми, оно не торопясь описывало около нас широкий круг, временами скрываясь за пенистыми гребнями волн. Засмотревшись, мы не заметили, как крупный вал подкрался к кораблю и многотонной массой тяжело ударил в борт. Нас швырнуло в глубь камеры, закружило в водовороте, и, когда вода схлынула, я почувствовал, что свободно плаваю в океане.

В первый момент я ничего не успел сообразить, только почувствовал неожиданное облегчение, словно с плеч свалился тяжелый груз. Когда мысли пришли в порядок, я сообразил, что приятная легкость объясняется тем, что в воде тяжесть ощущается значительно меньше, и тут неприятный холодок страха пробежал по всему телу — я вспомнил о зубастом соседе. Корабля не было видно, голова моя едва возвышалась над поверхностью воды, я находился во впадине между двумя, как мне казалось, гигантскими волнами, которые катились с величавой медлительностью. Я беспомощно барахтался на месте, не зная, в какую сторону плыть, и поминутно вглядывался в бездонную синеву океана, боясь увидеть отвратительное чудовище. Утонуть я не мог, но находиться один на один с могучей стихией моря под куполом чужого неба, не видя ни корабля, ни товарищей было жутковато. Наконец, меня вынесло на гребень волны. Я увидел корабль и на площадке четыре фигуры в скафандрах, напряженно всматривающихся в воду.

— Вижу! Вот он! — вдруг раздался радостный возглас Конда, и тут же он испуганно закричал: — Осторожно, Антор, сзади!

Я поспешно обернулся, но ничего не увидел.

— Назад, Конд, кто вам разрешил?! — крикнул Кор.

Я снова повернулся и поплыл по направлению к кораблю. Навстречу мне, держа в одной руке излучатель, плыл Конд.

— Осторожно, Антор, оно здесь, я видел, оно нырнуло. Оно где-то здесь.

Он погрузился с головой в воду, и я потерял его из виду. Тогда я тоже нырнул и увидел в воде чудовище. Оно медленно поднималось из глубины, равнодушно глядя на нас холодными, ничего не выражающими глазами. «Как у Кора», — мелькнуло у меня в голове, и я даже, кажется, улыбнулся. Удивительная человеческая натура! Опасность была рядом, но страха я уже не испытывал и с интересом рассматривал приближающееся животное. У чудовища было короткое туловище, переходящее постепенно в длинный хвост и две пары ластов, которыми оно едва шевелило, подплывая к нам. Конд навел на него излучатель.

— Подожди, Конд, оно, кажется, не собирается причинять нам вреда, ты его можешь не убить сразу, и тогда будет хуже. Знаешь наши скафандры... проткнет — и... крышка.

Конд настороженно следил за всеми движениями животного, все время держа его под прицелом. В наушники ворвался голос Кора:

— Немедленно плывите к кораблю!

Тут же вмешался биолог:

— Вы его видите?

— Да, видим, очень хорошо, — ответил Конд.

— Опишите пожалуйста...

— Немедленно плывите к кораблю! — повторил Кор.

— Плывим.

Нас не нужно было долго уговаривать. Хотя животное уже удалялось, на душе было беспокойно от пребывания в незнакомой стихии, таившей неожиданные сюрпризы. Мы подплыли к кораблю и вынырнули у входного люка.

— Антор, вылезайте из воды, — приказал Кор.

Я вцепился в перекладину спущенной лестницы и, поднявшись на ступеньки, снова почувствовал утраившуюся тяжесть своего тела. С меня стекала вода.

— К вам, мазор Конд, будут применены меры взыскания по возвращении на Церекс. Вы не имели права покидать корабль без моего разрешения. На борту должен всегда находиться один из пилотов.

— Так я же... — начал было возражать Конд.

— Не имеет значения, — оборвал его Кор, — теперь в воду! Нужно быстрее установить патрубок.

Биолог на минуту задержался около меня:

— Вы говорите, оно имело ласты?

— Да, две пары.

— Как они расположены, вы не заметили?

Я в двух словах передал ему свои наблюдения. Он задумался и, подойдя к краю площадки, произнес:

— Его предки когда-то жили на суше, да и оно само, наверно, способно вылезать на берег. Значит... — он не договорил и спрыгнул в море.

Установка патрубка не заняла много времени и обошлась без приключений. Скоро из воды один за другим показались Кор, Конд, Ланк и Дасар. Они с трудом выбрались на площадку и тяжело дышали, борясь с тяжестью собственного тела. Мы забрались в переходную камеру и закрыли люк. Началась утомительная процедура дезинфекции и декомпрессии.

* * *

Мы взяли курс к устью реки Ракс.

Плывущие по небу облака временами набегали на солнце и защищали нас от его слишком ярких и горячих лучей. Дул слабый ветер, и волнения почти не ощущалось. «Эльприс», вспенивая воду, ровным ходом двигался по намеченному маршруту. Все шло гладко, даже слишком гладко. Кор сидел в центральном отсеке, погруженный в какие-то вычисления. Мы с Кондом и Ланком по очереди дежурили у двигателей. Что делали остальные, я даже толком не знаю. Отстояв смену, мы спешили в гидроконтейнеры и, торопливо сбросив одежду, опускались в спасительную жидкость, ласково принимающую наши измученные тела. Так шло время.

Из гидроконтейнера на очередную вахту меня поднял Конд. Он просто слил сислол, и отяжелевшее тело сразу разбудило сознание. Я сдернул маску и, вцепившись пальцами в край люка, выбрался наружу. Пол резко ушел из-под ног. Я кое-как устоял, но больно ударился головой о переборку.

— Что, Конд, уже пора?

— Пора, возьми, вытрись, — он бросил мне полотенце. «Эльприс» опять накренился. Лицо у Конда исказилось, руки судорожно ухватились за скобу контейнера.

— Проклятье!

— Волны?

— Да. Кажется, начинается. Держись, я тебе спину вытру.

Обтеревшись и с трудом натянув комбинезон, я пробрался в центральный пост. Там, погрузившись в кресло, сидел Кор. Лицо у него было измученное, только глаза смотрели спокойно и ничего не выражали. Свист ветра и грохот волн врывались в отсек. На обзорном экране в сумрачном освещении громоздились пенистые волны, а по небу, казалось цепляясь за самые гребни, неслись темные лохматые тучи. Линия горизонта качалась и металась из стороны в сторону. Чтобы удержаться на ногах, я вцепился в спинку кресла. Кор посмотрел на меня и убавил звук. Шум стал заметно слабее, но качку, к сожалению, таким путем устранить было невозможно. «Эльприс» отчаянно болтало из стороны в сторону. Нами играл чужой океан.

Лет пять тому назад, вернувшись из очередного полета, я совершил морскую — прогулку и тоже попал в шторм. Но это было на Церексе. Там при меньшей силе ветра высота волн была почти такая же, только сами волны медленно вздымались и плавно подхватывали наше судно. Здесь они с остервенением лезли на корабль, прыгали в лихорадочном ритме и тяжелыми ударами сотрясали «Эльприс».

— Скоро суша, — сказал Кор.

Я наклонился к экрану, пытаюсь разглядеть очертания берегов, но ничего не увидел.

— Еще рано. Осталось километров тридцать, если нас не сильно отнесли течения. Кто у двигателей?

— Ланк.

Кор кивнул и нагнулся к экрану гидролокатора. По темному фону бежал зеленоватый лучик, вычерчивая рельеф дна. Глубина была около двадцати метров.

— Становится мелко, — заметил я.

— И опасно, — прибавил Кор. — Волнение увеличивается, берега нам неизвестны, возможны рифы, скалы. Придется отойти в океан. Разворачивайтесь, пилот.

Трое суток бушевал шторм, трое суток нас трепали волны, бросали из стороны в сторону многотонную махину корабля. Измученные и разбитые, мы едва держались на ногах. Отдых в гидроконтейнерах был непродолжительным и неполным. К концу третьего дня Кор, не выдержав перегрузки, свалился. Изо рта у него сочилась тонкая струйка крови. Около него хлопотал биолог. Дасара срочно извлекли из контейнера, и он, даже не одевшись, мокрый, поддерживаемый Кондом, возился с лекарствами.

Наконец, Кор открыл глаза и сделал попытку приподняться.

— Что со мной? — спросил он.

Биолог неопределенно покачал головой:

— Не знаю. Вам нужен отдых. Конд, помогите мне, и вы, Антор, тоже.

К нам присоединился еще геолог, который лежал на полу, вытянувшись во весь рост. Мы вчетвером приподняли Кора и понесли. Пол поминутно уходил из-под ног, нас швыряло от стены к стене, но мы все-таки двигались вперед. Биолог надел маску на лицо Кора, но тот стащил ее и вяло произнес:

— Как другие?

Дасар поднял отяжелевшую голову:

— Неважно.

— Держаться можете?

— Пока да.

Последовала пауза.

— Может, синзан?

— Синзан, — повторил биолог, словно соображая, что это такое, — боюсь, опасно, все слишком измотаны.

Кор некоторое время молчал, обдумывая решение:

— Тогда отдыхать, четырехчасовой отдых!

Он закрыл глаза и больше не произнес ни слова. Мы погрузили его в маслянистую жидкость. Конд открыл люк соседнего контейнера и стал снимать одежду. Мне бросился в глаза его вытянувшийся от тяжести живот. Он витиевато выругался и неуклюже плюхнулся в контейнер. Я стряхнул оцепенение и тоже стал раздеваться...

Около четырех часов провели мы в полусне. Потом, несколько отдохнув, заняли свои места. «Эльприс» на полном ходу мчался к берегу, разбивая тупым носом тяжелые волны. Где-то впереди в серой мгле пряталась суша. Ориентировались лишь по инерционной системе, — небо было по-прежнему застлано тучами.

...В напряженном ожидании лениво ползли минуты. Кривая на экране гидролокатора медленно поднималась вверх, вдруг проваливалась и снова тянулась кверху, указывая порой глубину всего лишь двенадцать — пятнадцать метров. Каждые полчаса геолог брал пробу воды.

— Как там? — спрашивал Кор.

— Неясно, — бурчал в ответ Барм, — ил есть, но при таком волнении трудно сказать — наносный или донный.

Мы снова впились глазами в экран внешнего обзора.

— Бухту, — твердил Кор, — найти бы бухту.

Стало смеркаться. Мы знали уже, что в этих широтах переход к ночи непродолжителен, и торопились скорее достичь берега, пока было еще светло.

— Увеличьте скорость!..

Конд попытался повернуть регулятор, но маховичок упирался в ограничитель.

— Больше некуда. Насосы на пределе...

— Испаритель!

Корабль вздрогнул и под нарастающий рев двигателей понесся вперед. В разрыве облаков впереди по курсу мне показалось что-то похожее на скалистый берег. Подчиняясь охватившему меня порыву, я закричал прямо в ухо Кор:

— Суша!!! Суша!!!

Он оттолкнул меня и до предела увеличил яркость экрана.

— Наконец-то! Сбавляйте скорость.

Корабль, разбивая ряды волн, катившиеся с океана, быстро приближался к берегу. Уже были хорошо видны пенные буруны прибоя — остановка здесь была невозможна.

— В бухту, в бухту, — упрямо твердил Кор. — Разворачивайтесь вдоль берега... быстрее... быстрее, так!

Началась яростная бортовая качка. Сумрак стал сгущаться. Шум волн в отсеке перекрыл рев двигателей, но сквозь грохот волн и пронзительный свист ветра все явственнее проступали какие-то посторонние звуки. В такт этим звукам по телу корабля пробежали короткие судороги.

— Что с двигателями?! — заорал Кор.

Я вскочил с места, но от толчка перелетел через кресло и всей тяжестью грохнулся на пол. На какое-то время сознание покинуло меня. Очнулся я в неестественной позе в углу, куда, наверное, закатился от непрерывной болтанки. Меня поразила тишина. Молчали двигатели, на обзорном экране в немой пляске вздымались волны и надвигался каменистый берег. Кор лежал поперек кабины на полу, заклинившись между креслами. Ноги его шевелились. Конд навис над пультом, каким-то чудом держась на ногах.

Вдруг рывкнул главный двигатель, корабль рванулся вперед, но тут же, подхваченный громадной волной, задрал нос, развернулся и со страшным скрежетом сел брюхом на камни. Меня бросило через всю кабину, я еще успел заметить окровавленное лицо Конда, почувствовать два конвульсивных рывка двигателя, и тут же все потонуло в тишине и небытии.

* * *

Ужасно болела голова. Боль была то ноющая, то тупая, то резкая, от которой хотелось кричать и стучать ногами. Я почувствовал чье-то дыхание около своего лица и медленно, открыл глаза. Надо мной, стоя на коленях, склонился Дасар. «Больно», — хотел произнести я, но губы шевельнулись беззвучно. Он расстегнул ворот, нащупал сосуд, и я ощутил прикосновение металла. Потом наступило облегчение.

— Что произошло, литам?

— Неважно, — ответил он, — шевелиться можешь?

— Попробую.

Я согнул ногу в колене, уперся руками в пол и поднялся на четвереньки. «Эльприс» стоял наклонившись на один бок, и передвигаться было трудно. В кабине царил беспорядок. На полу валялось множество вещей, откуда они взялись — неизвестно. Через люк в угол помещения натекла большая лужа сислола, наверное, он вылился из контейнера. В этой луже лежали Кор и Конд, как братья.

— Что с ними?

— Еще не знаю, надеюсь, ничего страшного.

— А где остальные?

— Там, — биолог неопределенно махнул рукой.

Мой взгляд остановился на обзорном экране. Его четырехугольник заполняла неподвижная темнота.

— Ночь, — сказал биолог, перехватив мой взгляд.

Корабль стоял неподвижно, ни толчков, ни колебаний не ощущалось.

— Мы на суше?

— Не знаю, ничего не знаю. Помогите мне.

Он заковылял к неподвижно распростертым телам. Совместными усилиями мы усадили Кора и Конда в кресла. Биолог вытер взмокшее лицо, и тут я почувствовал, что в кабине жарко. У Конда была рассечена щека и покрыта запекшимися сгустками крови. Других повреждений ни у того, ни у другого мы не обнаружили. Биолог раскрыл сумку, висящую на груди, и пошарил в ней.

— Антор, походи в моторный отсек, там Барм и Ланк, если они без сознания, дай им вот это, — он протянул мне тубик, — выдавишь немного в рот. И потом... прибавь кислороду, регенератор что-то разладился.

Остаток ночи мы с биологом приводили в чувство товарищей. Больше всех пострадал Барм. Во время толчка он находился в проеме моторного отсека и был выброшен на насосы. Ударился он, судя по всему, не очень сильно, но длительное пребывание в неестественной позе, головой вниз с прогнутым в обратную сторону позвоночником, серьезно отразилось на его состоянии. Он очнулся последним, когда лучи восходящего солнца окрасили в розовые тона матовую поверхность обзорного экрана. Биолог вздохнул с облегчением и в изнеможении опустился в кресло.

— Несите его в контейнер, — это все, что он успел вымолвить и тут же погрузился в сон.

Часа два мы отдыхали, после чего собрались обсудить положение. Кор окончательно пришел в себя, Конд выглядел мрачным и нахохлившимся, Ланк бережно поддерживал вывихнутую руку и сидел, задумчиво уставившись в одну точку. Совещание было коротким. Прежде чем принять какие-то решения, нужно было установить координаты, выяснить степень повреждения корабля, и затем — возможность сняться с мели.

— Приготовиться к вылазке! — скомандовал Кор. — Пойдут все, за исключением вас. — Он указал на геолога.

Мы потащились к переходной камере за скафандрами.

Когда крышка люка откинулась и повисла над поверхностью Арбинады, в лицо нам ударили лучи солнца. Оно еще не успело высоко подняться и светило прямо в отверстие люка. Мы невольно зажмурили глаза.

— Вот так номер! — раздался удивленный возглас Конда. Он стоял на краю крышки и смотрел вниз. — Ничего не понимаю!

Под нами была суша. От полосы прибоя корабль отделяло метров двадцать твердой земли. Мы недоумевающе переглянулись. Сквозь прозрачную массу шлема я увидел, как лицо Кора сделалось серым. И тут до меня дошел смысл происшедшего. Мы не могли ни сдвинуть корабль с места, ни взлететь. Неприятный холодок прошел у меня по спине. Кор быстро овладел собой.

— Спускайте подъемник! — приказал он.

Мы перебрались на платформу и включили лебедку. Платформа коснулась земли, накренилась и застыла, тросы ослабли. Мы были на поверхности Арбинады. Этот момент прошел как-то незаметно. В раздумьях и тревоге мы не сразу сообразили, что нога человека стала на почву другого мира. Кор нагнулся и, набрав горсть песка, воскликнул:

— Арбинада! Смотрите, это же Арбинада!

Конд поддал ногой камень, тот отлетел на несколько шагов и завалился в ложбинку.

— Видим, что Арбинада, только как будем отсюда выбираться?

Ему никто не ответил.

— Эй, мазор Дасар, не отходите, — остановил Кор биолога, направившегося к росшему неподалеку кустарнику. — Осмотрим повреждения.

Последнее относилось уже к нам.

— Пойдем, Конд, — сказал я.

«Эльприс» застрял между двумя громадными камнями, оставившими на его боках большие вмятины. В одном месте обшивка лопнула, на теле корабля образовалась рваная рана, в которую свободно проходила рука.

— Дешево отделались, — сказал Конд, постучав кулаком о борт, — я думал, все внутренности вскрылись. А, дьявол! — Он поскользнулся и упал в песок. Я помог ему подняться.

— Что случилось с насосами? — спросил Кор Конда.

— Кто их знает, я думаю... Антор, лезь за мной, посмотрим, может быть... Ну да, так и есть. Вот они!

Конд забрался под днище корабля и, достигнув смятой горловины всасывающего патрубка, стал выбрасывать оттуда длинные стебли водорослей.

— Вот они, проклятые... вот... это, Антор, помоги мне... это больше, конечно, по части биологической... вытаскивай их отсюда, Ан!

Мы с трудом вылезли, опутанные водорослями.

— Насосы придется разбирать, в них этой дряни набилось полным-полно, — сказал Конд.

Биолог, сидя на песке, с интересом рассматривал растения. Я слышал, как он что-то бормотал про себя. Слов невозможно было разобрать, но, судя по тону, он был доволен. У моих ног копошилось какое-то маленькое животное.

— Литам Дасар! Смотрите!

Я поднял с земли нелепое создание, которое привело в восторг биолога.

— Это же типичный альтортинах!

— А вот вам еще один, — заметил Конд, наступая сапогом скафандра на шевелящийся комочек, — здесь их видимо-невидимо, под каждым камнем, мразь какая-то!

Кор задумчиво смотрел на море. Волны широкими языками выплескивались на берег, шуршали галькой и с шипением откатывались, оставляя на песке ажурные хлопья белой пены. Затем он перевел взгляд на берег. Отлогая полоса песка и гальки, на которой обычно хозяйничали волны, ограничивалась уходившими вверх скалами. На их неровных боках легко различались два цвета. Снизу они были покрыты зеленовато-бурым налетом, который постепенно переходил в естественный цвет камня.

— Вода поднимается до этого уровня, — показал Кор и, взглянув на корабль, добавил: — Он выше осадки «Эльприса».

— Это вчера во время бури, — вставил я, — ветром нагнало воду.

— Не думаю, — отрицательно покачал головой Кор.

— Что же тогда еще? — вмешался Конд. — Ветер вчера дул именно с моря, странно, что нас не швырнуло о те камни.

— Дело не в направлении ветра. Это, вероятно, приливы.

— Какие приливы?

— Здесь в океане должны быть приливы, и довольно высокие.

Мы недоуменно посмотрели на Кора.

— Приливы — это периодические поднятия уровня под действием сил тяготения.

— Ага, вроде припоминаю... но почему их нет на Церексе? Я вырос на берегу моря и не помню, чтобы оно меняло уровень...

— На Церексе они тоже существуют, но почти незаметны. Водные пространства там ограничены, Лизар слишком мал, а Солнце довольно далеко. Здесь же...

— Ясно! — воскликнул Конд. — Значит, есть надежда сняться с этих камней!

— Да, есть надежда.

— Фу, словно дышать легче стало! Литам Дасар, вы слышите?

— А?!

— Слышите, часов через... самое большее через восемь часов поднимется вода и мы всплывем, нужно успеть заделать пробоину.

Конд бросился к платформе с такой легкостью, словно не существовало могучего тяготения Арбинады.

— Антор, Ланк! Что вы стоите, быстрее!

— Не спешите Конд, не все так быстро, как вам кажется.

Кор, тяжело опустившись на землю, прислонился к камню.

— Я думаю... — начал он.

— Смотрите! Летит! Вон, да не там, правее! — перебил его Дасар.

Биолог поспешно вскочил на ноги, указывая на небо. Над скалами реяло какое-то существо. Оно медленно описывало широкие круги, чувствуя себя великолепно в капризной воздушной стихии.

— Какая мерзкая тварь! — сказал Конд. Он остановился у платформы, держась рукой за трос. — И большая, метра два.

— Пожалуй, покрупнее, — вставил Кор. — Смотрите, какая пасть. Что вы скажете, Дасар?

— Что я скажу? Скажу, что если такие летают, то по суше бродят, знаете... Нет, вы уж лучше фантазируйте сами.

— Здесь надо быть осторожным.

— Несомненно. Антор, сбейте ее, вы хорошо стреляете. Да подождите, пусть подлетит поближе.

Я поднял оружие и стал ловить крылатое чудовище в центр прицела. Оно опустилось ниже и летело прямо к нам. Я нажал спуск.

— Мимо!

— Нет, попал, просто живучая. — Я еще раз нажал спуск.

Животное покачнулось и, судорожно взмахивая крыльями, как-то боком стало удаляться.

— Стреляйте еще!

Держать оружие на весу было трудно, руки устали и дрожали от напряжения. Вряд ли в таких условиях можно было рассчитывать на успех, но я выстрелил.

— Мимо!

Животное скрылось в скалах. Некоторое время мы молчали, рассматривали крутые, покрытые растительностью берега.

— Странный мир...

— Нет, просто юный мир, полный сил, мир, которому принадлежит будущее.

Кор покосился на биолога:

— Этот мир возник в одно время с Церексом...

— Да, но попал в другие условия и слишком мало пережил, чтобы стать зрелым, он еще расправит крылья...

— Крылья у него уже есть, — заметил Ланк, взбираясь на платформу, где стоял Конд.

— Нет, в переносном смысле... Что вы говорили о приливах, мазор Кор?

— О приливах? Ах да, я сказал, что сегодня нас вряд ли снимет с камней. Пойдемте, пора возвращаться. Сейчас Хрис в первой четверти. По всей вероятности, вода поднимется достаточно высоко, когда он вступит в полную фазу.

— Это когда же?

— Дней через семь, через восемь, мы за это время многое успеем сделать. Вы говорите, мир юн, в смысле эволюции?..

— Да.

— У нас еще слишком мало фактов. И вы думаете...

— Я не думаю, у меня просто такое впечатление.

Кор и биолог замолчали. Они тяжелыми шагами направились к платформе подъемника, увязая в песке и спотыкаясь о камни.

— Пускайте, Конд.

Тросы натянулись, и платформа поползла вверх к открытому люку. Я взглянул на море. Пенная полоса прибоя была в тот момент на несколько метров ближе, чем когда мы выходили из корабля.

— Начался прилив?

Кор обернулся и через плечо взглянул на волны:

— Да, похоже.

Конд достал часы:

— Двенадцать часов назад нас выбросило на берег.

— Да, волны и прилив. Нам не очень везет, но могло быть и хуже. Ладно, заходите. Ланк, что у вас там?

— Рука... задел, больно.

— Заходите.

Крышка люка плотно стала на свое место. Наступила тишина, мы слышали в наушниках только дыхание друг друга.

— Антор, тебе ближе, включай.

Я пустил в ход систему дезинфекции.

* * *

Нам пришлось очень трудно на Арбинаде. Я имею в виду даже не опасности, которые подстерегали там на каждом шагу. К опасностям человек в конце концов привыкает, но невозможно привыкнуть к насилию над самим собой. То, что в обычных условиях естественно и просто, там требовало известного напряжения мысли и воли. Тело было чужим и непослушным. Руки поднимались тяжело, их нужно было заставлять двигаться, ноги шевелились вяло и медленно, веки опускались сами собой, и требовалось усилие, чтобы держать глаза открытыми. Даже язык ворочался во рту неуклюже, и порой с уст слетали какие-то обрывки слов и фразы становились куцыми и нечленораздельными.

Теперь на Хрисе, где я пишу эти строки, мне порой уже трудно представить наше недавнее прошлое. Дни на Арбинаде кажутся мне сном, каким-то кошмарным видением. Как передать все это? Как описать тягостное ощущение собственных внутренностей,

проглоченного куса пищи, боли в глазах, хруста каждого сустава, тяжелого прикосновения одежды? Невозможно! Только пальцы сохранили подвижность, но и они обманывались, прикасаясь к знакомому предмету, который сразу становился непривычно тяжелым. Мы сделались раздражительными и невыдержанными. Временами из-за нелепых пустяков возникали ссоры, которые иногда переходили в опасные столкновения.

После вылазки на поверхность весь экипаж «Эльприса», включая самого Кора, занялся ремонтом корабля. Мы работали как одержимые. Так могут трудиться только люди, которым неоткуда ждать помощи. К счастью, погода нам благоприятствовала. Судьба берегла израненный «Эльприс» от повторных ураганов. Во время нашей вынужденной стоянки они были бы особенно опасны — приливы становились все выше, и море все ближе подступало, выкатывая свои волны к самой корме корабля. К тому моменту, когда приливная волна приподняла «Эльприс» с камней и он закачался на ее поверхности, освобожденный от страшных каменных объятий, все аварийные работы были уже выполнены, и мы могли продолжать наш путь. Кор, не доверяя управления ни мне, ни Конду, сам сел за пульт и, осторожно маневрируя, вывел корабль в открытое море.

— Сколько еще до устья? — спросил он, имея в виду цель нашего океанского плавания.

С определением координат пришлось повозиться. Солнце скрылось за облаками, а расчет по инерциальной системе после той бури, которую мы пережили, был далеко не прост. Наконец, вычисления были сделаны. К нашему удивлению, до входа в реку оставалось совсем немного.

— Ну сколько?

— Девяносто.

— Это по прямой?

— Да.

Кор задумался, в голове его зрело какое-то решение.

— Вот что, — наконец произнес он, — как вы себя чувствуете, Антор?

Вопрос этот удивил меня. Обычно Кор не очень интересовался самочувствием экипажа. У меня сложилось такое впечатление, что, будучи сам на редкость здоровым человеком, он молчаливо предполагал такое же состояние и у всех окружающих. Впрочем, для этого у него были основания — медицинский отбор в экспедицию был произведен достаточно придирчиво.

— Довольно сносно, — ответил я, — только очень устал.

— Все мы устали, — возразил Кор, — нам нужно сегодня же уйти в глубь материка, взгляните на барометр.

Показания прибора были тревожными. Атмосферное давление снова упало, и самописец чертил кривую ниже того уровня, который отмечала стрелка при последнем шторме.

— Это заставляет нас торопиться, я думаю, вам понятно? Возьмите крылья и, пока не стемнело, произведите разведку береговой линии в районе устья и нескольких километрах вверх по течению реки. Вы, Конд, поведете корабль.

Кор поднялся от пульта, уступая место Конду. Я, тяжело передвигая ноги, направился в багажный отсек. В помещениях корабля было пусто, — я вспомнил, что по приказанию Кора все находились в гидроконтейнерах. Мне встретился только Ланк.

Мы вдвоем извлекли крылья и проверили двигатель. Затем облачились в скафандры, и я, получив целый ряд напутственных указаний от Кора, в сопровождении Ланка вышел на площадку корабля. Вокруг расстился спокойный и пустынный океан. Лишь за кормой, где бурлили мощные струи воды, выбрасываемые через сопла двигателя, в полупрозрачной дымке синела далекая полоска берега. Ланк помог мне приладить крылья и, ободряюще сжав плечо, отошел на край площадки. Я проглотил неприятный вязущий комок, который образуется во рту после принятия синзана, и, вздохнув, пустил двигатель на малые обороты. Крылья затрепетали, готовые поднять меня в воздух. Включил наушники и сразу услышал голос Кора:

— Антор, вы готовы?

— Готов.

— Тогда не теряйте времени. Связь с вами буду поддерживать я. Взлетайте.

Я осторожно прибавил обороты и почувствовал, как мои ноги отделились от корабля. Специально созданный для нашей экспедиции летательный аппарат, кажется, оправдывал возлагаемые на него надежды. Прodelав несколько пробных виражей и убедившись в хорошей управляемости, я стал набирать высоту.

— Как крылья? — раздался голос Кора.

— Кажется, нормально.

— Будьте осторожны, очень высоко не поднимайтесь и настраивайтесь на пеленг.

Я поднялся на несколько десятков метров и осмотрелся.

Сверху панорама была удивительной. Мне неоднократно приходилось парить в воздухе над Церексом, но впечатления от полета над Арбинадой во много раз богаче. Во-первых, краски. Все значительно более яркое и многоцветное, даже над морем, и необыкновенный простор, словно лопнул обруч, который стягивал кругозор, и горизонт расширился до своих естественных пределов. Именно — естественных! Мне тогда показалось, что человек должен видеть свою планету более просторной.

Сделав несколько кругов над «Эльприсом», я полетел по курсу, справляясь время от времени с картой. И, странное дело, — усталость мало-помалу уступала место свежести. Было ли это следствием действия синзана или горизонтального положения тела в полете — не знаю, но мне казалось, что сам простор проникал внутрь и гнал наружу цепкие комочки усталости, освобождая место легкости и спокойствию.

Я летел к реке кратчайшим путем, пересекая большой полуостров, далеко вдающийся в океан. Надо мной неслись мягкие невесомые облака, а внизу расстилалась

причудливо взгорбленная холмами суша, покрытая зеленовато-желтой массой растительности. С высоты невозможно было разглядеть, скрывалось ли в этих буйных зарослях что-нибудь живое.

Наконец показалась река. В устье она образовывала дельту и вторгалась в океан мощным потоком, отчетливо видным сверху из-за характерной окраски илом. Я опустился ниже и стал детально обследовать отдельные протоки между многочисленными островами, намечая путь, по которому должен пройти «Эльприс». Кор не торопил меня. Я пролетел несколько километров вверх по течению, временами опускаясь почти до самой воды, и убедился, что корабль беспрепятственно сможет пройти в этих водах. Пора было возвращаться назад.

— Все нормально? — спросил Кор.

— Абсолютно.

— Осмотрите подходы к устью со стороны океана, нет ли наносных отмелей.

Я развернулся в крутом вираже и тут заметил пять или шесть крылатых чудовищ подобных тому, в которое стрелял на побережье. Величаво размахивая громадными перепончатыми крыльями, они летели вдоль реки по направлению к океану. Меня они или не видели, или не обращали внимания. Я резко сбавил обороты и лихорадочно ощупал скафандр, надеясь найти какое-нибудь оружие, но ничего, кроме большого ножа, висящего у пояса, — не обнаружил.

— Как дела? — снова раздался в наушниках голос Кора.

— Ни-че-го, — полусшепотом ответил я, озираясь вокруг.

— Что с вами, пилот?

— Тут летают эти...

— Кто?

— Не знаю, как называются, вы видели на берегу...

— Старайтесь не пускать в ход оружие, избегайте встречи. Обследование со стороны океана произвели?

— Нет еще, и потом...

— Что потом?

— У меня нет оружия.

— Нет оружия? — Кор немного помедлил и вдруг обрушил на мою голову целый поток проклятий.

Признаться, меня это несколько ободрило, к тому же крылатые куда-то исчезли. Я включил двигатель на полную мощность, поднялся в облака и в их густой пелене помчался к морю. В своем позорном бегстве (зачем мне рисоваться здесь перед самим

собой, тем более что вскоре пришлось проявить достаточно мужества), я переусердствовал и, когда покинул ярус облаков, обнаружил, что улетел от суши слишком далеко. Пришлось возвращаться, чтобы выполнить задание Кора.

— Теперь все в порядке? — поинтересовался Кор.

— Все в порядке. — Я вкратце передал ему свои наблюдения.

— Хорошо, возвращайтесь на «Эльприс». И имейте в виду, что следующий раз... впрочем, об этом после, — он неожиданно замолчал.

Я решил возвратиться на корабль не прежним маршрутом, а над морем, обогнув полуостров. Двигатель работал ровно, летающих животных, которые полчаса назад внушили мне такой страх, нигде не было, а выглянувшее из облаков солнце окончательно вернуло приятное расположение духа. Впереди, в океане, виднелся небольшой скалистый островок, почти лишенный растительности. Сообщив Кору о своем намерении лететь над морем, я выключил связь, чтобы его голос не раздражал меня.

Безмятежно текли мысли, впервые, может быть, за все время нашего пребывания на Арбинаде. Я даже не уловил того момента, когда двигатель начал терять обороты, вероятно, вначале это было незаметно. Вдруг что-то встревожило меня, я посмотрел вниз и с удивлением увидел приближающуюся поверхность воды.

— Проклятье!

Я до отказа выжал регулирующий рычаг, двигатель взревел, вынес меня на несколько десятков метров вверх и вдруг смолк, был слышен только свист воздуха, обтекающего крылья. Я почувствовал знакомое ощущение невесомости и понял, что падаю. Громадное тяготение Арбинады влекло меня вниз. «Конец», — мелькнуло у меня в голове. Переворачиваясь в воздухе, я приближался к острым камням скалистого островка. Каким-то непостижимым способом мне удалось выровняться, и я почувствовал, как крылья снова подхватили меня, — это было крутое планирование уже за линией скал в море. С этого момента и дальше я сохранял хладнокровие и поэтому помню все отчетливо. Я включил связь и, оборвав на полуслове Кора, прокричал:

— Я падаю в море, аппарат отказал!

— Что?!!

— Я падаю в море, падаю в море! Я падаю в море!

Кор что-то кричал мне в ответ, но я его уже не слушал, лихорадочно соображая, как мне лучше опуститься. Я решил сесть в непосредственной близости от островка в надежде выбраться на сушу, — остров казался совсем пустынным. Но именно в тот момент, когда я принял такое решение, из-за каменной гряды навстречу мне поднялось несколько крылатых чудовищ. Чувство страха атрофировалось, я был поглощен одной мыслью: благополучно опуститься, направив на это все свои усилия и все внимание. До воды оставалось метров сто пятьдесят, когда я почувствовал удар в спину и потерял равновесие. Крылья завибрировали, и я стал валиться на бок. Следующие два удара перевернули меня, и тут я заметил, что со всех сторон окружен крылатыми бестиями. Они яростно нападали, били крыльями и длинными беззубыми клювами, цеплялись когтистыми лапами, носились вверх и вниз, оглашая воздух пронзительными криками. Все, что я здесь сейчас

описываю, продолжалось считанные секунды. Каким-то чудом у самой земли мне удалось еще раз выровняться, крылья подхватили меня, и я слету опустился прямо в гнездо одной из этих тварей. Что-то хрустнуло под ногами, взметнулась какая-то тень и, обернувшись разъяренной самкой, обрушилась на меня. Ударом ножа мне удалось на время освободиться от разъяренного противника: я осмотрелся по сторонам и заметил метрах в пяти от себя узкую расщелину. Пока я добирался до нее, получил столько ударов, что едва не потерял сознание. Наконец, мне удалось забаррикадироваться крыльями, и я почувствовал себя в безопасности. Только тогда я смог ответить на непрерывные вызовы Кора.

— Антор! Антор! Отвечайте. Вы живы?

— Теперь, кажется, жив.

— Что с вами произошло?

— У меня отказал двигатель, и я стал падать в воду, подождите, дайте отдышаться...

— Вы в безопасности?

— Не знаю даже... подождите.

— Вы не получили ранений?

Я, как мог, ощущал себя в тесноте расщелины. Во многих местах тело ломило.

— Ран нет, но ушибов много и болит голова.

— Где вы сейчас находитесь?

— На островке, недалеко от устья реки.

В этот момент сквозь мое укрепление протиснулась уродливая голова длиной почти в полметра и больно ухватила клювом за ногу.

— У-у! Проклятье!

— Что там у вас происходит?

Я ударил чудовище ножом в глаз.

— На меня нападают крылатые, я, кажется, попал как раз в место их гнездований.

— Они опасны?

— Ну вас к черту, мне некогда...

Я яростно боролся со своим противником. Мой нож был слишком слабым оружием против этой живучей твари. В конце концов, один из ударов достиг цели — животное забилося в судорогах, но я совсем обессилел. Снова забаррикадировав отверстие, я отполз в дальний угол и свалился в изнеможении.

— Они не очень опасны, но мне с ними не справиться, отсиживаюсь между камнями... выручайте...

Это было последнее, что я смог произнести и часа на два впал в забытие...

«Эльприс» добрался до острова, когда кислорода у меня почти не оставалось. Я смутно помню тот переполох, который внесли в царство крылатых люди, грохот выстрелов, пронзительные крики животных, шелест бесчисленных крыльев. Я выбрался наружу и, подхваченный Ланком и Дасаром, кое-как добрался до лодки. В памяти еще сохранилось журчание волн, склоненные надо мной лица, пульт управления и маслянистая влага гидроконтейнера. Дальше — провал, вмещающий в себя несколько суток. Конд рассказывал мне потом, что я нашел еще в себе силы указать ему разведанный мною путь к дельте Ракса.

* * *

Когда я окончательно пришел в себя и выбрался из гидроконтейнера, Кор, Конд, Дасар и Барм были снаружи. Меня встретили Ланк и Торн.

— Ну-ка, покажись, — сказал Торн, поворачивая меня к свету, — основательно тебя, однако, они разделали.

Он скрылся в соседнем отсеке и вскоре возвратился, нагруженный целым ворохом медикаментов.

— В первую очередь будешь принимать вот это, ясно?

Я сделал безразличный жест.

— Ланк, наложите ему на ушибы листер. А вы вытрите, — он кинул мне полотенце.

Я старательно снял с себя маслянистые капли раствора. Ланк хлопотал возле меня, накладывая на тело длинные и жгущие кожу ленты листера.

— Далеко мы поднялись по реке? — спросил я.

— Далеко, уже двести километров, повернись другим боком, вот так... — Ты не слышал, что Кор приказал? — спросил Ланк.

— Не слышал, откуда же... — ответил я.

— На тебя наложен штраф.

— Штраф? Какой штраф?

— Двести ти.

— Это за что?

— За то, что ты вылетел на разведку без оружия, — пояснил Торн.

— Двести ти! Иди ты к черту со своим листером, — я оттолкнул Ланка. — Где Кор?

— Сейчас его нет на корабле, все остальные снаружи.

Целый час я ждал возвращения Кора и, надо сказать, за это время основательно накалился. Едва участники вылазки сняли скафандры и разошлись по своим местам, как я бросился в центральный пост к Кору. По дороге мне попался Конд.

— Ан! Ты уже здесь? Значит здоров?

— Здоров, — буркнул я. — Кор у себя?

— У себя. Ты уже знаешь?

— Знаю.

— И хочешь с ним говорить? — Конд неодобрительно покачал головой.

— Хочу, как видишь.

— Брось, не стоит, я уже говорил.

— Ну и что?

— Мне это обошлось ровно в пятьдесят ти.

— А тебе-то за что?

— За то, что лез, по его мнению, не в свое дело.

— Все равно пойду, пусть попробует сказать, что двести ти не мои.

Кор встретил меня весьма дружелюбно, я даже не ожидал. Он лежал в защитном положении, отдыхая после вылазки. Услышав мои шаги, он открыл глаза.

— Мазор Антор! Наконец-то. Я давно ожидал вашего выхода из контейнера. Чувствуете себя нормально?

— Да, нормально.

— Цвет лица у вас еще нездоровый, — продолжал Кор, — болят ушибы? Вас осматривал мазор Торн?

Я решил сразу перевести разговор в нужное русло.

— Мазор литам Кор, я пришел к вам по другому вопросу.

Кор едва заметно кивнул головой и закрыл глаза.

— Я знаю, говорите.

— Мне сообщили, что вы наложили на меня штраф.

— Правильно. Это вас удивляет? — Хладнокровие у него было поразительное.

— Нет, — отчеканил я, — возмущает!

Кор приоткрыл глаза и окинул меня взглядом.

— Тем лучше.

Я остолбенел и не нашелся, что ему ответить.

— Тем лучше, — повторил он, — по крайней мере вы теперь не будете забывать о тех мелочах, от которых зависит благополучный исход экспедиции. У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Нет.

— Тогда отдыхайте, через три часа ваша вахта.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Мы двигались в глубь континента... Над нами было небо, то грозное и черное, изрезанное вспышками молний, то глубокое и чистое, слепящее прозрачной синевой. Проплывали мимо берега реки, окаймленные белым, как снег, песком, журчала за кормой вода. Буйные заросли деревьев, сплетаясь между собой ветвями, решительно наступали на берег или следовали за авангардом густо разросшегося кустарника. Временами и деревья и кусты отступали, освобождая место обширным полянам, покрытым ворсистым ковром густой зеленой травы, расцвеченным странными яркими растениями, над которыми вились бесчисленные рои насекомых. Одна красочная картина сменялась другой, еще более красочной. И вдруг недра земли поглощали зеленый покров, и тогда в солнечных лучах купалось царство минералов, не менее разнообразное и причудливое, чем отторгнутая ими органическая природа.

Нас окружал сказочный мир, заселенный животными-химерами. Никакая человеческая фантазия не способна создать полчища столь отвратительных чудовищ: ползающих, прыгающих, квакающих, летающих, ревущих и пожирающих друг друга. Животный мир — это ужас Арбинады. Мы поняли это слишком скоро и заплатили слишком дорого...

Корабль разрешалось покидать группами не менее двух человек. Специалисту, идущему на поиск, придавался как минимум один сопровождающий. Такими сопровождающими были — я, Конд и Ланк, а так как Кор никогда не отпускал одновременно обоих пилотов, то Ланку чаще других приходилось выходить из корабля. В условиях Арбинады, ее диких зарослей, болот и нагромождения скал удобнее всего было передвигаться по воздуху. Это было менее утомительно и значительно безопаснее. Те летающие драконы, которые доставили мне в свое время столько неприятностей, были сравнительно безопасны, да и обитали они вблизи морского побережья. Их сородичи,

населяющие леса в непосредственной близости от реки, хотя и летали огромными стаями, но были значительно меньших размеров и при нашем появлении в воздухе обычно исчезали. Главная опасность подстерегала нас в воде и на суше.

Чаще всего на поверхность Арбинады я выходил вместе с биологом. Не знаю, почему он избрал именно меня. Правда, я хорошо владею оружием. Может быть, поэтому Дасар предпочитал видеть меня рядом с собой, отправляясь на свои научные экскурсии.

Биолог оказался дотошным исследователем, и, сопровождая его, мне пришлось увидеть очень многое. И увидеть и узнать. Дасар — человек разговорчивый и свои мысли выражает часто вслух, поэтому волей или неволей я становился соучастником его деятельности и хранителем его мыслей. Мало-помалу я сам стал втягиваться в эту работу и, иногда высказывал соображения, которые он не отвергал, а, пробурчав что-то себе под нос, изрекал приблизительно такую фразу:

— Однако, Антор, ваши заболоченные космосом мозги еще способны на некоторую макроскопическую деятельность...

Это следовало воспринимать как высшую похвалу. По поводу других моих соображений он не скупился и на такие замечания.

— Я считаю, — говорил он, делая соответствующую паузу, — что первобытная протоплазма по части умозаключений могла бы успешно конкурировать с содержимым черепной коробки отдельных высокоорганизованных астролетчиков.

Я на него не обижался. С ним было тяжело, но интересно. Он глотал синзан чудовищными порциями и проявлял столько энергии, что вконец изматывал и себя и меня. После каждой вылазки мы по многу часов отмокали в гидроконтейнере, с тем чтобы в следующий раз снова взять от наших организмов все, на что они способны. Я следовал за ним повсюду: и в непроходимые чащи, где он вылавливал «интересных» насекомых, и в воду, где опасности, поджидающие нас, были особенно велики. Постепенно, благодаря собственным наблюдениям и его комментариям к тому, с чем нам приходилось сталкиваться, у меня стало складываться более терпимое отношение к животному миру Арбинады.

Часто он меня спрашивал:

— Вы знаете, Антор, где мы с вами сейчас находимся? Ну-ка, ответьте мне.

— Мы бродим по страницам книги, в которой природа лишь очень скупое повествует о том, на что она действительно способна, — отвечал я, припоминая его собственный ответ на заданный вопрос.

— Нет, уважаемый водитель межпланетных телег, вы ошибаетесь, — говорил он, — мы не бродим, а мы стоим и смотрим в колыбель младенца. Этот мир так еще юн! Он только-только открыл глаза, и впереди у него огромная жизнь. Запомните это. Когда вернемся на Церекс, так и рассказывайте, что вы были в гостях у новорожденного.

— Сколько же лет этому новорожденному?

— Сколько? Трудно сказать. Я полагаю, не менее пятисот миллионов раз обернулась Арбинада вокруг Солнца с тех пор, как на ней возникла жизнь, различимая невооруженным глазом.

Я мог бы припомнить множество подобных разговоров, они возникали по всякому поводу. Однажды биолог был чрезвычайно обрадован, поймав маленького юркого зверька, который отбивался от него с храбростью отчаяния, Я не сразу понял, что привлекло биолога в этом животном, на мой взгляд, поблизости находились куда более интересные объекты наблюдения. (Тогда я еще полагал, что научная ценность того или иного существа прямо пропорциональна объему его тела).

— Вот, Антор, смотрите, это представитель тех, кто сменит нынешних властелинов Арбинады!

— Этот карлик?

— Да!.. Ну, не этот, конечно, а его далекие потомки.

Я с недоверием перевел взгляд на разгуливающих неподалеку двух исполинов. Их морщинистая, покрытая буграми и наростами кожа обтягивала массивные тела не менее шести метров в длину. Головы этих животных, если считать вместе с широкими загривками, покрывающими непроницаемой броней шею и часть спины, составляли не менее трети общей длины тела и были украшены рогами; два из них росли около глаз и были длинными и острыми, а третий возвышался спереди на носу. Великаны неторопливо пережевывали стебли растений. Было в них что-то монументальное, вечное и неизменное, казалось, что они всегда жили и всегда будут жить на земле. Я поделился своими впечатлениями с Дасаром.

— Вот-вот! — воскликнул он. — Типичный пример того, как верное наблюдение приводит к неправильному выводу! Неизменное — сказали вы, правильно. Такому колоссу, как этот, уже трудно перестроиться. Эти, да и большинство других животных Арбинады, слишком далеко зашли по пути приспособления к существующим условиям. Но эти условия не вечны. Пройдет не так уж много времени (в геологическом смысле, конечно), и они изменятся. Перестроятся материки, климат станет холоднее или суше, и те особенности животных, которые делают их сейчас непобедимыми в борьбе за жизнь, окажутся для них губительными. Вы думаете, Антор... Кстати, осторожнее, не наступите на этот маленький холмик...

— Эту кочку?

— О жалкий придаток космической колымаги! — простонал биолог. — Воистину правильно говорят, что одним глаза даны для того, чтобы видеть, а другим — чтобы всегда оставаться слепыми. Это же целый город!

Я удивленно уставился на биолога.

— Да не на меня смотрите, а себе под ноги.

Я наклонился и только тогда разглядел, что эта кочка в действительности была маленьким искусственным сооружением. Оно представляло собой невысокий холмик, собранный из листьев и мелких веточек, земли и стеблей растений. Около него сновало множество странных шестиногих существ, куда-то спешащих, что-то тащивших, что-то

ищущих. Приглядевшись, я заметил, что временами два или несколько этих малозаметных арбинадцев выполняли работу сообща, может быть, несколько бестолково, но зато напористо и энергично. Мне удалось уловить некоторый порядок в их многообразной деятельности и даже увидеть чуть заметные тропинки, протоптанные многочисленными неутомимыми лапками.

— Это... люди? — спросил я, испугавшись собственного вопроса.

Биолог стоял рядом и наблюдал вместе со мной открывшуюся перед нами странную жизнь.

— Нет, Антор, не люди, — на этот раз Дасар обошелся без язвительного замечания, — впервые я их увидел дней шесть тому назад и, признаться, вначале подумал то же самое. Внешне эта колония действительно напоминает сообщество разумных существ, находящихся на низкой ступени развития. Но это не люди. Людьюми руководит разум, а ими слепой инстинкт. Но сама по себе коллективная деятельность насекомых явление чрезвычайно интересное и совершенно неизвестное на Церексе... Так... А теперь помогите мне справиться с этим зверьком.

— С будущим хозяином Арбинады?

— Да.

Я умертвил животное и по указанию Дасара сфотографировал и разделал его тушку, заключив отдельные органы в специальные капсулы. Биолог при этом восхищался разнообразием строения зубов, черепной коробкой и сердечно-сосудистой системой. Я никогда не был силен в анатомии и из всего, что он мне говорил, понял только то, что животное было теплокровным и млекопитающим. По его мнению, эти два фактора, да еще наличие более развитого мозга, дадут со временем величайшие преимущества таким животным над всеми остальными, ныне существующими.

— А люди здесь будут, литам Дасар? — спросил я, вспоминая мечту Юринги о людях другой планеты.

— Будут, — уверенно ответил биолог.

— Когда?

— Теперь скоро, я думаю, примерно через сто миллионов лет. Человечеству Церекса, к сожалению, придется общаться только с этими монстрами.

— А какими они будут, эти люди?

Биолог задумался.

— Трудно сказать, я знаю только одно, что это будут люди... Нам пора возвращаться, пилот.

Мы поднялись в воздух и полетели к кораблю. Я раздумывал над темой нашей беседы, в которой мы небрежно бросались миллионами лет, вершили судьбу живущих ныне и еще не появившихся животных, — и легкая грусть охватила меня. Печально было сознавать, что мы лишь случайные создания природы, возникшие по ее прихоти в вечном

круговороте движения, что нам на все отпущено мгновенье, на все наши переживания, на все наши радости и на все наши горести.

* * *

Когда «Эльприс» отошел на восемьсот километров от океана, река стала заметно сужаться. С борта корабля были видны теперь оба берега. Исчезли острова, течение ускорилося, появились отмели, неожиданно перегораживающие русло и оставляющие узкий проход то у того, то у другого берега. Продвигаться вперед стало труднее, требовалось больше внимания и осторожности.

В течение дня мы плыли обычно не более двух—трех часов, остальное время тратили на вылазки и на исследовательские работы. Вел корабль кто-нибудь из трех: либо я, либо Конд, либо сам Кор. Прошло уже тринадцать суток с момента высадки на Арбинаду, и непрерывная гнетущая тяжесть начала сказываться на нашем поведении. Однажды произошел скандал. Поводом для него послужила моя неосторожность, а причиной — излишняя раздражительность.

Я посадил корабль на мель и от толчка вылетел из кресла, больно ударившись грудью о пульт.

Едва я поднялся на ноги, как в центральный пост «влетел» взбешенный Кор.

— Болван! — прошипел он. — Безглазый чурбан, ты что не видишь, что ли?

Он доковылял до пульта и ткнул меня лицом в обзорный экран. Быть может, если бы на экране и в самом деле было что-нибудь видно, кроме спокойной поверхности воды, я бы промолчал, но тут не стерпел и тоже взорвался.

— Убери руки, начальствующий кретин! — заорал я, ощущая нарастающую во мне волну ярости, и, круто повернувшись, толкнул его в грудь.

Не знаю, мне кажется, я толкнул его не очень сильно, но, или он стоял неустойчиво, или мне помогла тяжесть Арбинады — Кор плашмя грохнулся на пол. Ярость действует как синзан. Он мгновенно поднялся на четвереньки и, извергая проклятия, устремился на меня. От удара в живот я не удержался на ногах и тоже свалился. Сейчас все это страшно вспоминать, настолько невероятной, дикой и неправдоподобной кажется возникшая тогда свалка. Мы отчаянно били друг друга, стараясь попасть в самые уязвимые места, забыв обо всем на свете, катаясь по полу и раздирая друг на друге одежду. То Кор оказывался наверху и тянулся руками к горлу, то я опрокидывал его и вкладывал в свои удары нечеловеческую злобу. Услышав шум и вопли, в центральном отсеке появились Дасар, Ланк и Торн. Трудно сказать, что они подумали, увидев эту сцену, но их приход не только не способствовал умиротворению, а лишь увеличил число действующих лиц в разыгравшемся спектакле.

— Тащите его в багажный отсек, — кричал Кор, продолжая выламывать мне руку. — Он посадил корабль на мель!

Ланк схватил меня за ногу и поволок к люку, ему помогали Торн и биолог. Я изловчился и другой ногой ударил биофизика в лицо. В ответ на это Торн пустил в ход футляр от лартометра, некстати подвернувшийся ему под руку. Сообща они самым

бесцеремонным образом вытащили меня из центрального отсека. Казалось, всех нас охватило буйное помешательство, мы потеряли всякую способность рассуждать здраво.

Когда меня волокли мимо гидроконтейнеров, я уцепился за рычаг спуска сислола. Находившийся в контейнере Конд выбрался наружу прежде, чем меня успели уволочь в другой отсек. Он никогда не раздумывал, следует или не следует идти на выручку товарищу. Решение он принял мгновенно и обрушился на моих противников. Силы сторон сразу уравнились, ибо Конд один стоил по меньшей мере двух—трех человек. Вскоре Торн, сраженный его мощным кулаком, лежал без сознания.

Не знаю, чем бы кончилось это побоище, если бы биолог не догадался пустить в ход аварийную систему корабля. Душераздирающий вопль сирены, способный разбудить и мертвого, наполнил помещения, с грохотом закрылись люки, замелькали яркие вспышки сигнальных ламп. Постепенно мы стали приходить в себя. Я с удивлением обнаружил, что лежу на полу, вцепившись зубами в плечо Ланка. Конд медленно разжал пальцы и выпустил загнанного в угол Кора. Тот тряхнул головой, как бы сбрасывая остатки нахлынувшего безумия, и медленно обвел нас всех глазами.

— Спасибо, Дасар, выключайте, — сказал он хриплым голосом. Отдышался, вытер с лица кровь и добавил: — И это люди?

Я поднялся на ноги. В этот момент сирены смолкли.

— Простите, мазор Кор, это моя вина...

Кор махнул рукой:

— Все хороши... я тоже. — Он застонал и опустился в кресло.

— Что с вами? — забеспокоился Конд, словно не он еще минуту назад сжимал Кора своими ручищами, оставив на его одежде маслянистые пятна сислола.

— Ничего... по сравнению с тем, что было, ерунда... А Торн? Вы его не убили, Конд?

Словно услышав, что речь идет о нем, биофизик открыл глаза и сделал попытку поднять голову. Над ним наклонился Дасар и влил ему в рот несколько капель отцоя. Лицо Торна перекосилось — я по своему опыту знал отвратительный вкус этого снадобья. Некоторое время мы молчали, угрюмо взирая друг на друга.

— Что же будем делать, литам Дасар? — снова заговорил Кор. — Ведь так можно погубить экспедицию.

Биолог молчал.

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Ученый-биолог, врач, черт возьми! — снова вспылil Кор.

— Кто же должен знать, если не вы?! Мне надо, чтобы программа была выполнена. Слышите!

Он угрожающе зашевелился в кресле, намереваясь выбраться из него.

— Спокойно! — Я положил руку на спину Кора.

— Что?! Опять вы? Какого дьявола!.. Уберите руки!.. Впрочем... впрочем, так больше нельзя.

Снова наступила тишина. Мы сидели кружком, избегая смотреть в глаза друг другу. Я пытался навести порядок в своей одежде.

— Нам нужно хотя бы три-четыре дня побыть при нормальной тяжести, — проговорил Дасар.

— Но это невозможно!

— Знаю.

— Почему же, — вставил Конд, набрасывая на обнаженное тело чей-то комбинезон, — мы можем взлететь и побыть в состоянии невесомости...

— Чтобы потом все начинать сначала? Кроме того, как мы взлетим? На реке это невозможно, вы же пилот и лучше меня должны понимать такие вещи.

С помощью биолога Торн окончательно пришел в себя и постепенно сообразил, о чем шла речь.

— Может быть, вернемся в океан, это быстро и...

— Вы полагаете на этом закончить работу экспедиции? — спросил биолог.

— Да, я полагаю, мы сделали...

— Нет! — решительно перебил его Кор. — Программа будет выполнена любой ценой! Пусть мы все тут изувечим друг друга. Кто-то один останется, и он доставит материал на Церекс.

Сказав это, Кор многозначительно посмотрел на Конда.

На некоторое время воцарилось молчание, которое нарушил биолог.

— Мы не испробовали еще одно средство, — произнес он.

— Что вы имеете в виду? — оживился Кор.

— Анабиоз, — коротко ответил биолог.

— Думаете, поможет?

— Не знаю, нужно попробовать. Хуже не будет.

— А как же корабль, управление, мы ведь сидим на мели? — спросил я.

— На мели? Тем лучше, по крайней мере никуда не денемся, только нужно будет все проверить и закрепиться. Я одобряю ваше предложение, мазор Дасар.

К Кору снова вернулись его воля и рассудительность. Мы сообщили на «Юл-3» о нашем решении и о прекращении связи на тридцать дней. Затем Конд и Ланк вышли на поверхность и прикрепили «Эльприс» тросами к береговым утесам. Это было надежной гарантией того, что нас не унесет в океан при неожиданном поднятии уровня реки, которое может быть при сильных и продолжительных ливнях. Я настроил систему анабиоза (вот уж никак не думал на Церексе, что она может здесь нам понадобиться). Дасар и Торн о чем-то оживленно спорили, перебирая наличный запас медикаментов. В конце концов они пришли к согласованному решению. Я дополнил сислोल в гидроконтейнерах до нормального уровня, примешав в него по указанию биолога три процента атлитории. После этого мы распрощались друг с другом, временно оставив тревожную и тяжелую жизнь на Арбинаде, уйдя от нее на тридцать суток в местном времяисчислении.

* * *

«Эльприс» перенес на поверхность планеты семь человек, а взлетело впоследствии в космос только четверо. Трое, чьи тела были рождены и вскормлены Церексом, — навсегда остались в чужом мире.

Первым ушел от нас Барм... Я плохо знал геолога, до экспедиции мы никогда не встречались, мало виделись и при подготовке к этому полету. Сейчас я уже не помню точно, когда именно настигла его смерть, день можно установить по дневнику экспедиции, только нужно ли? Важно то, что его не стало. Как это произошло, мы знаем по сбивчивым и путаным рассказам Ланка...

То, что чудовищные звери Арбинады не очень разборчивы в выборе своих жертв, мы узнали довольно скоро. Расхождение в мнениях, которое существовало по этому поводу у биолога и биофизика, разрешилось само собой еще во время нашего плаванья по океану. Для изучения подводной фауны были спущены с корабля две автоматические торпеды, снабженные киносъемочными аппаратами. Долгое время они оставались в зоне акустической системы «Эльприса». Поднять снова на борт нам удалось только одну торпеду, потерю второй мы отнесли сначала за счет порчи его навигационного оборудования. Однако, когда была просмотрена отснятая лента, нам открылось удивительное зрелище. Случайно объектив схватил момент гибели второй торпеды. Мы увидели, как огромное, извивающееся всем телом животное с короткими конечностями, прижатыми к брюху, устремилось к нашему исследовательскому снаряду и, открыв страшную, усаженную тысячами зубов пасть, без видных затруднений проглотило полуметровую металлическую сигару.

— Мм-да-а, — протянул только Кор, не найдя подходящих слов для выражения своих чувств. — Как вы думаете, Торн, ждут ли нас подобные встречи на суше?

Биофизик ничего не ответил и лишь неопределенно покачал головой.

— Оно пришло в океан с суши, — сказал биолог, с трудом ворочаясь в кресле. — Вы это заметили, литам Торн?

— Заметил. Только мне кажется, что на суше такие жить не способны. Лишь в океане, где вес тела не имеет большого значения, возможно появление подобных гигантов.

К сожалению, он ошибся, громадные хищники водились и на континенте. Ланк рассказывал, что, когда они с геологом, заложив взрывчатку, устанавливали сейсмическую аппаратуру, неожиданно из-за скалы выскочило громадное чудовище. Барм находился на открытом месте и был хорошо виден. Ланк закричал не своим голосом (это мы отлично слышали на корабле) и сделал несколько выстрелов. Но что значили эти хлопнушки для такого исполина! Хищник в несколько шагов настиг бросившегося бежать геолога... и все было кончено. Когда мы пришли на место происшествия, основательно вооруженные, то нашли лишь брошенные Бармом приборы и часть руки, откушенной острыми, словно кинжалы, зубами. Это все, что оставило нам чудовище. Биолог измерил следы. Шаг громадного хищника составлял три с половиной метра, он передвигался на двух ногах, волоча за собой длинный хвост. По описаниям Ланка, у него имелась еще пара совсем маленьких, словно недоразвитых передних конечностей. Этого ужасного хищника никто из нас больше не видел. Так нас стало шестеро.

Потом мы потеряли Ланка. Нелепая, случайная смерть: его не удалось пробудить от анабиоза. Думал ли он, погружаясь в контейнер, что от этого сна ему не суждено пробудиться? Так же, как и мы, закрывая усталые глаза и нажимая пусковую кнопку аппаратуры, он надеялся выйти оттуда обновленным. Ланк сам остановил свое сердце, но, увы, не на тридцать дней, а навсегда.

Он остался на вершине скалы, одиноко стоящей над берегом. Туда мы перенесли его на крыльях и расположили тело горизонтально, вырубив углубление в камне. Чужое небо опрокинулось над ним голубым куполом, чужие ветры свистят и поют незнакомые песни и цепкая чужая тяжесть держит свою жертву. Лишь время, одинаковое для всех, равнодушно шагает и мимо нас, живых, и мимо него — мертвого. Только какое значение имеет теперь для Ланка время?

* * *

Тридцатидневное пребывание в анабиозе вернуло нам утраченное было равновесие духа. Мы вновь обрели силы и стали чувствовать себя значительно лучше, почти хорошо, если можно так говорить о состоянии человека, преследуемого утроенной тяжестью собственного тела.

Простившись с Ланком, мы вернулись к нашим делам. «Эльприс» стоял на мели в том же положении, в каком был оставлен в памятный нам день, только уровень реки был чуть-чуть выше. Я и Конд собрали лебедку (до этого нам не приходилось ею пользоваться на Арбинаде) и, спустившись вместе с нею на лодке вниз по течению, привязали механизм к стволу большого дерева с широкими иглами вместо листьев и увешанного громадными шишками размером с голову взрослого человека. Когда лебедка заработала, натянулся трос, и корабль неохотно оставил свою многодневную стоянку на песчаной отмели. Мы вернулись на «Эльприс», включили двигатель, и вскоре одинокая скала, на которой покоился Ланк, навсегда скрылась из виду. Жизнь пошла своим чередом.

После гибели Барма и Ланка вылазки на поверхность стали предприниматься реже — биолог ограничил выдачу синзана, да и накопилось достаточное количество материалов, которые настоятельно требовали предварительной обработки. Кор покидал

корабль в исключительных случаях. Он проводил время за пультом, осуществляя, когда это было возможно, связь с Присом и хрисской станцией, копошился с приборами, что-то писал, что-то вычислял, подолгу просиживал в кресле, рассматривая ленты самописцев.

Конечный пункт нашего маршрута — озеро Орг приближалось. Мы располагали достаточно точными и подробными картами, заснятыми хрисской станцией. Но с расстояния триста восемьдесят тысяч километров не все можно разглядеть. Когда, по нашим расчетам, до озера оставалось не более однодневного перехода, неожиданное препятствие преградило путь. Спокойная и широкая река, служившая нам долгое время надежной дорогой в диком природном хаосе Арбинады, вдруг забурлила, вспенилась, обернулась разъяренной стихией. На нашем пути громоздились пороги.

«Эльприс» остановился. Все пятеро, мы собрались в центральном отсеке и смотрели на обзорный экран, охваченные странным чувством восхищения и уныния. Впереди, стиснутая высокими берегами, бесновалась река, вздымая фонтаны брызг и сотрясая воздух могучим ревом. Над пляшущими в беспорядке волнами, над быстрыми водоворотами и угрюмыми темными камнями, о которые разбивался грудью неукротимый поток, перекинулся зыбкий мостик многоцветной радуги.

Но, увы, величественная картина природы означала для нас крушение планов. Мы молчали. Беспокойные руки Конда вертели регулятор видеоискателя, то надвигая на нас стремительное движение волн, то заполняя четырехугольник экрана мирной панорамой дремлющей в солнечных лучах береговой растительности.

— Выключите звук, — приказал Кор. Посмотрел на нас и проговорил неопределенно: — Вот так... Да... Какие же будут мнения?

Никто не ответил ему, лишь Конд пробормотал как бы про себя:

— Красиво, ничего не скажешь!

Торн изобразил на своем лице жалкое подобие улыбки. Какие же могли быть мнения? Представлялся уже обратный путь к океану. Там, только там и возможен был взлет в космос! Но от океана нас отделяла вереница утомительных дней пути.

— Проклятье! Неужели мы не пройдем? — снова подал голос Конд. — И до озера осталось-то всего...

— «Эльприс» здесь не пройдет, — сказал Кор.

— По воде — да, вон ведь какие глыбы торчат... А что если?.. — Конд замолчал.

— Что вы хотите сказать?

— Может быть, над водой, а? По воздуху?

Вариант был слишком сомнительным, но Кор задумался. Я вспомнил, что на протяжении километров двух с половиной — трех река перед порогами не делала никаких поворотов. С минимальным запасом массы «Эльприс» мог взлететь на такой дистанции даже в условиях тяготения Арбинады. Но что было дальше, за каменистой грядой... Я поделился своими соображениями.

— Вот видите, Антор тоже, — обрадовался Конд. — У него глаз верный и чутье...

— Чутье... — фыркнул презрительно Кор, — это то, чему меньше всего следует доверять, нужны расчет и полная уверенность.

— Подсчитать можно, — вставил Торн, приподнимая отвисшую от тяжести губу.

Перспектива возвращения к океану никого не устраивала. Впереди было озеро и надежда в кратчайший срок завершить опасную и крайне тяжелую экспедицию.

— Нужно все как следует проверить, — резюмировал Кор.

Это был единственный случай, когда мы все покинули «Эльприс». Биолог и Кор поднялись в воздух и отправились на разведку за пороги. Они обследовали этот участок реки и выяснили, что корабль должен был сесть на воду не далее как в сорока — шестидесяти метрах за кипящими бурунами, чтобы иметь возможность погасить скорость и сделать поворот, следуя извилистому здесь руслу реки. Потом они пролетели до самого озера. Необходимо было убедиться в том, что впереди нет других подобных же препятствий, иначе мы могли оказаться в ловушке — взлет в обратном направлении был невозможен. Тем временем я, Конд и Торн тщательно вымеряли расстояние от возможного места разгона до предполагаемой точки взлета. Мы прошли этот путь на лодке и ни мелей, ни подводных скал не обнаружили. Пока все складывалось благоприятно. Окончательно судьбу предложения Конда должны были решить расчеты. Мы проделали их трижды. Рискнуть на этот прыжок оказалось возможным, имея десятипроцентное заполнение баков.

— М-да, — сказал Кор и внимательно посмотрел в лицо каждому из нас. — Теперь решайте, я — за. Вы, Торн?

— Тоже.

— Вы?

Биолог сделал утвердительный жест. Нас с Кондом можно было не спрашивать, если теория говорила можно, то в свое искусство мы верили.

— А кто поведет корабль?

Вопрос был серьезным. Мы с Кондом посмотрели друг на друга, потом на Кора, потом снова переглянулись.

— Кто же?

— Попробую я, — наконец предложил Конд.

По лицу Кора пробежала тень недоверия и исчезла.

— Что ж, согласен.

Вопрос был решен. Мы отвели «Эльприс» к месту старта и натянули вспомогательный трос, который должен был удерживать корабль на месте до момента развития двигателем необходимой тяги. После этого приступили к заполнению баков.

Операция заняла несколько часов, так как воду нужно было тщательно очистить от всех примесей. Наконец, все было готово, и по приказанию Кора мы залегли в гидроконтейнерах, чтобы отдохнуть перед решительной минутой.

Наш отдых затянулся. Вначале Кор решил, что трех часов слишком мало, а потом стало темнеть. Перелет был отложен до утра. Впрочем, это и к лучшему: за тот день мы действительно сильно устали и вряд ли Конд успешно справился бы со своей трудной задачей. Кор умел проявлять рассудительность и шел на риск только в том случае, когда действительно он был оправдан.

Утром биолог выдал Конду и мне почти полную дозу синзана. Я внимательно проверил двигатель, и, когда Кору уже не к чему было придраться, мы направились в центральный отсек. Конд настроил обзорный экран на режим естественной перспективы. Сбросив с себя лишние одежды, громадный и мускулистый, появился он у пульта, пробежал пальцами кнопки управления и занял место водителя. Усаживаясь рядом с ним, Кор зацепился поясом за рукоятку подъема спинки и никак не мог освободиться. Я молча помог ему и устроился в соседнем кресле.

— Ну! — нетерпеливо сказал Конд.

— Включай, — приказал Кор.

Я пустил двигатель. Конд, казалось, слился с пультом в одно целое. Вибрация увеличивалась, нарастал рев двигателя, корабль рвался вперед, до предела натягивая трос, державший «Эльприс» на месте.

— Пошел!

Я разъединил сцепление троса с корпусом и в тот же миг был отброшен на спинку кресла. Мы сорвались с места и понеслись по реке. Скорость стремительно нарастала, на экране навстречу нам мчалась сверкающая гладь воды, перегороженная оскаленными зубами порогов.

— Давай! — не выдержал Кор и неожиданно потянулся к Конду, с явным намерением вмешаться в управление.

Я резко ударил его по рукам.

Лицо Конда приняло зверское выражение, он напряженно смотрел вперед, каким-то десятым чувством ловя тот миг, когда следовало оторвать корабль от воды. Ничто для него не существовало, кроме рева двигателя, стремительно надвигающихся бурунов и летящего навстречу порогам корабля, неотделимой частью которого он стал. Еще секунда промедления, и мы неминуемо врезались бы в острые камни, но «Эльприс» поднялся в воздух и тяжело перевалил через преграду. Мы опустили, оставив пороги метрах в двадцати позади себя. Конд проделал весь этот сложный маневр с поразительной точностью и редким хладнокровием.

— Все! Больше не могу, дальше ведите сами, — проговорил он и в изнеможении откинулся на спинку кресла.

С момента отцепления троса и до выхода за поворот реки прошло не более десяти минут, но в эти минуты Конд выложился весь, до последнего нейрона.

Я взял управление в свои руки и повел «Эльприс» дальше. Снова по сторонам плыли живописные, незабываемые берега до тех пор, пока перед нами не открылась бескрайняя голубая равнина, — это было озеро Орг, конечная цель нашего долгого пути. Маршрут экспедиции, начавшийся за миллионы километров от Арбинады, завершился.

* * *

В озеро впадало несколько крупных рек и бесчисленное множество мелких. Большинство из них названий не имело, и мы именовали их так, как это каждому нравилось. Южный берег озера был крутой и высокий, северный — низкий, заболоченный, беспорядочно заросший деревьями и кустарником. Трудно было провести четкую границу между водой и сушей. Когда дул ветер, гладкая поверхность озера вспенивалась, покрывалась невысокими, но крутыми и яростными волнами. В этот период плавать по озеру было неприятно даже на таком большом корабле, как «Эльприс», и мы предпочитали отсиживаться в устье какой-нибудь реки, пережидая непогоду. К сожалению, непогода была здесь слишком частым явлением (Кор говорил, что нам не повезло: мы попали в сезон ветров), и наши заключительные исследования затянулись на более долгий срок, чем мы предполагали.

После гибели Барма его обязанности возложил на себя Торн, как более сведущий в геологии. Биологией и биофизикой занимался Дасар. Все остальное приходилось на долю Кора, но, насколько я понимал, он интересовался главным образом метеорологией и геофизикой. Мы с Кондом сопровождали исследователей и помогали им чем могли.

По-прежнему я чаще всего уходил на экскурсии с биологом. Большую часть времени мы проводили с ним под водой, здесь было не так утомительно — гидростатические силы снимали могучую тяжесть Арбинады, и мы нередко возвращались на корабль, когда в баллонах уже не оставалось запаса кислорода.

Странное дело, подводные обитатели безбоязненно подпускали нас совсем близко, нисколько не смущаясь присутствием невиданных животных. Иногда они сами подплывали к нам и, мучимые любопытством, взирали, выпучив круглые глаза, на диких существ, неизвестно каким образом вторгшихся в их владения. Казалось, не мы, а они были подлинными исследователями — так свободно и непринужденно они держались. Другое дело на суше. Те животные, что были помельче, предпочитали сторониться непонятные им бесхвостых двуногих, а более крупные, не проявляя признаков беспокойства, только угрожающе фыркали при нашем приближении. При встречах с хищниками мы поднимались в воздух.

Под водой, особенно вдали от берега, крупных хищников мы почти не встречали, а те, что нам попадались, были не так опасны, как морские чудовища. Пресные воды в этом отношении были значительно спокойнее, и я напрасно таскал за собой мощный импульсный излучатель, способный дробить громадные камни. Разнообразие животных форм, их размеры и фантастичность, казалось, совсем отучили нас удивляться чему бы то ни было, но однажды Арбинада преподнесла такой сюрприз, что мы долгое время не могли опомниться.

Проплывая под водой вдоль западного берега, причудливо изрезанного глубокими лагунами, дно которых устилали густые водоросли, я обратил внимание на какие-то, как мне тогда показалось, непонятные каменные столбы. Этих столбов я насчитал восемь.

Они стояли, опутанные стеблями растений, в непосредственной близости друг к другу. Я указал на них биологу, интересуясь, что он скажет по этому поводу.

Дасар, по-видимому не желая делать поспешных заключений (он всегда отличался обстоятельностью), подплыл поближе, и в эту минуту произошло то, чего мы меньше всего ожидали. Четыре из восьми столбов начали двигаться. Только тут я разглядел громадный хвост и спину, покатуя сзади и переходящую спереди в длинную шею. И без объяснений биолога я понял, что перед нами два исполинских живых существа. Я закричал и, бросив излучатель, изо всех сил помчался прочь от этого места. К чести своей должен сказать, что леденящий страх затмил мой разум ненадолго. Довольно скоро я понял, что животные не очень поворотливы и, самое главное, не агрессивны. Не берусь судить, что тогда пережил биолог, но, когда ко мне вернулась способность рассуждать, я обнаружил, что он тоже оказался на весьма почтительном расстоянии от гигантов.

— Где же ваше оружие, мой доблестный телохранитель? — прозвучал в наушниках голос Дасара. — Признаться, мне никогда не приходилось слышать столь исправно действующей глотки. Вы в конкурсах не участвовали?

Я ответил ему в том же духе:

— Видите ли, литам, если по части воплей я безусловно сильнейший из нас двоих, то в заплывах на короткие дистанции вы мне не уступаете.

— Ага, значит очухались? — сказал он удовлетворенно.

После этого мы более или менее спокойно стали рассматривать поразительных животных. Они были длиной метров по двадцать пять, причем хвост у них был массивный и сравнительно короткий, а шея вытягивалась вверх и скрывалась за поверхностью воды. Я отважился и вынырнул, увидев две непропорционально маленькие головы с бесцветными и невыразительными глазами. Головы возвышались над водой метра на полтора. Значит, общая высота животных была не менее двенадцати метров! На поверхности я задержался лишь настолько, сколько мне потребовалось, чтобы сделать несколько снимков. За это время животные ничего не успели сообразить — в их тупом взгляде не отразилось ни одного чувства, даже удивления. По-моему, эти гиганты вообще не способны что-либо думать, да и зачем это им, если пища у них под ногами, а нападать на них, полагаю, никто не отваживается.

— Готово! — крикнул я и нырнул на дно за излучателем. Дасар поспешно удалился от животных, но мы еще долго, находясь на почтительном расстоянии, наблюдали это великое чудо природы.

— Ну, Антор, возвратимся на корабль, — сказал наконец биолог, — я думаю, впечатлений у нас на сегодня более чем достаточно.

Мы не торопясь поплыли к устью реки, где стоял «Эльприс», невольно продолжая оглядываться, пока животные окончательно не скрылись из виду. Когда мы выбрались из лагуны и понеслись под бушующими волнами озера, Дасар спросил:

— Что скажет по этому поводу мужественный почитатель космической техники?

Он любил донимать меня разными вопросами. По-видимому, они нужны были ему самому для проверки собственных рассуждений. Я уже к этому привык и даже усвоил его шутливую манеру и сам отвечал ему в том же духе.

— Видите ли, литам, — сказал я, подражая тону своего собеседника, — мое поляризованное в технической плоскости мышление не имеет той глубины, которая свойственна высокоэрудированным представителям естественного направления, чья мысль свободно растекается по всем трем координатным осям.

— Отлично! — не унимался биолог. — Спроектируйте предмет обсуждения в так называемую плоскость вашего мышления. Так что вы скажете?

На слове «плоскость» он сделал ударение и выжидательно запыхтел в наушники. После встречи с гигантскими чудовищами у него поднялось настроение. Разговаривая, мы слишком приблизились к поверхности воды и, почувствовав болтанку, вновь опустили на глубину, где влияние волн ощущалось не так сильно.

— А что вы хотели бы от меня услышать?

— Ваше мнение об этих животных. Подумайте, ведь только двое из всех живущих в мире людей видели это чудо природы. Что же вы будете рассказывать остальным?

— Только то, что видел.

— Вот именно! Я и хотел бы услышать, что же вы видели?

В подобных вопросах биолога всегда скрывались подводные камни, и, несмотря на то что эти разговоры в большинстве своем велись в полусерьезном тоне, мне не очень хотелось предлагать для их основы зыбкую почву собственных умозаключений. Мои наблюдения, увы, чаще всего носили фотографический характер, схватывая явление как таковое, без проникновения во внутреннюю сущность и поэтому либо вообще не могли дать никаких выводов, либо выводы делались ошибочные. Общаясь с биологом, разговаривая с ним, я стал понимать, что на мир нельзя смотреть созерцательно, что воспринимать его нужно, используя — все богатство знаний и научного опыта. Тогда только и обнаружится его скрытая динамичность, проявится прошлое и будущее, и в поле зрения попадут те краски, без которых картина выглядит блекло и безжизненно.

Написав эти строки, я вспомнил один из первых наших разговоров с Дасаром, который произошел еще в период плавания по океану. Незадолго перед этим была взята проба воды и Дасар поместил каплю ее под микроскоп. Затем, подперев голову обеими руками, чтобы справиться с тяжестью Арбинады, прильнул к окуляру. Некоторое время он наблюдал, потом что-то измерял, что-то фотографировал. Наконец оторвался от прибора и огляделся по сторонам. Ему, наверное, хотелось поделиться своими наблюдениями, но никого, кроме меня, в этот момент рядом не оказалось.

— А, Антор, идите-ка сюда, — позвал он.

Я оторвался от своего дела (не помню уже, чем я тогда занимался) и нехотя перебрался к нему.

— Загляните сюда!

Я взглянул. Ничего особенного. Сходные картины я видел под микроскопом и на Церексе. Единственное отличие, которое бросилось в глаза, — присутствие огромного числа сравнительно крупных существ — белых шариков, утыканных щеткой тончайших игл.

— Ну что?

Я сделал неопределенный жест.

— Как!? Вы не заметили?

— Заметил, плавают.

— Что плавает?

— Микроорганизмы.

— Микроорганизмы! — воскликнул биолог. — Горы плавают, а не микроорганизмы. Эти мельчайшие существа — их миллионы, миллиарды! — эти маленькие шарики, назовем их альёсами, размножаются, гибнут, опускаются на дно и из своих крохотных известковых скелетов отлагают пласты, целые геологические формации! И кто знает, быть может, впоследствии люди назовут весь этот период существования Арбинады осадочным. Вот какая мощь кроется в этих микроорганизмах!

Что я мог ответить? Я даже не обратил внимания на то, в каком смысле употребил тогда биолог слово «люди», восприняв его обычным образом, будто речь идет о нас — церексинцах. Естественно, что, попав в неловкое положение в разговоре о мельчайших представителях фауны Арбинады, я опасался высказывать свои суждения о самых крупных ее обитателях. Но от биолога не так просто было отделаться.

— Так все же, что вы скажете, пилот? — повторил свой вопрос Дасар, подплывая ко мне поближе. — Жизнеспособны, по вашему мнению, эти исполины?

Ответ казался очевидным.

— Да, — наконец, ответил я, — что же может противостоять этим чудовищам?

— Вот именно, что?

— По-моему, ничего.

— Ничего! А сами они не могут стать своим собственным отрицанием? В первую очередь их желудок?

— Желудок? При чем тут желудок?

— Не догадываетесь? Очень просто! Размеры животных колоссальны. Такое количество мяса не легко содержать. Чтобы поддерживать жизнедеятельность, нашим чудовищам приходится жевать, жевать и жевать. Жевать целыми днями, без усталости, без перерывов, не занимаясь ничем другим. Их громадное тело — гигантская фабрика по переработке растительной пищи! А что же произойдет, если травы, водорослей — одним словом, всего того, чем они набивают свои желудки, вдруг не окажется или будет мало?

— Переберутся на новое место, — упрямо ответил я, уже чувствуя шаткость своих позиций.

— Вы думаете, им легко перебраться? Попробуйте такую неуклюжую тушу перетащить за сотни километров.

— В воде это не так страшно.

— Водоемы бывают замкнутые, но дело даже не в этом. Я говорю не об общем изменении климата, а о случайных, пусть и не очень больших засухах, которые губительны для таких исполинов. Поэтому даже здесь, на Арбинаде, где растительная пища в изобилии, эти животные встречаются, как мы, убедились, довольно редко, — надо думать, по той причине, что они подвержены всяким случайностям. Нам просто повезло, что мы натолкнулись на эту забавную игру природы. Вот кто действительно жизнеспособен и устойчив! — биолог указал на плавающую неподалеку рыбу, но в этот момент, словно желая опровергнуть его слова, с поверхности нырнула громадная птица, стремительно настигла «устойчивое образование» и, ловко подхватив рыбу своим усаженным многочисленными зубами клювом, вытащила ее из воды.

Я посмотрел на смущенное лицо Дасара и рассмеялся. Он, неопределенно хмыкнув, прекратил свои объяснения. Мы помчались к «Эльпрису» со всей скоростью, на какую были способны наши аппараты.

* * *

В моей памяти хранится галерея человеческих лиц. Стоит только закрыть глаза и немного сосредоточиться, как в глубине сознания возникает вначале смутный, а потом все более четкий образ того, кого я вновь по своему желанию возродил из прошлого.

Когда я пишу «Конд», передо мной возникает его крупное лицо, немного грубоватое, словно природе недосуг было заниматься окончательной отделкой. Особенно помнятся его глаза, посаженные столь глубоко, что, кажется, они могут смотреть только вперед, и улыбка, такая неподдельная и широкая, которой хватило бы на двадцать улыбок менее добродушных людей. Вот и сейчас я словно вижу, как он смотрит на меня и, заметив на лице моем печаль, говорит обычным своим низким голосом: «Что, дружище? Загрустил? Ерунда все это!»

А теперь он хмурится, словно понимая, что это не он сам, а лишь его бесплотное изображение, возникшее в моем сознании. Увы, Конда уже нет! Нет того, чьи сильные руки столько раз приходили мне на помощь, того, чье доброе сердце открывалось каждому, кто хотел видеть в нем товарища. Его не стало тогда, когда все уже, казалось, предвещало благополучный исход экспедиции. Члены экипажа были здоровы, корабль в исправности, необходимые материалы собраны, и даже Кор считал, что экспедиция выполнила свою задачу.

Мы начали готовиться к взлету. Баки «Эльприса» постепенно наполнялись дистиллятом, и тяжелеющий корабль все глубже оседал в воду. Беспокойные волны плескались почти у самого выходного люка, и Торн решил воспользоваться последней возможностью для вылазки. Сопровождать его вызвался Конд...

Я находился в большом отсеке, когда через него протащился Торн. В обязанности сопровождающих входила укладка скафандров, и отсутствие Конда меня не сразу беспокоило, — он должен был появиться с минуты на минуту. Я приготовил ему гидроконтейнер, в котором он обычно отдыхал после вылазки, и лишь тогда отправился к переходной камере. На полу валялся скафандр Торна, брошенный как попало. Рукава скафандра были разбросаны в стороны, те места, где помещаются ноги, неестественно подогнуты, ступни вывернуты, казалось, на полу лежит мертвое тело. Что-то зловещее было в положении небрежно брошенной защитной одежды. Охваченный неясным предчувствием, я бросился в центральный пост.

Торн, Кор и Дасар находились там. Я хорошо помню лица всех троих. Биолог был печален и угрюмо сидел, забившись в промежуток между пультом управления и вычислительным автоматом. У Торна был растерянный и виноватый вид, глаза его блуждали. Лицо Кора маскировалось обычным выражением напускной невозмутимости. Он взглянул на меня и спокойно (слишком спокойно!) сказал:

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Отвечаю. Пилот Конд погиб час назад. Мы ему уже ничем не можем помочь.

Я почувствовал, что ноги подгибаются и вот-вот перестанут поддерживать тело. Я ухватился рукой за крышку люка и, напрягая остатки сил, выровнялся; устремленные ко мне лица Кора, биолога и Торна расплывались и покачивались у меня перед глазами. Сквозь туманную пелену я видел, как Дасар открыл рот и губы его шевелились, он что-то говорил мне, я слышал звук его голоса, но что он произнес, так и не дошло до моего сознания.

— Где он? — наконец выдавил я из себя.

Биолог и Кор взглянули на Торна, я тоже в упор посмотрел на него, и мне показалось, что от этих устремленных на него взоров биофизик съежился и втянул голову в плечи.

— Где он? — повторил я свой вопрос и сделал неуверенный шаг к нему. Внезапно ко мне вернулись силы и в голове прояснилось. Внутренне я уже принял какое-то решение, которое еще сам пока не сознавал. Следующий шаг был твердым, я отпустил крышку люка и подошел к Торну. Тот испуганно шарахнулся от меня в сторону.

— Уберите его, — взвизгнул он, когда я вцепился ему в плечи.

Кор, опираясь на локти, сделал попытку подняться из кресла.

— Успокойтесь, пилот, — сказал он и встал на ноги, — мазор Дасар, примите меры, пилоту требуется медицинская помощь.

— К черту помощь! Где Конд? — Я обеими руками тряс биофизика, его голова на тонкой шее болталась из стороны в сторону, и он даже не делал никаких попыток освободиться от меня — лишь, широко открывая рот, беззвучно шевелил губами.

— Пилот Конд погиб у мыса Солта, — услышал я голос Кора, — и оставьте, пожалуйста, мазора Торна в покое, он не виноват.

— У мыса Солта, — повторил я и отпустил биофизика, — на южном берегу?

Я вспомнил это место. Однажды мне пришлось сопровождать туда Торна, его очень интересовало одно ущелье.

— Я пойду к нему.

— Зачем? Он мертв, и ваша помощь не нужна.

— Я перенесу его сюда.

— Для него безразлично, где он теперь находится, а вам я запрещаю выходить из корабля.

Кор был в какой-то мере прав, на его стороне была логика и забота об оставшихся в живых. В случае неожиданного несчастья со мной экспедиция оказывалась в тяжелом положении. Но какое мне было дело до логики и здравого смысла! Конд, мой единственный друг в этом враждебном мире, лежит теперь брошенный где-то среди скал Арбинады, забытый и оставленный только потому, что выполнению нашего последнего долга перед ним препятствовала логика! Все мое существо взбунтовалось против такой логики. Я чувствовал, что просто обязан сделать для него все, что от меня зависело. Именно я! Своими руками, не позволяя прикоснуться к нему чужим, равнодушным рукам. Он был моим товарищем, и это определяло все остальное. Я знал, Конд поступил бы точно так же, будь он на моем месте. Круто повернувшись, я направился к переходной камере.

— Пилот, стойте! — крикнул Кор.

Я не обращал на него внимания. Ноги несли меня сами, я шагал так, словно не существовало могучего тяготения Арбинады. Вот и переходная камера. Я отыскал свой скафандр и проверил наполнение баллонов. Потом выбрал крылья, те, которыми пользовался всегда. Попробовал механизм, чтобы удостовериться в исправности, и замер, заслышав шум шагов. Выглянув из люка, я увидел Кора и биофизика. Держась за стенки, они двигались ко мне.

— Подождите, — сказал Кор, — я пойду с вами.

— Я пойду один.

— Я запрещаю вам выходить одному.

Мне не хотелось никого видеть. Я захлопнул люк и, чтобы нельзя было открыть его с другой стороны, просунул в скобу сложенный вдвое интратор. Теперь мне никто не мог помешать. Кор долго стучал в наглухо закрытую крышку люка, пока не убедился в тщетности своих усилий, потом он мне что-то говорил, убеждая, приказывая, но я не слушал его, да и слов все равно невозможно было разобрать.

Наконец, я выбрался наружу и пустил двигатель. Крылья послушно подняли меня в воздух и понесли к мысу. Это был мой последний полет над Арбинадой. До заката еще оставалось много времени, но было сумрачно, по небу медленно ползли тяжелые, набухшие дождем тучи. Временами они опускались так низко, что окутывали меня сырым холодным покрывалом, и тогда прозрачный лицевой щиток заливали подвижные струи стекающей влаги. Напряженная и зловещая тишина окружала меня. Возбуждение прошло,

я решил связаться с «Эльприсом» и сообщить о себе, но никто не отзывался. Тогда, сам не зная зачем, я настроился на волну скафандра Конда, и вдруг мне почудилось, что я слышу едва уловимое дыхание.

— Конд!!! — закричал я. — Конд!

Дыхание стало различаться более явственно, потом слабый голос ответил:

— Э-э... — и оборвался.

— Конд! Отвечай! Ты жив?

В наушниках были слышны лишь невнятные хрипы. Я до предела увеличил мощность двигателя и, рассекая мягкую ткань облаков, устремился вперед, продолжая кричать и звать Конда. Вскоре показался мыс, его каменистые берега окаймляли белые хлопья пены, мрачные, неприступные утесы нависали над тяжелыми свинцового цвета волнами. Монолитная каменная стена разрывалась узкой расщелиной, далеко уходящий вглубь, — это было ущелье. Я уменьшил обороты и нырнул в его полумрак, летя по возможности ниже, почти задевая разбросанные по дну каменные глыбы, между которыми стремительно неся ревущий поток.

— Конд! Конд! — продолжал звать я. Он был где-то поблизости. Это я знал, так как хрипы в наушниках становились все громче и громче. И вдруг я услышал, как Конд выругался. На радостях я выписал в воздухе такую фигуру, что чуть не разбил себе голову о камни, едва успев сделать разворот в каком-то метре от покрытой зеленым налетом стены. И почти сразу после этого поворота я увидел его.

Конд лежал у самой воды. На шлем скафандра летели брызги от прыгающего между скал бурного потока. Руки Конда раскинулись так же беспомощно, как рукава скафандра, брошенного на полу Торном, а ноги и нижняя часть туловища не были видны — они скрылись под грудой камней. Я опустился около Конда, осторожно стер рукавом с лицевого щитка налетевшие брызги. Глаза у него были закрыты, рот перекошен гримасой нестерпимой боли. Я тихонько позвал его:

— Конд...

Веки у него дрогнули, медленно поднялись, глаза встретились с моими, но в его взгляде отражалась только боль. Конд не видел меня. Я покосился на груды камней, придавивших ему ноги. Даже под страхом смертной казни я не смог бы разобрать этот завал, но есть чувства неизмеримо более сильные, чем страх. Мне до сих пор непонятно, как я тогда справился с этой нечеловеческой работой. Конд застонал. Я бросился к нему и заглянул в лицо. Глаза его были открыты, теперь он видел меня.

— Антор... — шевельнулись его запекшиеся губы.

— Да, я здесь...

— Ан... не уходи... дай руку... вот так...

Он замолчал, даже дыхания не было слышно. Я посмотрел на ту часть тела Конда, которая только что была завалена камнями, и понял, у него теперь нет ног, материал скафандра в этом месте был неестественно плоским. Там под прочной тканью находилось

бесформенное месиво из мяса, крови и костей. Нужно было что-то срочно предпринимать... Я осторожно высвободил руку и почувствовал, как Конд сделал слабую попытку задержать ее в своей. Он был жив. Я увеличил подачу кислорода и под тканью его скафандра нащупал инъектор. Хрупкий прибор, к счастью, оказался цел. Непослушными руками мне кое-как удалось ему ввести дозу окта, затем я выдернул предохранитель КМ, — это все, что можно было сделать на месте. Препараты, по-видимому, оказали свое действие, Конд глубоко вздохнул, и я снова услышал его голос:

— Антор... ты здесь?

— Здесь, Конд, тебе лучше?

— Не знаю... кажется... Ты не уйдешь, Ан?

— Нет.

Я лихорадочно соображал, как мне доставить Конда на «Эльприс». Поднимут ли крылья нас двоих?

— Антор, а где остальные? Торн жив?

— Жив.

Если даже крылья поднимут, то мне не удержать его на руках.

— Я успел оттолкнуть его, Ан, он упал в воду, а камни на меня, его понес поток, я видел... Вы его вытащили?

— Вытащили.

Я подошел к большому камню, который на глаз был явно тяжелее Конда. «Болван, надо было идти сюда вместе с Кором, но я же думал...» Обхватив камень руками, я включил двигатель и почувствовал, как ноги отделяются от земли. Значит лететь вдвоем можно.

— Антор!.. Где же ты? Не уходи, ты уходишь!..

— Нет, Конд, мы сейчас вместе полетим на корабль.

Я подсел к нему и взял его руки. «Как же быть, чем привязать его?» Дыхание Конда опять сделалось слабым, и он уже не говорил, а шептал:

— Антор... не надо на корабль... я знаю... это все... я останусь на... Арбинаде... как Скар... здесь будет много наших...

— Не говори ерунды, мы полетим вместе...

— Нет, дружище, ты... ты... ты слушаешь меня?

— Слушаю, Конд, — ответил я и тут заметил длинный гибкий стебель, висящий высоко над моей головой.

— Ты, может быть, вернешься на Церекс... там... у меня есть сын...

— У тебя сын? — повторил я и подумал: «Надо будет срезать этот стебель, может быть, он выдержит».

— Да, сын... я знаю, у тебя с Юрингой не будет сына... так позаботьтесь о моем... ты обещаешь?

— Обещаю, — я наклонился над Кондом и посмотрел в его бледное лицо. Он, наверное, потерял много крови. Губы его продолжали шевелиться:

— Он живет в Эрзхе... зовут Элс... генетический знак его... ты найдешь его среди моих вещей.

— Хорошо, Конд, я сделаю все, если тебя не станет, а сейчас потерпи...

Я чувствовал, что силы начинают оставлять меня, движения сделались вялыми, а тело непомерно тяжелым. Нужно было спешить. Никто не мог прийти на помощь, всех остальных я запер внутри корабля. Я поднялся на крыльях и срезал стебель под корень, мысленно поблагодарив природу Арбинады за то, что она создала такие растения. Потом спустился вниз, подsunул под Конда одно из уцелевших его крыльев, так что он оказался лежащим как бы на доске, и с помощью гибкого растения привязал его к себе. Не знаю, как нам удалось подняться, аппарат не был приспособлен к взлету в таких условиях.

Дальше мои воспоминания носят отрывочный характер. Мы летели медленно. Я все время что-то говорил Конду. Иногда он отвечал. Под нами плескались волны, и казалось, им нет ни конца ни края. Помню, мне удалось связаться с кораблем, и я сообщил Кору, что Конд тяжело ранен и чтобы они приготовились к операции. Мне ответили, что ждут. Кор добавил несколько угроз, но я не обратил на них никакого внимания. Меня одолевала только одна забота — скорее доставить Конда на корабль, а дальше я надеялся на искусство Дасара. Не знаю даже, нашел ли я «Эльприс» сразу или долго летал над озером в плотных струях льющегося дождя. Не знаю, как мне удалось втащить Конда в переходную камеру, как я выбрался в отсек и снял свой импровизированный затвор с крышки люка. Последнее, на что у меня еще хватило тогда сил, — это ударить в лицо Торна. Потом меня подхватили руки Кора и биолога и всунули в гидроконтeйнер.

* * *

Спасти Конда не удалось. Помощь пришла слишком поздно. Он умер во время операции. Я потерял друга, но приобрел сына. Боюсь, что это не одно и то же. Сыновьям до нас значительно меньше дела, чем друзьям. Тело Конда заключили в капсулу и вынесли на поверхность, расположив на скале, так же, как это сделали с Ланком. Я не присутствовал при этом, меня двое суток держали в гидроконтeйнере. И лишь перед самым отлетом я вышел взглянуть на него. Дасар сопровождал меня.

Светило солнце, искрясь на гладкой поверхности прозрачной капсулы. Освещенный яркими лучами, внутри лежал Конд, завернутый в мягкую ткань. Руки его были свободны, а лицо спокойно. Вглядываясь в застывшие черты, я думал о том, куда же деваются мысли умершего человека, целый мир чувств. Мне казалось, что они не могут исчезнуть бесследно и переходят к другим людям, к оставшимся друзьям, поселяясь в их сознании и продолжая там жить прежней жизнью. Позже я ловил себя на том, что временами думал и поступал так, как в свое время думал и поступал Конд.

Минут двадцать стояли мы у капсулы и потом пошли обратно. Когда снимали скафандры, биолог положил мне руки на плечо и молча заглянул в глаза: в его взгляде было что-то новое, каким-то теплом повеяло от него. Я впервые понял, что он давно уже стал моим старшим товарищем, а не просто специалистом, которого я часто сопровождал в вылазках.

Гибель Конда словно подала знак целому потоку неожиданных событий. Мы потеряли связь с «Юл-3» — его не оказалось на стационарной орбите. Не отвечала и хрисская станция. Кор нервничал, мы, удрученные, бродили по кораблю. Потом Лост ответил. Оказалось, произошло следующее.

В районе хрисской станции началась вулканическая деятельность. Потоки уничтожили помещение станции, при этом трое ее работников погибли. Они успели связаться с Лостом и запросили помощи. Все остальные выбрались на поверхность Хриса и с надеждой смотрели в сторону Арбинады: только оттуда могло прийти их спасение. Лост долго не раздумывал. По каким-то причинам связь с «Эльприсом» оказалась невозможной, а терять время было нельзя. Он решил взять ответственность на себя и повел «Юл-3» на Хрис. Громадный корабль, явно не приспособленный к посадке на планеты и их крупные спутники, опустился неудачно. Сильный удар о камни хвостовой частью вывел двигатели из строя, и обратный взлет был невозможен, однако цель достигнута — люди спасены.

Получив это сообщение, Кор мрачно посмотрел на приемник связи, но своего неудовольствия вслух не выразил: слишком хорошо читалось на лице Дасара и моем одобрение поступка Лоста. Космос — не Церекс, здесь действуют свои законы, и Кор начинал это понимать.

Наше положение сильно осложнилось. «Эльприс» не мог самостоятельно следовать на Церекс. Слишком мал был запас кислорода и продовольствия. По той же самой причине мы не могли ждать помощи на какой-нибудь орбите около Арбинады. Оставалась единственная возможность — полет на Хрис, там, на искалеченном «Юл-3», где имелись большие запасы всего необходимого, мы могли продержаться достаточно долго, чтобы дожидаться спасательного корабля с Церекса.

Это было ясно всем, но осуществление намеченного плана было связано с известными трудностями. «Эльприс» конструировался для взлета с планеты на орбитальный корабль, но не на Хрис, лишенный атмосферы и имеющий заметный гравитационный потенциал. Для того чтобы осуществить такой маневр, необходимо было сильно облегчить корабль. Мы принялись за работу. Были разобраны и выброшены гидроконтейнеры и анабиозные камеры. После того как баки корабля наполнились, та же участь постигла часть вспомогательных механизмов и дистилляционные аппараты. Мы оставили на Арбинаде много инструментов, почти все приборы, которые не нужны были для вождения корабля, и даже некоторые образцы, главным образом минералы. Меня угнетала мысль, что Кор в глубине души был рад тому, что нас осталось только четверо, что с нами уже не было Барма, Ланка и Конда — не было «лишнего» груза. За одно это я его ненавидел.

Наконец, мы установили, что вес корабля достиг нужной величины. Теперь все было готово к перелету на Хрис. Старт был назначен на двадцать четвертый день Этра, и, таким образом, в общей сложности мы пробыли на Арбинаде, считая время, проведенное в анабиозе, шестьдесят семь суток и четырнадцать часов.

День отлета выдался тихим. Коварная Арбинада провожала нас ласково, словно знала, что она еще успеет отомстить тем, кто без разрешения вторгся в ее просторы. Бездонная синева неба не оживлялась ни одним облачком. Мы видели его таким чистым впервые за все время нашего пребывания там. Недвижим был воздух и спокойная гладь воды. Она едва приметно искривлялась плавными, словно отполированными, волнами, лениво наползавшими из-за невидимого горизонта, который скрывался в туманном мареве. Неистовствовало только солнце. Его слепящие лучи пронизывали пространство, неслышно ударялись о воду и рассыпались мириадами колючих искр. Все замерло. Суша, вода и воздух прятали своих уродливых обитателей, как будто не желая осквернять красоту дремлющей природы.

Мы последний раз приняли синзан и заняли свои места. Я сидел у пульта управления рядом с Кором. Кресло Конда оставалось пустым. В последнюю минуту внутри у меня все сжалось от щемящей боли расставания с тем миром, который потребовал от нас нечеловеческого напряжения сил и столько жертв.

Рывкнул двигатель. Над замершей поверхностью озера пронесся грохот. Огромная сила придавила нас, и громадный корабль, разрывая грудью неподвижную массу воды, устремился вперед. Через несколько секунд он уже скользил по самой ее поверхности, потом оторвался и, опираясь на крылья, поднялся в воздух.

Мы сделали двадцать шесть оборотов вокруг Арбинады, прежде чем взять курс на Хрис. Первые пятнадцать нам понадобились на то, чтобы окончательно прийти в себя, следующие четыре для завершения исследования, которое затеял Кор, а оставшиеся три были выжидательными.

Перелет на Хрис не был ничем примечателен, подобных в моей жизни насчитывалось более чем достаточно, и нет надобности на этом останавливаться. Несмотря на все мои старания, мы опустились не рядом, а лишь в сорока километрах от «Юл-3». Корабль коснулся поверхности Хриса так осторожно, что мы даже не почувствовали толчка, и двигатель смолк в тот самый момент, когда в испарительную камеру из баков вылился последний литр воды. Но это я отмечаю здесь уже так, попутно, всегда приятно вспомнить безукоризненно выполненное дело.

* * *

Мы выбрались на поверхность Хриса тяжело нагруженные. Но что значила эта тяжесть по сравнению с тем, что пришлось испытать на Арбинаде! Тело стало легким и послушным, шаги крупными, а настроение бодрым. Груз тяготил не своим весом, а размерами — его просто неудобно было нести. От «Юл-3» нас отделяло сорок километров — но это по прямой. Значит, нам предстояло пройти пешком километров пятьдесят. Пятьдесят километров с грузом на плечах по выщербленной и неровной поверхности Хриса, под жгучими лучами беспощадного солнца!

Двигались цепочкой один за другим. Я шел первым, за мной следовал Дасар, потом Торн, и замыкал шествие Кор. Безмолвие окружало нас. Беззвучно становились на камни подбитые металлом ботинки, неслышно шагали рядом черные тени, причудливо изламываясь на неровностях грунта. Мы обходили трещины, взбирались на крутые склоны, прыгали с уступов, иногда падали, поднимались и шли дальше, почти не разговаривая, думая каждый о чем-то своем.

Мы шли. Шли, увлекаемые желанием скорее добраться до орбитального корабля, где нас ждали люди, где нам виделся конец слишком затянувшихся странствий.

На половине пути сделали привал. Высокая скала загрозила нас от солнца. В ее тени была ровная площадка, словно большое блюдо, до краев засыпанное пылью. Биолог осторожно поставил туда ногу, и в слабом сиянии отраженного света я увидел, как она погрузилась в пыль почти по колено.

Оставив свой груз на краю этой площадки, мы, словно в мягкую постель, улеглись в пыль. Над нами горели яркие звезды. Хорошо было лежать и смотреть в небо, видеть знакомый рисунок звезд и, припав к мундштуку термоса, сосать освежающую питательную жидкость. Видна была и Арбинада. Гигантским полушарием висела она в черном небе, цепляясь одним краем за вершину соседней скалы. Не верилось, что мы побывали там. Не верилось, что этот голубоватый диск, льющий на нас приветливый мягкий свет, на самом деле — громадный, прекрасный и жестокий мир, — мир, живущий своей собственной жизнью, развивающийся по своим законам.

Я смотрел на него через пространство и, казалось, видел сквозь толщу облаков пройденные нами места. Вот безбрежная гладь океана, куда мы опустились, вот место нашей вынужденной стоянки. Потом промелькнула дельта реки, где я был атакован летающими чудовищами. Я вновь переживал уже пережитое, боролся с трудностями, которые остались позади, снова терял то, что было уже потеряно...

— Пора двигаться дальше, — сказал Кор, прервав мои воспоминания.

Не торопясь, мы разобрали свою поклажу. Я снова встал впереди и, проверив направление, зашагал в сторону корабля. Непривычно близкая линия горизонта ограничивала кругозор, дальше начинался черный купол неба, посеребренный звездами. Между горизонтом и нами расстилалась однообразная серо-черная поверхность, исковерканная нагромождениями камней. Таков Хрис, унылый сосед великолепной Арбинады.

В километре от корабля нас встретили люди. Люди! Как хорошо видеть людей! У нас забрали поклажу, нас тормозили, о чем-то спрашивали, поздравляли. За прозрачными щитками скафандров сияли улыбки, руки друзей подхватили наши усталые тела и понесли к раскрытым люкам корабля. Наконец, мы сняли пропитанные потом скафандры и, приведя себя в порядок, выбрались в коридор.

Усталое лицо Кора вдруг оживилось. Я не сразу понял в чем дело и, только посмотрев труда, куда был устремлен его взгляд, разглядел за спинами Лоста и Зирна хрупкую женскую фигуру. Меня поразили ее огромные выразительные глаза, которые светились силой и решимостью.

— Мазра Эсса! — сдержанно воскликнул Кор. — Вы тоже здесь?

— Здесь, как видите.

— Рад вас видеть. Вы зайдете ко мне?

— Когда?

Голос у нее был низкий и немножко хриплый.

— Когда? Да когда вам будет угодно, если можете, то сегодня.

— Хорошо. — Она была немногословна.

Я вспомнил Юрингу и мысленно позавидовал Кору. «Везет же таким», — мелькнуло в голове. Однако, как вскоре выяснилось, их взаимоотношения были вовсе не такими, как я себе представлял.

Нам выделили отдельные кабины. Меня поместили в той, где когда-то мы располагались с Кондом. Я и сейчас пишу в ней. Я зашел в просторное помещение и закрыл иллюминатор. Мне был неприятен тот сероватый отсвет, который посылала поверхность Хриса. Включил свет, — стены раздвинулись еще шире и стало неуютно. Тогда я зажег настольный плафон. В его освещении пустота кабины скрадывалась, по углам залегли черные тени, но они как-то успокаивали. Я бесцельно порылся в ящиках, перебирая вещи, к которым давно не притрагивался. Среди них обнаружил небольшой металлический футляр, генетический знак Элса, завещанный мне Кондом. Я переложил его в карман, словно в ящике он мог затеряться, и только тогда, окончательно успокоившись, лег отдохнуть.

Дремота быстро заволакивала сознание, но неожиданные голоса, вторгшиеся в тишину кабины, не дали уснуть. Я не сразу сообразил, кому принадлежат эти голоса и откуда они доносятся, но слышались они ясно, словно разговаривали совсем рядом. Подняв голову и недовольно посмотрев по сторонам, я увидел динамик внутренней связи. Кто-то, еще до моего поселения здесь, соединился с другой кабиной и забыл выключить связь. И вот мне невольно пришлось подслушать разговор Кора с Эссой. Он оказался интересным.

— Я здесь, мазор литам Кор, как вы просили. Что вы хотели сообщить мне?

Кор некоторое время молчал, не знаю по каким причинам, думаю, что он просто смотрел на Эссу.

— Сообщить я вам ничего не хотел, мазра Эсса, — наконец произнес он. — Я просто хотел вас видеть, мы уже давно не встречались. Не правда ли?

— Давно, вы правы, прошло уже четыре с половиной года.

— О! Вы даже помните, когда мы виделись последний раз. Могу ли я тогда считать, что вы рады нашей неожиданной встрече?

— Вы хотите, чтобы я вам сказала правду?

— Конечно!

— В таком случае, считайте, что у меня просто хорошая память.

Последовала новая пауза. Потом Кор сказал каким-то незнакомым голосом:

— Что ж, спасибо за прямоту, Эсса. Я думал... впрочем, теперь это неважно, что я думал... Вы свободны, мазра, идите.

Последнюю фразу Кор произнес, как обычно, с теми металлическими интонациями, которые ему свойственны. Эсса ничего не ответила, лишь слышались ее легкие шаги. Видимо, у порога она остановилась.

— Простите, литам Кор, — раздался снова ее голос, — но из-за тех виражей, с которыми протекал наш разговор, я едва не упустила главное.

— Да? Что же для вас главное?

— Я хотела поблагодарить вас, от себя и своих товарищей... Совершенно искренне.

— Это за что же? — Чувствовалось, что Кор был неподдельно удивлен.

— За наше спасение. Зная ваши настроения, я никак не думала, что вы отдадите приказ мазору Лосту опуститься на Хрис. Извините меня, пожалуйста, я понимаю, нехорошо приносить благодарность и одновременно высказывать сомнения относительно вашего благородства, но я знаю: вы любите правду, и поэтому говорю так. Тем более я рада, что ошиблась, рада не только за себя, но и за вас и готова верить... — Она на секунду замолчала и прервала свою фразу неожиданным вопросом:

— Скажите, мазор Кор, вы знали, что я на Хрисе?

— Нет, не знал, — сказал он.

— ...И поэтому готова верить, — продолжала Эсса, — что теперь мы лучше могли бы понять друг друга, чем в то время, о котором вы сегодня вспомнили. Только прошу, литам, не ищите в моих словах больше, чем я хотела сказать. До свидания, литам.

Послышался стук открываемой двери, и одновременно раздался голос Кора:

— Пойдите, мазра!

Снова стукнула дверь, но теперь она, по-видимому, закрылась.

— Слушаю вас, Кор.

— Позвольте ответить вам так же откровенно. Я не приказывал Лосту опуститься на Хрис, он принял это решение самостоятельно. Связь с «Эльприсом» была тогда нарушена. Право, я не вижу здесь ничего заслуживающего благодарности, — он поступил правильно. Это первое. Второе, для меня не ясно, при чем здесь мои прежние убеждения? Кстати сказать, они не изменились, и ваши рассуждения о моем благородстве, как вы его понимаете, в таком случае кажутся просто неуместными.

— Ах вот как! — воскликнула Эсса. — Так вы ничего не знали?

— Как видите.

Несколько мгновений оба молчали.

— Тогда, судя по вашим высказываниям, вы и сейчас знаете еще не все.

— Весьма вероятно. Может быть, вы расширите мой кругозор?

— В голосе Кора звучала горькая насмешка.

— Я сяду, — сказала Эсса.

— Пожалуйста. Извините, что я сразу не предложил вам.

— Скажите, пожалуйста, мазор Кор, вас не удивляет мое присутствие на Хрисе?

— Меня вообще ничто не удивляет. Мне оно просто непонятно. Насколько я помню, ваша специальность не имеет ничего общего с полетами на другие планеты.

— Совершенно верно, ничего общего. У вас тоже неплохая память.

— Но за четыре года специальность могла перемениться...

— Она не переменилась, так же как не переменились мои убеждения. Это вам разъясняет что-нибудь?

— Нет.

Послышался звук шагов Кора, он, вероятно, ходил по кругу, так как ритм движения ни на секунду не прерывался.

— В таком случае вы действительно многого не знаете. Может быть, вы сядете, мне не очень удобно разговаривать, когда вы все время переходите с места на место.

Раздался звук отодвигаемого стула.

— Ну-с!?

— Скажите, мазор литам, вы который раз в космосе?

— Четвертый, но какое это имеет значение?

— А вы знаете, кто работает на Хрисе и Ароле?

— Имен, разумеется, не знаю, но полагаю, что специалисты своего дела.

— Не только специалисты, или точнее, не все сюда прибыли уже готовыми специалистами в нужной области.

Я много раз бывал в космосе, однако слова Эссы меня заинтересовали: до сих пор я думал, что работники хрисской станции, как и других станций, были людьми, прибывшими сюда по контракту, на определенный срок. Однако Эсса открыла мне неожиданную правду.

— Многих, и меня в том числе, — продолжала она, — на Хрис привела ссылка.

— Ссылка?! — воскликнул Кор.

— Да, ссылка, вы не ослышались, пожизненная ссылка! С людьми, подобными мне и моим товарищам, кто имеет свою точку зрения на справедливость существующих порядков, правительство расправляется двумя способами. Нас или высылают сюда...

— Или?..

— Или уничтожают, — спокойно закончила Эсса. Я услышал, как Кор снова заходил по кабине, да и я сам не смог сдержать волнения, сел на койку.

— И вы давно здесь?

— Почти три года. Это совсем немного... Старожил у нас Онс, вы с ним еще не знакомы, он пробыл здесь уже пятнадцать лет. Как видите, все продумано! Отсюда не убежишь, посвящать в свои сомнения некого, остается одно — работать. В этом спасение. Иначе безжизненный мир и чужие небеса лишат тебя рассудка.

Поневоле приходится приобретать новые специальности. Вот так, мазор литам Кор, все очень рационально. Даже такой убежденный рационалист, как вы, не придумал бы для нас лучшего применения...

— Оставьте это, Эсса. — Кор остановился и, по-видимому, снова сел.

— Можно вам задать еще один вопрос? — спросила Эсса.

— Да, спрашивайте...

— Скажите, Кор, если бы вы знали обо всем, что я вам сейчас рассказала, дали бы вы приказ Лосту опуститься на Хрис?

Кор молчал.

— Вы не хотите отвечать?

Молчание.

— Да или нет?

— Если бы я знал, что вы здесь, — с расстановкой проговорил Кор, — то такой приказ был бы отдан.

— Только при этом условии?

— Да.

С грохотом отодвинулся стул. Я представил себе, как порывисто встала Эсса.

— Я могу быть свободной?

— Вы всегда были свободны в своих поступках.

— Прощайте.

Звонко застучали твердые шаги по гладкому полу кабины, потом хлопнула дверь и стало тихо.

Я сидел на койке, свесив ноги и опершись на руки. Глаза мои были устремлены к динамике. Он молчал. Но в голове пробудился целый рой мыслей, новых, неожиданных, которые раньше никогда не посещали меня.

* * *

Томительно потянулись дни ожидания. Корабль с Церекса, как это было ясно из полученного нами сообщения, должен вылететь приблизительно через месяц. К этому следовало добавить продолжительность пути, — одним словом, до его прилета оставалось еще очень много времени. Вынужденное безделье вначале угнетало меня. Слишком напряженными, насыщенными были дни, проведенные на Арбинаде, чтобы так просто и сразу можно было утратить потребность в непрерывной деятельности. В поисках занятий я дважды сходил к «Эльпрису» и перенес на орбитальный корабль часть экспонатов, которые мы не могли захватить сразу. Теперь пилот не был нужен экспедиции, и Кор относился к моим отлучкам совершенно равнодушно. Первый раз в этом переходе меня сопровождал Млан, во второй — Мэрс, инженер хрисской станции.

Мэрс сам вызвался идти со мной. После того как я ему передал письмо Юрда, между нами установилась некоторая близость. При встречах мы искренне улыбались друг другу и охотно обменивались несколькими фразами. О письме, впрочем, не было сказано ни слова. Мэрс молчал, а я ни о чем не спрашивал, угадывая внутренним чутьем, что спрашивать не имею права. Запомнив слово в слово разговор Кора с Эссой, я и так догадался, какого рода корреспонденция посылалась Юрдом.

Предложение Мэрса сопровождать меня я принял очень охотно. Пускаться одному в стокилометровый переход по Хрису было довольно тоскливо, да и несколько рискованно, но повторять поход в обществе Млана мне не хотелось — он утомил меня своей болтовней значительно сильнее, чем груз, который мы несли на плечах.

По дороге к планетарной ракете я узнал от Мэрса подробности хрисской катастрофы. Он описал все настолько образно и красочно, что я сам как бы стал свидетелем трагических событий. Он говорил, а я видел, как от внутренних толчков содрогалась поверхность Хриса и раскаленные потоки лавы неумолимо ползли на помещения станции, уничтожая единственное убежище человека в чужом ему мире, видел, как гибли люди, задыхаясь от недостатка кислорода, как они с надеждой вглядывались в черное небо, ожидая орбитального корабля, как их, обессиленных и полуживых, выхаживал Лост, и мне снова припомнился разговор Эссы с Кором. Разумеется, я ничего не сказал об этом своему попутчику и только спросил:

— Скажите, Мэрс, кем вы были там, на Церексе?

— Как кем?

— Ну что вы делали, кем работали?

— Ах в этом смысле... — Он замолчал и, только сделав несколько шагов, повернулся ко мне. Сквозь прозрачный щиток шлема я разглядел его несколько смущенное лицо.

— Видите ли, — ответил, наконец, Мэрс, — на Церексе я был ботаником.

— Ботаником? — удивился я. — Странно...

После посещения Арбинады мне страстно захотелось узнать как можно больше о своей родной планете, особенно о тех сторонах ее жизни, которые раньше ускользали от моего внимания. Мэрс, конечно, знал их достаточно хорошо, и я, не решаясь спрашивать прямо, задумал постепенно втянуть его в нужный разговор.

— Каким же образом вы тогда оказались здесь? Ведь на Хрисе, насколько мне известно, ничего не растет.

— Да, на Хрисе, к сожалению, ничего не растет, — задумчиво ответил Мэрс и с тоской посмотрел на опаленные солнцем камни. — А что касается моего пребывания здесь, то это, Антор, один из таких поворотов судьбы, от которых никто не гарантирован.

Я усмехнулся.

— Вы, Мэрс, мало похожи на человека, которым судьба распоряжается, как ей хочется. Вы чем-то напоминаете мне Конда, он не любил полагаться на судьбу, предпочитал все устраивать сам.

— Кто это Конд? Ах да, вспомнил, второй пилот.

— Первый пилот, — поправил я и продолжал: — Мне думается, вы когда-то сами прямо или косвенно решили лететь на Хрис. Только зачем? Это мне действительно непонятно.

Мэрс звонко рассмеялся и тут же оборвал свой смех:

— Вы правы, когда-то я действительно сам решил лететь на Хрис, косвенно решил... Вы любопытно выразились, я как-то не задумывался о существовании косвенных решений... Осторожнее!.. Здесь трещина.

Я посмотрел себе под ноги и в нескольких шагах от нас среди темных пятен теней с трудом разглядел черную зубчатую линию, уползающую вдаль.

— Ерунда, перепрыгнем!

— Не советую, это молодая трещина. Поверьте моему опыту, я не первый раз иду по поверхности Хриса, лучше обойдем. Может быть, это и излишняя предосторожность, а может быть, и нет, смотрите...

Мэрс поднял большой камень и, раскрутившись волчком вокруг собственной оси, ловко метнул его вперед. Тяжелый обломок упал у самого края трещины и почти тотчас же грунт беззвучно зашевелился и на глазах выросла черная проплешина провала.

— Да, пожалуй, обойдем. Не думал, что здесь возможны такие сюрпризы. После Арбинады мне любые кручи кажутся накатанной дорогой.

В ответ на эту реплику Мэрс заметил, что за последние пять лет «накатанные дороги» Хриса стоили жизни трем его товарищам.

Человеческая мысль и свободная беседа сами по себе не держатся в определенном русле, и разговор наш грозил отклониться от темы, тем более, как мне казалось, Мэрс был не очень склонен его поддерживать. Поэтому я воспользовался случаем, чтобы вернуть его к прежнему направлению.

— Пять лет! Сколько же времени вы находитесь на Хрисе?

— Восьмой год, — ответил Мэрс.

— И когда должны вернуться на Церекс?

— Никогда.

— Вы должны до конца жизни оставаться здесь?!

— До конца жизни.

— М-да, — неопределенно протянул я. — А как же теперь? Станция разрушена.

— Не знаю, — сказал Мэрс и повторил задумчиво: — Теперь ничего не знаю.

Мы, наконец, достигли конца трещины и остановились в тени скалы. Прделано было уже больше половины пути до «Эльприса», Мэрс тяжело дышал.

— Давайте передохнем, — предложил я, оглядываясь по сторонам и выбирая местечко поуютней.

— Охотно, — отозвался Мэрс. — Вот здесь, между этих камней, кажется, можно сносно устроиться. Впрочем, тут везде одинаково. Жарко... Садитесь, Антор.

Я опустился рядом с ним и прислонился спиной к камню, так сидеть было удобней. В просветы между скал врывалось яркое солнце. Сверху на нас, не мигая, глядели далекие звезды. Пыль, камни, черное небо, унылые краски — и так всю жизнь. Я посмотрел на Мэрса, он возился с коробкой терморегулятора, освещая ее фонариком. Нужно иметь громадное мужество, чтобы навсегда покинуть Церекс и жить здесь.

— Мэрс, во имя чего вы это сделали?

— Что сделал?

— Прилетели сюда.

Он поднял голову, пристально посмотрел мне в лицо и сказал, снова наклоняясь к терморегулятору:

— Во имя людей, Антор. Вы, конечно, удивлены и не понимаете меня. В самом деле, что может сделать для людей ботаник, находясь на спутнике другой планеты, лишенной растительности, но... Конечно, ничего, или очень немного, но все, что я мог сделать, я сделал там.

— На Церексе?

— Да.

— И поэтому вы здесь?

— Да.

— До конца дней своих?

— Вероятно, так.

— Но это похоже на заключение.

— Это и есть заключение.

— За что? Или это вопрос нескромный?

— Почему же. — Мэрс высоко поднял голову. — Я с гордостью отвечу на него: я хотел, чтобы люди жили лучше.

Я подумал о том, что на Церексе вряд ли найдутся люди, которые желали бы противного, и сказал об этом Мэрсу. Он рассмеялся, и смех его был звонок и заразителен.

— Что в этом смешного, Мэрс? Отвечайте! — вскричал я. В моей памяти промелькнули лица всех, кого я только знал. Никто из них сознательно не желал зла другим, даже Кор, даже Ромс. В худшем случае они думали лишь о себе или по-своему представляли благо для окружающих. — Говорите же! С какой стати вы взяли на себя роль единственного благодетеля? Или вы полагаете — высылка на Хрис объясняет мне все? Я знал людей, которые умирали за других, а не только желали, чтобы те жили лучше!

Мэрс перестал смеяться и повернулся ко мне:

— Вот как! Вы знали таких людей? А вы думаете, я мало таких знаю? А кроме отдельных людей жизнь, как таковую, вы, Антор, знаете? А историю человечества вы тоже знаете?

— При чем тут история? Кроме того, я изучал в свое время историю...

— Изучал в свое время историю, — иронически повторил мои слова Мэрс. — Где вы ее изучали? В школе?

— Хотя бы и в школе.

— В школе, дорогой мой, уже давно не изучают подлинной истории, там вдалбливают в голову специально подобранные события, и далеко не самые важные.

— Я читал не только школьные учебники. Мне попадал в руки и Эринзор.

— Вы читали, Эринзора?

— Да, почти всего. Не мог только нигде найти его «Взгляды в прошлое».

— И не найдете! — воскликнул Мэрс. — Может быть, на всей планете...и уцелело с десятков экземпляров этого издания. Книга лет пятьдесят как уничтожена, и не только она, а вместе с ней и многие другие. Но даже если бы вам и довелось ее прочесть, то вы все равно бы не поняли многого. Эринзор так и не дошел в своей системе до того, что было понято людьми позднее...

Я взглянул на часы. В разговоре время летело быстро, нам пора было двигаться дальше. Мы вышли из-за нагромождения скал. От малейшей неровности грунта навстречу нам тянулись длинные тени. Солнце висело низко над горизонтом. Часов через сорок должна была наступить долгая хрисская ночь. Мэрс посмотрел на звезды и, определив направление, уверенно зашагал вперед. Шаги у него были твердые, четкие. Так здесь ходили все, кто долго прожил на Хрисе. Моя походка была неровная, подпрыгивающая. После Арбинады мне никак не удавалось приноровиться к слабому тяготению. Метров пятьсот мы шли, не произнося ни слова. Первым возобновил разговор я.

— Ну и что же было понято людьми позднее? Вы, конечно, это знаете, если связываете свое пребывание здесь с историей. Чего же так и не сумел понять Эринзор, а вместе с ним не понимаю я?

Мэрс умерил свой шаг так, чтобы поравняться со мной, словно, идя рядом, нам было удобнее разговаривать.

— То, дорогой Антор, — вы, между прочим, напрасно иронизируете, — то, что история — это не войны, не смена одного владыки другим, не даты постройки городов или каналов, а непрерывная борьба людей за лучшую жизнь как с силами природы, так и с враждебными силами самого человеческого общества. А силы эти существуют, они опаснее слепой стихии, они принесли и продолжают приносить неизмеримо больший вред человечеству, чем все самые страшные естественные катастрофы, которые прокатились над Церексом за нашу историю. Это серьезный разговор, Антор, и так просто в двух словах все не выразишь.

— Тем лучше, если серьезный! — с жаром ответил я. — За последнее время я привык к серьезным вещам!

Мэрс на секунду остановился, чтобы посмотреть мне в глаза, и сказал:

— Хорошо, об этом мы еще поговорим позже, а сейчас, Антор, я хочу заметить, что вы тоже были правы, но только формально. На Церексе действительно не существует людей, которые намеренно желали бы зла другим, но есть могущественная группа таких, которые хотят благополучия только для самих себя. Вот в этом и заключается самое страшное зло человеческого общества с момента его возникновения! Запомните это, Антор.

Некоторое время мы молча шагали рядом, плечо к плечу. Я раздумывал над тем, что было сказано, в голове копошились сомнения.

— Мэрс! Но это же пустые мечты! Людей не переделаешь, тысячелетиями они оставались такими же. Чего стоят тогда ваши стремления? Во имя чего вы должны умирать среди этих камней?!

Мэрс усмехнулся.

— Да, людей сразу не переделаешь, но пока мы и не ставим перед собой такой цели, это придет постепенно. Сейчас нужно создать условия для последующей работы с людьми, а это значит, что мы должны лишить материальной основы господства тех, для кого власть и богатства — основа личного благополучия. Ясно, Антор? Для этого нужно превратить заводы, плантации, транспорт и все остальное в собственность всего человечества, тогда отпадет главная причина разделения людей и, со временем, можно будет очень многое сделать.

— Понимаю, — сказал я, — вы хотите захватить власть и произвести такую реформу.

— Нет, Антор, ни я, ни мои товарищи здесь, ни те, кто ведет борьбу на самом Церексе, не хотим взять власть. Мы боролись и боремся за то, чтобы власть взял сам народ.

— Вы верите в возможность этого?

— Верим. Тот, кто не верит, не победит... Стойте, вот и следы, видите, я вас вывел более коротким путем. Далеко еще отсюда?

Я огляделся по сторонам. Все хрисские горы похожи друг на друга, но я узнал ту, с обвалившимся кратером. До «Эльприса» от нее оставалось километров пять.

— Скоро придем, — сказал я и задал последний вопрос: — У вас есть семья, Мэрс?

Он сделал какое-то странное движение плечом и, повернувшись ко мне, ответил глухо:

— Была раньше.

Мы зашагали вперед. Мэрс больше не проронил ни слова.

* * *

Солнце на Хрисе лениво движется по небосклону. Так же медленно оно садится. Я часами сидел у иллюминатора, наблюдая закат. Диск светила уже провалился за линию горизонта, и в аспидно-черном небе полыхала только корона. Краски преобразились, появились новые тона, черные тени, как черные реки, заливали поверхность, становились все шире, все многоводней и отступали только у возвышенностей, ловящих своими вершинами последние лучи. Хрис исчезал. Он не засыпал, как засыпала Арбинада, и не умирал: умирать может только живой мир, он именно исчезал, холод и мрак словно растворяли безжизненный каменный шар.

За стеной моей кабины в подвесной койке метался и бредил Торн. Кор допускал к биофизику только Дасара, облаченного в биологический скафандр. По отсекам корабля распространился слабый запах халдаана, предупреждавший о нависшей опасности. Усилия Дасара были безрезультатными. Торн не поднимался с постели и почти не приходил в сознание.

Болезнь проявилась внезапно. Спустя десять дней после нашего прибытия с Арбинады биофизик начал жаловаться на боли в суставах. Обеспокоенный Дасар сразу же

осмотрел его и нашел на теле зловещие коричневые пятна. Анализ крови показал наличие вирусов. Проведя исследование, биолог заявил, что вирусы не церексианского происхождения или, как он сказал более осторожно, «современной науке этот вид не известен». Торн был немедленно изолирован от остальных, на корабле проведена самая тщательная дезинфекция. Мы все ходили как тени, сторонясь друг друга. Случилось самое страшное — один из нас заболел болезнью «оттуда». О ней ничего не было известно, как она передается, как лечится, каков ее инкубационный период. Быть может, каждый из нас уже носил в себе этот недуг. Срочно были взяты анализы у всех членов экипажа, но они ничего не показали. Мы не верили результатам обследования и чудовищными порциями глотали эрсаос. А биофизику становилось все хуже и хуже.

Произошло еще одно событие. С Церекса Кор получил указание изолировать персонал хрисской станции от состава экспедиции. Видимо, там забеспокоились, как бы на нас не было оказано «дурное влияние». Приказ гласил: «Переправить всех спасенных на «Эльприс», впредь до прибытия корабля с Церекса. Эвакуацию произвести немедленно». Ясно и категорично. Приказ был выполнен немедленно. Кор объявил, что в «целях предотвращения возможного распространения болезни он предлагает составу хрисской станции сегодня же покинуть корабль и перейти на „Эльприс“.

За стеной ракеты была ночь. Двенадцать человек ушли во мрак. Они исчезали сразу же, едва успев переступить порог люка. Несколько секунд еще виднелись бледные пятна их фонарей на выщербленной поверхности Хриса, а потом пропали и они. Осталось лишь звездное полушарие. Мы попрощались сухо. Может быть, помешал Кор, молча наблюдавший, как они облачались в скафандры, или призрак болезни, стоявший за нашими спинами, — не знаю. Только Мэрс похлопал меня по спине и понимающе кивнул головой. Так нам и не удалось с ним поговорить еще раз. Они ушли во мрак, нагруженные продовольствием, аккумуляторами и снаряжением, ушли и не откликались. Только через двадцать часов радио сообщило, что все благополучно достигли «Эльприса». Все, кроме Эссы. Она погибла в обвале.

Мы остались на корабле одни. Стало пусто в его помещениях. Получив известие с «Эльприса», Кор сутки не выходил из своей кабины и не откликался на наши вызовы. В эти сутки скончался Торн. Печальное известие принес Дасар. Осунувшийся, он пришел в салон и сказал:

— Его уже нет. Я ничего не мог сделать... — Потом он потоптался на месте и закончил: — Нужно сообщить мазору Кору.

Экран внутренней связи однотонно мелькал серыми полосами — Кор не отвечал. Мы уныло разбрелись по кабинам и занялись каждый своим делом. У меня за стеной теперь было тихо, слишком тихо. Я выключил освещение и лег на койку.

На другой день Кор приказал вынести биофизика из корабля. Его распоряжение выполнили я и Зирн. В кабину Торна мы вошли в скафандрах. Он лежал на койке, вытянувшись во весь рост. Лицо его было обезображено гримасой боли и тусклыми коричневыми пятнами, открытые глаза неподвижно устремлены в потолок. Зирн аккуратно завернул тело биофизика в мягкую ткань и взвалил на плечо. Я собрал в один тюк все вещи, к которым только мог прикоснуться Торн, и мы двинулись к выходу.

На Хрисе царила ночь. Темнота мгновенно проглотила нас. Мы двигались почти ощупью. Свет фонарей был слишком бледным, слишком пространства отвоевывал он у мрака. Шагая в темноту, словно в неизвестность, я подумал о тех, кто был вынужден

покинуть корабль и идти пешком на «Эльприс», по воле людей, даже не представляющих себе трудностей такого перехода. Можно было лишь удивляться, что из двенадцати человек не дошла одна только Эсса. Ночной Хрис мог погубить всех.

Мы удалились от корабля не более чем на полкилометра и там оставили Торна. Зирн привалил к изголовью несколько камней, а я положил рядом тюк с его вещами. Вот и все. Мы постояли несколько минут, держа в свете фонарей безжизненное тело Торна, и поплелись обратно к кораблю, обозначенному в ночи цепочкой светящихся иллюминаторов.

Из семи человек, дерзнувших ступить на почву Арбинады, осталось только трое.

* * *

Солнцу совершенно безразлично — согревает оно своими лучами людей или нет, живы эти люди или мертвы, здоровы они или больны. Оно взошло в положенный час и возродило исчезнувший мир. Ослепительно засияли высокие вершины, темнота сдалась, отступила и широкими мазками теней разметалась по равнине. Но у нас было слишком много неприятностей, чтобы радоваться солнцу. Заболел Зирн, и тогда произошло то, о чем я писал в самом начале. Это события уже недавних дней, и я помню их отчетливо.

Кор поступил жестоко, но мы тогда были настолько смяты и напуганы, что не нашли в себе сил противодействовать его воле. Ведь умер Зирн, тот, кто даже не был на Арбинаде! Неизлечимая болезнь ходила за нами по пятам, хладнокровно выбирая следующую жертву. Дасар круглые сутки просиживал в лаборатории в поисках необходимого средства, но все его препараты оказывались бессильными против инопланетных вирусов. Принятые нами меры по дезинфекции, как выяснилось, были тоже недостаточными, хотя мы дошли до того, что наглухо запаяли кабину, в которой лежал биофизик. Не хочу перечислять все, что мы сделали тогда в защиту от болезни, чтобы это не выглядело оправданием перед самим собой. Я знаю, нам не было оправдания — мы просто трусили.

Лишь на следующий день после того, как умер Зирн и я начал вести эти записи, к нам вернулась некоторая доля самообладания. Кор созвал всех в салон, чтобы обсудить создавшееся положение. Мы выползли из своих кабин, в которых провели, запершись, целые сутки, и вновь собрались вместе, разместившись на почтительном расстоянии друг от друга. Напротив меня около иллюминатора, обращенного в сторону Арбинады, расположился биолог. Он сидел сгорбившись, словно на него навалилась вся тяжесть ответственности за наши жизни. Да так оно по существу и было, кроме него, нам не от кого было ждать помощи.

Кор вышел на середину и по очереди, как бы считая оставшихся в живых, посмотрел в лицо каждому. Усмехнулся и сказал:

— Я знаю, вы не очень довольны моим решением, но что бы сделали вы?

Молчание.

— Что бы сделал ты, Лост?

Лост ничего не ответил.

— А ты, Прис? А вы, мазор литам Дасар? Что могли бы вы сделать, чтобы облегчить его участь и уменьшить вероятность заболевания каждого из нас? Не знаете? Так имейте в виду, до тех пор, пока мы не найдем эффективных средств борьбы с заболеванием, каждый, кто заболевает, должен покинуть корабль. Если это случится со мной, я тоже уйду. Слышите! Найдите в себе мужество сделать это самостоятельно и избавьте меня от необходимости всякий раз брать это на свою совесть. Я тоже человек, в конце концов! Я сообщил вам свое решение, — последнюю фразу Кор произнес уже спокойнее, — теперь жду ваших предложений. Если они окажутся разумными, готов принять их. Что вы скажете?

Он обвел нас глазами. Мы молчали. Но это молчание было зловещим.

— Других предложений нет? Тогда мое решение вступает в силу!

Кор круто повернулся и направился к двери.

— Стойте! — неожиданно сказал Дасар.

Все, как по команде, устремили взгляды на биолога.

— Что вы хотите сказать, Дасар? Вы не согласны?

— У меня есть другое предложение.

— Слушаю вас.

— Помните, еще там, на Арбинаде, мы были почти в таком же ужасном положении и нашли выход в анабиозе. Попробуем еще раз это средство.

— Анабиоз же не излечивает! — воскликнул Прис.

— Знаю, но, возможно, затормозит развитие болезни, если мы уже больны. Нам важно выиграть время. Мне нужно время для того, чтобы справиться с вирусом!

— Значит, сами вы не собираетесь погружаться в анабиоз. Я правильно понял? — спросил Кор.

— Да, я буду работать.

— А сколько у нас камер?

— Хватит почти на всех, — ответил Лост, — лишь один из нас и дальше должен будет подвергаться риску заболеть.

— Я же сказал, что я буду работать! — крикнул Дасар. — Так что вопрос решен, во всяком случае с этой стороны.

Лост отрицательно покачал головой:

— Нет, литам, кроме вас, камеры недостает еще одному человеку.

В салоне сразу наступила тишина. Мы тревожно переглянулись. Биолог заронил надежду. В анабиозе можно пробыть долго, очень долго. За это время прилетит корабль с Церекса, за это время отыщется спасительное средство, если даже мы уже больны, и вдруг каждый почувствовал себя один на один с опасностью, еще более страшной именно потому, что ее придется встречать почти в одиночку.

— Значит, у вас будет помощник, мазор литам Дасар, это увеличивает шансы остальных, — мрачно пошутил Прис. — Кого же вы назначаете на эту должность, мазор Кор?

Это была ирония, но Кор все принял серьезно. Он обернулся к биологу:

— Кто вам больше подходит, Дасар?

Последнюю фразу Кор произнес почти обыденным тоном, и я понял, что предстоящее решение для него не связывается ни с какими сомнениями. Если бы такой вопрос был обращен к нему, он спокойно ответил бы, что ему, скажем, больше подходит антор, или Прис, например, нимало не задумываясь, что не ему в данном случае принадлежит последнее слово.

— Я думаю, — сказал Дасар, глядя в лицо Кору, — что здесь нужен доброволец.

— Вот как! Впрочем, дело ваше. Кто желает в таком случае остаться работать с мазором Дасаром?

Кор переводил взгляд с одного на другого, и тот, на кого падал его взор, медленно опускал голову.

— Я вижу, добровольцев немного, — он усмехнулся. — Я остаюсь на корабле, устраивает вас это, Дасар?

— Нет, — коротко ответил тот.

Я понял биолога. С Кором можно еще жить, но остаться с ним умирать — это выше человеческих сил.

— Почему же?

— Мы с вами не сработаемся, мазор Кор.

— Благодарю за откровенность. — Кор вызывающе поднял голову и посмотрел на нас.

Меня что-то подтолкнуло. Может быть, я прочитал скрытое желание в глазах Дасара, а может быть, здоровое тело не верило болезни и смерти, и быстрее, чем я осознал, что делаю, подчиняясь лишь внутреннему порыву, я выступил вперед и сказал:

— Я остаюсь с вами, литам Дасар.

И как ни странно, именно от этого решения мне стало легче, и страх исчез, я снова почувствовал себя полноценным человеком, и за одно это ощущение уже стоило умереть.

Биолог одобряюще посмотрел на меня и, поднявшись со своего места, встал со мною рядом.

— Что ж, — хладнокровно резюмировал Кор, — в таком случае нас остается трое, не будем терять времени. Мазор Лост, подготовьте камеры, я полагаю, в ваших интересах, чтобы они были в полном порядке.

Я с сожалением смотрел на Кору, на его спокойное, почти бесстрастное лицо. Я любовался его энергичными движениями, и мне было жаль его, жаль сильного, волевого человека, оказавшегося в плену своей неукротимой гордости, которая заставляла его идти на большой риск, хотя в этом не было никакой необходимости.

— А вы зачем остаетесь? — спросил я. — Разумнее было бы...

Кор высокомерно смерил меня с ног до головы именно тем взглядом, за который я его ненавидел.

— Помните, пилот, — сказал он, обрывая меня на полуслове, — на свете существует много вещей, которые находятся вне вашей компетенции. Лучше помогите Лосту. Мне следовало бы вас тоже направить в камеру, но из уважения к мазору Дасару я оставляю вас, будьте же ему благодарны.

Биолог при этих словах сморщился, словно проглотил что-то невероятно кислое и, резко повернувшись к Кору, произнес:

— Видите ли, мазор, я полагаю, что мужеству, которое проявляет Антор, мы должны быть в большей мере благодарны, чем он кому-нибудь из нас. Он, может быть, добровольно идет на смерть... Пойдемте, Антор, поможем Лосту, я хочу все проверить сам, меня до сих пор мучает случай с Ланком.

...Нас осталось на корабле трое. Кор на другой день связался с «Эльприсом» — там по-прежнему все были здоровы.

Три человека затерялись в громадных помещениях орбитального корабля. Биолог трудился, почти не отдыхая. Моя помощь была более чем скромной, я выполнял чисто техническую работу, правда, и она требовала немало времени. Шли дни, Кор показывался редко. О результатах нашей деятельности он справлялся, пользуясь внутренней связью. Биолог обычно отвечал односложно и просил по радио на Церексе навести ту или иную справку. Там тоже в одной из лабораторий занимались этим вопросом, но им не доставало главного — культуры вируса. Кроме того, Дасар с грустью сообщил мне, что руководит этой работой, по его мнению, «порядочный чурбан».

— В общем, Антор, пока нам следует рассчитывать только на свои силы...

Мы почти ни о чем постороннем не говорили. Иногда, после нескольких проведенных в напряженной работе дней, биолог объявлял:

— Вы сегодня свободны, Антор, мне нужно подумать, что делать дальше.

В такие дни я натягивал скафандр и выходил на поверхность Хриса. Часами бродил я по обнаженному и угрюмому плато, петляя между гор и предаваясь своим мыслям, или, лежа в тени какого-нибудь камня, рассматривал застывший рисунок звезд. Вечерами я

обычно писал, и такое общение с самим собой и недавним прошлым стало для меня столь же необходимым, как воздух, которым я дышу.

Мы трое — биолог, Кор и я — все еще оставались здоровыми, и мало-помалу острота ощущения опасности утратилась, чувство ответственности притупилось, и наша работа с Дасаром мне начинала даже казаться ненужной или, во всяком случае, не столь уж спешной. Три дня назад я высказал свое мнение на этот счет биологу. Он поднял на меня свои бесцветные глаза и, отрицательно покачав головой, ответил:

— Нет, пилот, они еще здесь, и они угрожают нам... Но если даже допустить, что в безопасности мы с вами, то последнее вряд ли можно сказать о тех, кто неподвижно лежит в камерах... В общем, продолжим. Какой, говорите, получился индекс реакции?

— Девятый.

— Девятый?.. Хм... Странно... Повторите опыт еще раз, пожалуйста.

Я принялся снова готовить реактивы. Наша работа потекла своим чередом.

* * *

Это произошло вчера. Я, как обычно, наскоро проглотив кусок осты (мы последнее время не утруждаем себя приготовлением блюд), пришел в кабину биолога, которую он превратил в лабораторию. Дасар сидел за столом, уткнувшись в колонки цифр — результаты наших последних опытов. На мое вежливое приветствие он ничего не ответил, а только неопределенно указал рукой в угол, где стоял стул. За последнее время я привык к странностям Дасара, поэтому, не обращая внимания на его каменную неподвижность, принялся чистить пробирки, которые еще с прошлого раза оставались невымытыми. Через полчаса все лабораторное оборудование сияло первозданной чистотой, а биолог по-прежнему не шевелился.

— Что мне еще делать, литам Дасар? — спросил я.

Биолог ответил не сразу, в нем словно сработало реле времени, наконец он сказал:

— Ничего, сегодня мне нужно подумать, Антор, последние наши опыты... м-да... или я ничего не понимаю... или мы очень близки к решению. Мне надо разобраться.

— Так я вам сегодня не нужен? — Моя рука легла на замок двери.

— Нет. То есть стойте... анализы, вы разве забыли?

Биолог каждое утро проводил обследования, проверяя состояние нашего здоровья. Последнее время я к ним относился уже равнодушно — анализы неизменно давали отрицательный результат.

— Хорошо, литам Дасар, я приготовлю аппаратуру.

В этот момент звякнул сигнал внутренней связи. Это был Кор. Не оборачиваясь к экрану, я почти видел его лицо, обращенное к нам в кабину. Он поздоровался как всегда сдержанно, а потом задал свой неизменный вопрос:

— Как ваши успехи, Дасар? Получили что-нибудь обнадеживающее?

Биолог отложил свои вычисления.

— Увы, нет, пока все по-прежнему.

— Так, жаль, конечно, пора бы уже вам справиться с этой задачей. — Голос Кора звучал как-то странно.

— Конечно, жаль. Вы меня упрекаете?! По какому праву? — неожиданно вспыхнул Дасар, видимо, и на нем сказались утомление от нечеловеческого напряжения. — Нам давно необходим этот препарат, по крайней мере Торн и Зирн были бы живы! Я сам все отлично знаю, но в этих условиях не могу быстро решить поставленную задачу. У меня даже нет ни одного квалифицированного помощника... Простите, Антор, я... Кстати, мазор Кор, я хочу еще напомнить вам, что вы двое суток уже не обследовались.

Кор криво усмехнулся:

— Что толку в ваших анализах, если вы не можете лечить? Впрочем, сегодня я приду. Мне кажется, я заболел, и хотелось бы получить ваше высоконаучное подтверждение.

Биолог ничего не успел ответить, экран погас, и лицо Кора исчезло. Оба мы были ошеломлены неожиданным известием. Первым пришел в себя Дасар. Он резко отодвинул стул и поспешно направился к столику; где размещалось все необходимое для анализов лабораторное оборудование.

— Пустите меня, — сказал он, — я сам настрою приборы.

Несколько минут его гибкие пальцы порхали между микрометрическими винтами и верньерами.

— Так, дайте вашу руку.

Я почти не ощутил боли от проникновения иглы.

— Теперь дышите сюда.

По экрану побежала тонкая зеленая линия, изламываясь в такт моему дыханию.

— Все как обычно, — сказал я, наблюдая хорошо знакомую мне по предыдущим анализам картину.

— К счастью — да, — ответил биолог и повернулся на шум открывающейся двери. В кабину вошел Кор, на нем была надета дыхательная маска.

— Это на всякий случай, — пробубнил он из-под нее, — я долго у вас не задержусь.

— Почему вы решили, что больны?

— Симптомы те же, что у биофизика, боли в суставах и прочее...

— Есть пятна?

— Пока нет, но будут.

— Когда почувствовали боли?

— Вчера.

— Почему не пришли сразу? — Биолог насупился.

Кор сделал равнодушный жест:

— Какое это имеет значение?

Дасар тщательно проделал все анализы. Я молча глядел через его плечо на показания приборов. Стрелки их тревожно отклонялись от зеленой черты. Через полчаса все стало ясно. Кор держал в руках фотографию микроанализа крови, на которой отчетливо проступали серебристые точки вирусов. Он медленно смял пленку и бросил ее на стол.

— Вам нужно немедленно лечь в анабиозную камеру, — сказал Дасар.

Кор сел на стул и вытянул ноги прямо перед собой, пальцы его руки нервно барабанили по шкале эрмометра.

— Бесполезно, Дасар, в анабиоз впадают люди, но не вирусы Арбинады. Вы же это хорошо знаете, литам. Я, конечно, ценю ваше желание потешить меня надеждой и избавить от мучений, но в данном случае оно бьет мимо цели. Я предпочитаю встретить смерть в полном сознании.

Биолог удивленно уставился на Кора. Я беспокойно переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

— Что вы говорите! — вскричал Дасар.

— То, что слышите, можете передо мной не разыгрывать комедию. Я вам благодарен за то, что вы нашли способ унять на корабле страсти и наилучшим способом изолировать членов экипажа. Я бы сам высказал то же самое, если бы мне пришло это в голову. И должен заметить, ваше предложение выглядело настолько убедительным, что в первый момент даже я поверил в него.

— Значит, вы проверяли камеры?

— Разумеется, — Кор отогнул край маски и вытер пот платком, — в двух из них лежат трупы. И ничего удивительного! Лишенный жизненного тонуса организм не мог активно сопротивляться болезни, но остальные законсервированы отлично.

— Это правда? — Я в упор посмотрел на биолога. Тот стоял, низко опустив голову.

— Правда, Антор, — ответил он. — Мы для них все равно ничего не могли бы сделать, но я вначале надеялся, что вирусы в анабиозной камере закапсулируются...

Воцарилось тягостное молчание.

— Кто там... кого уже нет? — спросил я.

— Лоста и Сатара, — невозмутимо ответил Кор. — Однако мне пора, у меня осталось много дел и мало времени. Прощайте, Дасар, и вы, пилот...

Кор встал и, небрежно кивнув нам, твердыми шагами вышел из лаборатории, старательно закрыв за собой дверь. Мы остались одни. Минут пять я просидел неподвижно, избегая смотреть на биолога и дожидаясь, когда шаги Кора замрут в глубине коридора. Потом, не произнеся ни слова, направился к двери.

Громадный корабль был пуст, тускло горело освещение и гулко отдавался каждый звук, по несколько раз отражаясь от матовой глади стен. Я шел мимо осиротевших кабин, мимо вспомогательных помещений, мимо анабиозных камер, заключавших в себе мертвых и живых товарищей, поднялся в салон, пронизанный слепящими лучами солнца и, постояв бездумно на пороге, спустился вниз к переходной камере. Вдруг мне стало душно, нестерпимо захотелось ветра и солнца, под которым я рос и жил далеко-далеко и давным-давно. Мой взгляд упал на скафандры, аккуратно разложенные в отсеке. Я отыскал свой и начал одеваться.

Спрыгнув с последней ступеньки трапа, я пошел к сияющей впереди вершине горы, подножие которой пряталось за линией горизонта. В голове вихрем проносились обрывки мыслей, беспорядочно сталкиваясь, рассыпаясь, сочетаясь в невероятные заключения и пропадая. Я, словно со стороны, следил за этим сумбурным потоком, даже не пытаясь ввести его в какое-то русло или остановить. Впереди виднелась вершина, и я шел к ней. Будто громадный магнит, влекла она к себе. И вдруг я подумал, что еще ни разу в жизни не взбирался на вершину горы ни здесь, на Хрисе, ни на Церексе, ни на Арбинаде. Я много раз видел мир с большой высоты, но ни разу не наблюдал его с вершины. Эта мысль захватила меня, появилась цель — я направился к ней.

Путь до скалистых отрогов и подъем заняли, вероятно, несколько часов. Чем труднее было подниматься, тем ожесточеннее я лез вверх. Вспомнились предостережения Мэrsa об опасностях такого подъема, о камнях, беззвучно падающих от малейшего сотрясения, о черных тенях, прячущих провалы и обманывающих глазомер. Наконец, я достиг своей цели, гора находилась у меня под ногами.

Площадка наверху была ровная и маленькая, я быстро обошел ее по периметру, испытывая смутное чувство разочарования, потом уселся на край скалы, нависшей над бездной, и спустил вниз ноги. Далеко от меня, почти у самого горизонта, блеснула на солнце металлическая обшивка корабля — этогоместилища человеческих страстей и бед, занесенных сюда с другого, окруженного мраком шара. Я поднял взгляд к небу и среди звезд отыскал слабый свет маленького Церекса. Неужели мне никогда не доведется снова увидеть его вблизи и пройти под открытым небом, оставляя на почве следы босых ног? С полчаса я просидел на месте, глядя на камни и звезды, и затем начал спускаться с горы...

На полпути к кораблю я заметил движущуюся мне навстречу фигуру в скафандре. Это мог быть либо Кор, либо биолог. Я взобрался на камень и помахал рукой, пытаясь привлечь к себе внимание. Потом включил радио и пробежал в настройке несколько диапазонов. Наконец, в наушниках послышалось дыхание человека. Я позвал его.

— Это вы, пилот, — раздался голос Кора, — что вы здесь делаете?

Я пробурчал в ответ что-то невразумительное. Да и в самом деле, что я делал? Что я мог ответить? Не зная, о чем говорить с человеком, дни которого сочтены, я тем не менее направился к Кору, мысленно проклиная себя за то, что ввязался в разговор. У нас с Кором и раньше было не много общих тем, а в эту минуту я вообще не мог найти ни одной точки соприкосновения. Постепенно мы сблизились на расстояние нескольких метров, и я пошел в одном с ним направлении. Первые минут десять не было произнесено ни слова. Кор уверенно шел к какой-то одному ему известной цели и словно не замечал меня. Наконец, он сказал:

— Вы все еще здесь, пилот?

— Да, — неуверенно ответил я.

— Вы решили сопровождать меня? Благодарю, но я, кажется, об этом вас не просил. Впрочем... — Кор запнулся на слове, — минут десять, если хотите, можете провести со мной, я не возражаю. Сколько сейчас времени?

Я взглянул на часы:

— Скоро четырнадцать.

— Мне нужно точнее.

— Без десяти, — удивленно ответил я, вспоминая необыкновенную особенность Кора чувствовать время с точностью до минуты. По нему можно было проверять хронометры, и поэтому он никогда не носил с собой часов. Сейчас с ним что-то стряслось. Может быть, болезнь? Еще минуты две мы не разговаривали. Неожиданно Кор спросил:

— Скажите, пилот, неужели я такой тяжелый человек, с которым даже трудно обмолвиться словом? — В голосе его звучали несвойственные ему мягкие интонации.

— Нет... то есть да, мазор.

Кор усмехнулся:

— Мне нравится ваша особенность говорить в глаза то, что вы думаете. Это редкий дар. Хотелось бы знать, чего же вы тогда плететесь за мной по пятам. Шли бы себе на корабль и продолжали писать свой дневник. У вас это неплохо получается, я, признаться, с интересом прочел как-то все до последней страницы...

— Это же подло! Читать чужие записи...

— Не вижу в своем поведении ничего предосудительного. — Кор осмотрелся по сторонам. — Сколько времени?

— Четырнадцать часов пятнадцать минут, — машинально ответил я.

— Еще... впрочем, ладно... Вы же сочли возможным подслушать мой разговор с Эссой, хотя имели на это меньше права, чем я на знакомство с вашими воспоминаниями. Как руководитель экспедиции, я даже обязан был знать их.

Кор снова зашагал к линии горизонта, размеренно переставляя ноги. Я не нашел, что ему возразить. Действительно, если я так остро переживаю проникновение постороннего человека в мои личные дела, то почему же сам позволил себе вторгнуться в чужую жизнь? Все оправдывающие причины не имели никакой силы, мы всегда готовы обвинять других и выгораживать себя. К сожалению, чувство объективности слабее всего развито у человека.

— И всё же вы мне нравитесь, — продолжал между тем Кор, — вы добры, качество сравнительно редкое, глуповаты — это встречается значительно чаще, прямолинейны — последнее облегчает ведение дел с вами, а главное безвредны и свое ремесло знаете. Мне был известен и раньше весь этот ваш трюк с жеребьевкой на право участия в экспедиции. Конечно, я знал о нем. Но вы и Конд подходили мне, поэтому я на него не обратил внимания. Конда я, правда, опасался больше, он был человек решительный... Сколько уже на часах?

— Семнадцать минут, почему вы спрашиваете?

— Хочу знать, сколько мне осталось до конца.

— До конца? До какого конца? — И тут мне все стало вдруг ясно. — Вы совсем покинули корабль?... Вы сами сделали это и идете туда?..

— Все мы идем туда, — усмехнулся Кор, — все идем сами и все непременно придем. Сколько сейчас?

— Двадцать минут, — проговорил я.

— Уже скоро. — Кор посмотрел по сторонам, как бы прощаясь с окружающим миром, сделал какой-то неуволимый, но, я твердо знаю, несвойственный ему жест и продолжал свой путь дальше.

— Послушайте меня, пилот, хотя я и знаю, вы не очень лестного обо мне мнения...

— Я...

— Не перебивайте, в конце концов, для меня всегда было безразлично, какого мнения обо мне люди, а сейчас тем более... впрочем, может быть, сейчас... — Он вдруг замолчал и шагов двадцать прошел, сосредоточенно глядя себе под ноги, словно боялся споткнуться и упасть на последнем отрезке жизненного пути. Я, подобно тени, шагал за ним следом, так же неотступно и так же беззвучно, как сопровождала меня моя собственная тень.

— Да, вот еще что, — снова раздался в наушниках его голос, — в моей кабине на столе вы найдете дальнейшие инструкции, но не входите туда, пока не справитесь с болезнью, это для вас лишний шанс уцелеть. На Церекс я обо всем сообщил, там знают, что я... что экспедиция осталась без руководителя. Корабль сюда вылетит через три дня, вы еще можете его дождаться, я верю в Дасара — он победит болезнь, если успеет... А теперь последнее, то, что я хотел вам сказать вначале. Я читал о вашей беседе с Мэрсом,

чувствую, она произвела на вас впечатление. Возможно, вы встретитесь с ним снова, когда меня уже не будет, советую вам — не увлекайтесь, это беспочвенные бредни. Не воображайте, что я горячий сторонник существующего на Церексе уклада, просто я отлично знаю, как силен, как великолепно отрегулирован весь этот механизм человеческих взаимоотношений, насколько он устойчив и какими мощными средствами поддерживается. Бороться с ним бессмысленно. Те, кто стремится здесь что-то изменить, несмотря на кажущуюся красоту их порывов, опасны людям. Они не принесут счастья человечеству, как наивно воображают сами, но убьют каждого, кто свяжет с ними свою судьбу. Запомните, пилот! Они опасны для всех, против кого борются, и для тех, за кого они ведут борьбу... Сколько там времени, Антор?

— Двадцать пять минут.

— Оставьте меня, я хочу умереть один.

Я остановился перед Кором, но он обошел меня, словно камень, и быстрыми шагами стал удаляться.

— Прощайте, мазор литам Кор...

В наушниках было тихо, видимо, Кор выключил радио. Он, не оборачиваясь, шел все дальше и дальше. Когда фигура его скрылась за скалой, я отошел в сторону и поднялся на возвышенность, чтобы видеть его. Он все еще шел, единственный сгусток живой материи среди ее мертвого нагромождения. И вдруг Кор остановился и упал, упал и больше не двигался. Я было устремился к нему, но сразу же замедлил шаг. В моей помощи Кор никогда не нуждался, а теперь тем более.

* * *

Я болен. Произошло то, чего я ожидал и чего больше всего опасался. Первое недомогание я почувствовал вчера, когда вернулся на корабль после того, как последний раз видел Кора. У меня чуть заметно ломило суставы ног, но сразу я не обратил на это внимания. После долгой ходьбы и лазанья по горам неудивительно, что болят ноги. Я сел писать этот дневник, а потом отправился спать. Во сне меня мучали кошмары. Кто-то бил меня, Юрингу, нас вместе сбросили с вершины горы, на которой я побывал вчера, и мы долго, бесконечно долго летели в глубочайшую пропасть. На дне ее копошились ужасные монстры Арбинады...

Я проснулся совершенно разбитым. Ломило все тело, и суставы скрипели, словно ржавые шарниры забытой людьми машины. Боли не были сильными, и не они мешали, а ощущение трущихся костей в коленях, локтях, пальцах, позвонках пугало и сковывало движения. Я заставил себя подняться, без всякого желания проглотил завтрак, попробовал соединиться с Дасаром, но не нашел его. До меня все еще не доходило, что я заболел, заболел той болезнью, которая не щадит. Я пошел в лабораторию, как привык ходить туда ежедневно, зная, что там всегда найдется работа, даже если биолога нет на месте.

В лаборатории было пусто, приборы выключены, химическая посуда блестела чистотой. Даже микроскоп стоял покрытый футляром. Аккуратный Дасар во всем навел идеальный порядок. Почему он не работал? Где он? Я опустил на стул и почувствовал, как от этого движения шевельнулась каждая кость. Такого ощущения я уже не испытывал давно, с тех пор, как мы взлетели с Арбинады.

Несколько минут я просидел неподвижно, не зная чем заняться, бездумно переводя взгляд с одного предмета на другой, пока в поле зрения не попал фотоанализатор. Клавиатура его настройки была сбита с нулевых индексов, и каретка сдвинута в первое положение. Машинально я поднял руку, чтобы настроить прибор, рукав соскользнул до локтя, обнажив кожу, и я увидел пятно. Маленькое коричневое пятнышко темнело с внутренней стороны руки почти у самого ее сгиба. Я оцепенел.

Сейчас я уже успокоился, вернее смирился, исчез страх, который парализовал меня в первое мгновение, прошла паника самоспасения, заставившая метаться по кораблю в поисках Дасара и глотать без разбора сильнейшие на Церексе, но, увы, бесполезные здесь препараты. Ничего этого уже нет, осталась только тоска, и я один на один с нею.

Я пишу на этих листах, потому что уже привык писать. Рука, на которой под тканью одежды притаилось злое пятно, спокойно выводит ровные строчки. Мозг, уже сейчас безжалостно терзаемый миллионами полукристаллических клеток слепой, чужеродной жизни, еще мыслит. Я знаю, осталось недолго. Через два дня, так было с Торном, начнется бред, прерываемый лишь короткими прояснениями сознания. В моем распоряжении только два дня, когда я еще буду принадлежать самому себе. Потом я потеряю власть над собой. И не с кем посоветоваться, что делать дальше. Исписанные листы вмещают лишь мои собственные мысли, ни на что не давая ответа. Дасар ушел с корабля — его скафандра нет на месте. Куда? Неизвестно. Может быть, мне тоже покинуть корабль? Уйти, как это сделал Кор? «Все мы идем туда, — сказал он в последний раз, — и все непременно придем». Я знаю, Кор ушел с корабля не потому, что боялся мучительной агонии, он просто выполнил свой собственный приказ. Только зачем он принял яд? Достаточно было открыть в скафандре клапан... Где же Дасар? Я должен знать, возможно ли еще выздоровление, здоров ли он сам. Если надежды нет, то действительно все лучше кончить сразу...

И подумать только! Завтра вылетает корабль с Церекса!

...Час назад я связался с «Эльприсом». Со мной разговаривал Мэрс, там все здоровы. Хорошо, что там пока все благополучно. На мой вопрос, нужно ли им что-нибудь, Мэрс ответил, что они ни в чем не нуждаются. Я сообщил, что корабль с Церекса вылетает завтра. Не знаю, почему я скрыл смерть Кора и свое заболевание. Просто язык не поворачивался сказать правду.

Одиночество стало невыносимым. Я решил искать Дасара по следам, которые хорошо видны на поверхности Хриса. Правда, следов очень много, и старые здесь выглядят точно так же, как свежие, но лучше отвлечь себя каким-то занятием, чем метаться в пустых помещениях корабля. Я уже начал надевать скафандр, когда отворился люк и вошел биолог.

— Куда вы, Антор? — спросил он. — Вы мне нужны.

— Я собрался искать вас. Я болен, литам Дасар.

Биолог схватил меня за рукав и потащил за собой:

— Идем в лабораторию и сделаем анализы.

Я упирался:

— Анализы не нужны, литам. Смотрите!

Я обнажил руку до локтя и показал пятно:

— Видите?! Вот вам лучший анализ, его сделала сама природа. И отпустите меня, мне и без того больно.

Биолог повернул мою руку к свету и осторожно ощупал пятно.

— Других пятен нет?

— Не знаю, по-моему, нет.

— Когда почувствовали боли?

— Вчера, когда возвратился после встречи с Кором.

— Кор! Мазор Кор как всегда оказался слишком самостоятельным. Смотрите, вы не вздумайте поступать так же! Я, кажется, нашел, нашел средство!

Мне вспомнились трупы в анабиозных камерах.

— Вы не обманываете, Дасар? Я должен знать точно.

Биолог отпустил мою руку и, повернувшись к выходу в коридор, глухо произнес:

— Если я обманываю, то обманываю самого себя. Идите в свою кабину и ложитесь. Ничего не ешьте, постарайтесь уснуть. Я скоро приду к вам.

Что же, последую его совету и попробую уснуть, если это возможно.

* * *

Коридору, кажется, не будет конца. Он суживается и поворачивает, закручивается в спираль. Стены дышат жаром. Я иду по этому коридору, не зная куда, не зная зачем. Плечи касаются раскаленных стен, от одежды валит пар. Пар идет изо рта, из глаз, внутри все кипит, я чувствую, как извиваются внутренности в бурлящих потоках крови. Жар становится все сильнее, я оборачиваюсь и вижу поток огненной лавы, настигающей меня. Она движется все быстрее и быстрее, гораздо быстрее, чем могу идти я. Я бросаюсь вперед и, зажатый в теснине коридора, не могу двинуться дальше с места. Сзади раздаются хлюпающие звуки, и ноги погружаются в раскаленную грязь. Нечеловеческий, душераздирающий вопль вырывается из моей груди.

.....

...Дасар сидит рядом со мной. У него усталое лицо, на полу лежит брошенный биологический скафандр, видимо, он мешал Дасару. Рядом с койкой столик, пододвинутый сюда из дальнего угла кабины. На столике стоит колба, наполовину заполненная темно-красной жидкостью, от которой исходит резкий запах. Рядом с колбой громоздятся приборы. Я с удивлением рассматриваю их, словно вижу первый раз, и не сразу узнаю стоящий прямо передо мной диагностирующий сумматор. Биолог замечает, что я открыл глаза, и улыбается мне вымученной улыбкой:

— Как вы чувствуете себя, Антор?

— Ни-че-го, — выдавливаю я из себя и мало-помалу отделяюсь от кошмара надвигающейся лавы. Ноги продолжает жечь, словно они обуты в раскаленные ботинки. — Я бредил?

— Вы кричали, — отвечает Дасар и встает. — Лежите спокойно, я сейчас вернусь.

Он выходит, и я остаюсь один. За дверью слышны его шаги, постепенно замирающие в глубине корабля. Тишина. Время остановилось. Я лежу неподвижно, глаза устремлены в одну точку. Так, наверное, чувствуют себя умирающие. Но я еще жив, потому что снова услышал шаги. Теперь они приближались. В открытую дверь входит биолог. В руках у него посуда, он ставит ее на стол.

— Ешьте.

Голос его звучит повелительно, но я не могу шевельнуться, мне все безразлично.

— Ешьте, — настойчиво повторяет он. — Вы должны есть.

Какая-то сила, исходящая от Дасара, поднимает меня на койке, и я сажусь, чтобы приняться за еду. Руки обнажаются, и я с ужасом замечаю на них уже не одно, а несколько коричневых пятен. Глаза мои расширяются.

— Литам Дасар! Видите?

— Вижу, не волнуйтесь, Антор, так должно быть. Ешьте. Они уже пошли на убыль, вы выздоравливаете.

Голос его спокоен, и я верю ему, а может быть, мне просто все равно. Какая разница, сколько этих пятен, если они есть? Я съедаю все, что принес биолог, и ложусь снова. Дасар берет со столика коробку и достает оттуда ампулу:

— Вот, примите это, тогда вы быстрее уснете.

Я проглатываю ампулу и закрываю глаза. Веки отделяют меня от всего постороннего, и я снова погружаюсь в небытие.

.....

Такое синее море я видел только на Арбинаде. Синее, ласковое и ленивое. Выплескиваясь на песок, оно беззлобно журчит и рождает белую пену. Потом спокойно катится назад и снова гладит сушу. Волна сменяет волну, качаясь назад и вперед, как маятник мировых часов, отсчитывающих бесконечное время. И солнце светит. Знакомое весеннее солнце с родных небес Церекса. Как хорошо под теплым солнцем у беспредельного моря!

— Я никогда больше не полечу в космос! — говорю я Юринге.

— Никогда, ты слышишь, дорогая?

Она смеется. Вместе с нею смеется солнце и улыбается море каждой своей волной.

— Зачем нам космос, когда так хорошо здесь? Верно?

— Разве здесь хорошо? — раздается спокойный голос.

Я оборачиваюсь. На берегу стоит Мэрс. Он в ободранной одежде, и лицо у него изможденное.

— Посмотри внимательнее, Антор, разве это море? Это же ширма! Посмотри на улыбку твоей Юринги, она нарисована.

Он подходит к морю и рукой берется за волну. Волна шипит своим белым гребнем и не дается, но Мэрс резким движением дергает ее на себя, и море, как тонкая ткань, разрывается надвое. Под фальшивой пеленой воды зияет яма. Там полуголые люди, обливаясь потом, катят громадные камни и складывают их в пирамиду. Смерд и стоны несутся снизу.

— Ты должен лететь в космос, Антор, чтобы спасти их.

— Но чем я могу помочь им там, в космосе? Помощь нужна здесь. Пусти, Юринга, я спущусь туда. Пусти, слышишь!

Но Юринга цепко держит меня. Я вырываюсь и вдруг замечаю, что это вовсе не Юринга, а Парон, и он толкает меня в яму. Я отбиваюсь от него, но у Парона вырастает множество рук, и каждая тянется ко мне.

— Нужно лететь в космос! — кричит Мэрс. — Там на Арбинаде люди, они помогут нам! Скорее за мной!

Я вырываюсь от Парона и бегу вслед за Мэрсом к стоящей неподалеку ракете. Люк открыт, но около него дежурит Кор, с мрачной улыбкой загораживая проход.

— Безумцы, — говорит он, — что вы сделали с Эссой? Что вы хотите сделать с собой? Я не пущу вас!

Неожиданно появляется Конд, он хватается Кора своими ручищами и бросает в сторону. Тот катится по траве и разваливается на части, а из каждой частицы его тела рождается новый Парон, и все они стремглав бросаются на нас. Мы прячемся в ракете и, включив двигатели, мощными струями газов сметаем полчища паронов, ползущие к ракете со всех сторон. Земля вспыхивает пламенем, и горизонт заволакивает дымом. Ракета взлетает в небо.

.....

Это были мои последние бредовые видения, поэтому я записал их. Когда я очнулся, было темно. В голове еще звучали голоса Мэрса, Юринги и Кора. Несколько минут я ничего не мог сообразить, не мог. отделить действительность от галлюцинаций. Темнота в кабине казалась мне чернотой космоса, только почему-то не было звезд. Отсутствие звезд заставило размышлять, а размышления вернули мне чувство реальности.

Я пошевелил руками и ощупал себя, боли в суставах исчезли, тело слушалось и хотело жить. Пьянящее желание жить вселило в меня уверенность в том, что я действительно выздоравливаю. Сколько же прошло времени и где Дасар? Я встал с койки и включил свет. Столик стоял на своем обычном месте, и приборов на нем не было. Царила тишина. Я посмотрел на часы, они показывали двенадцать. Но сколько же дней прошло с тех пор, как я свалился в бреду? Посмотрел на руки, они были чистыми, все пятна пропали, значит, действительно я выздоравливал. И вдруг нестерпимо захотелось есть. Я обшарил всю кабину, но не нашел ничего съестного. Тогда я вышел в коридор и направился в продовольственный отсек.

В коридоре было пусто. Тускло горел свет и гулко раздавались шаги. Меня покачивало от слабости, и приходилось держаться за стенку. Мимо проплывали двери кабин, которые еще недавно занимали мои товарищи. Повинуясь какому-то безотчетному чувству, я открыл одну из них и застыл от неожиданности. В кабине сидел Мэрс. Он повернулся на шум и, увидев меня, порывисто вскочил с места:

— Антор! Зачем вы встали?!

Я все еще не мог прийти в себя:

— Вы... здесь? Вы же на «Эльприсе».

— Ну да, был на «Эльприсе», а теперь здесь, что в этом странного? Ложитесь немедленно.

— Я хочу есть.

— Хорошо, сейчас.

Мэрс подхватил меня на руки и, словно ребенка, положил на койку, заботливо укрыв одеялом.

— Дасар ожидал, что вы очнетесь только завтра, он сам чувствует себя неважно, и поэтому я здесь. Он попросил меня прийти, потому что болезнь не миновала и его. Что вы будете есть?

— Мне все равно. Все, что дадите.

— Мы наготовили много, но думали, вы очнетесь завтра. Вот, пожалуйста, хотите свежее пото?

— С удовольствием.

Я с громадным наслаждением ел пото. Мне казалось, что никогда в своей жизни я ничего не пробовал более вкусного, хотя отлично знаю, что это не так. Просто организм, одолевший болезнь, жадно впитывал самые простые дары жизни. Мэрс сидел напротив меня и с улыбкой наблюдал, как я насыщался.

— Мэрс, вы около меня дежурили?

— Дежурил, часов тридцать в общей сложности, биолог сам был достаточно слаб.

— А как он сейчас?

— Сейчас все нормально, у него болезнь не зашла так далеко, как у вас, поэтому он раньше справился с ней. Но хватит разговоров, вам это сейчас отнюдь не на пользу.

Мэрс встал и выключил общее освещение кабины, оставив только малый свет у себя над столом. Я лежал неподвижно, упиваясь ощущением здорового тела. Легко было Мэрсу давать разумные советы: «Не разговаривай, не шевелись!» Восставшему из мертвых, как никогда, хотелось общаться с людьми, говорить, двигаться. Я молчал не более десяти минут, краем глаза наблюдая, как Мэрс что-то пишет за столом, и в конце концов не выдержал.

— Мэрс, — снова позвал я, — вы говорите, что дежурили возле меня довольно много. Ведь я бредил, наверное, все это время, что я говорил в бреду? Что-нибудь ужасное?

Мэрс оторвался от своего дела и повернулся ко мне. Лампа причудливо освещала на его лице одни выпуклости. Он строго посмотрел на меня темными впадинами глаз и выразительно постучал по столу:

— Молчите же, Антор, вам нужен покой.

— Покой, — словно эхо повторил я. — А что если мне совсем не хочется покоя? Вы можете понять это ощущение, Мэрс? Знаете, какие у меня были последние галлюцинации? Нет?

— Не знаю, конечно, откуда мне знать.

— Я видел вас, Кора, вы призывали к борьбе, а Кор... Дело совсем не в Коре. Помните наш разговор по дороге к «Эльпрису»?

— Да? — Мэрс подошел ближе ко мне. — Помню, разумеется.

— Я много думал о нем.

Мэрс разгладил морщины на лице руками. Был он уже немолод, это чувствовалось по его походке, неторопливой и тяжелой. Мэрс пододвинул стул и сел рядом со мной, нелепо растопырив колени и опершись о них руками так, что локти вывернулись вперед и нацелились в стену своими остриями. Заметив мой недоуменный взгляд, он изменил позу.

— Простите, Антор, привычка. Так что же вы думали?

— Разное. Кроме того, о нашем разговоре мне напомнил Кор.

— Кор! Как же он узнал? Вы рассказали?

— В общем, конечно, я.

По лицу Мэрса пробежала тень. Он отвернулся и глухо проговорил:

— М-да, а вы мне показались порядочным человеком.

Мэрс поднялся со стула и направился к двери, явно не желая больше со мной разговаривать.

— Стойте, Мэрс! Вы меня не так поняли! Это вышло случайно. Кор прочитал мой дневник.

— Какой дневник?

— Дневник или нет, я не знаю, как это назвать, одним словом, записи, которые я веду здесь.

— Вы ведете записи? Давно?

— С момента гибели Зирна. На меня в свое время его смерть произвела столь гнетущее впечатление, что я вынужден был искать какой-то способ рассеяться. И лучшего ничего не придумал.

Последовала непродолжительная пауза. Тишину нарушил Мэрс:

— И что же сказал Кор?

— Кор предостерегал меня от встреч с вами.

— И только?

— Нет. Он считал вашу деятельность безумным и опасным для людей делом, поскольку устои современного общества, на его взгляд, несокрушимы. Что вы скажете по этому поводу, Мэрс?

Он неожиданно улыбнулся и плотнее завернул меня в одеяло.

— Успокойтесь, Антор. Это слишком серьезный разговор, чтобы вести его сейчас, когда вы только-только начинаете жить снова.

Я привстал на локте.

— Да, я начинаю жить снова. И разве вам хочется, чтобы я ее начинал с пустяков?

— Хорошо, — сказал Мэрс, снова укладывая меня в постель, — давайте побеседуем, в конце концов я не думаю, чтобы наш разговор повредил вам. Но предварительно мне хотелось бы дать вам один совет.

Я удивленно посмотрел на Мэрса:

— Да? Какой же?

— Мне кажется, для вас будет лучше, если вы прекратите вести ваши записи. Я не знаю, что вы там писали, но я знаю современную жизнь. Вы зрелый человек, Антор, а зрелые люди в дневниках не много места уделяют ничего не значащим пустякам. Так или иначе они записывают свои мысли, и вот это опасно. Бумага может попасть в чужие руки, и тогда... Уничтожьте дневник! Слышите?

Я медленно закрыл глаза и расположился удобнее:

— Говорите, Мэрс, я слушаю вас.

* * *

Пожалуй, Мэрс прав. Лучше эти записи уничтожить. Но я настолько сжился с ними, что просто не поднимается рука. Я лишь стал осторожнее, надежнее их прячу, хотя, по правде говоря, здесь их прятать не от кого. Нас на корабле только трое: я, Мэрс и биолог. Двое Других все еще лежат в анабиозных камерах, и мы решили не беспокоить их до прибытия корабля с Церекса. Мэрс об этих листах знает, а биолог никогда не отличался любопытством такого сорта, которое оказалось свойственно Кору. Решил пока писать, до получения сигналов с другого корабля. В конце концов, уничтожить никогда не поздно.

Последнее время чувствую себя совсем хорошо. Препараты Дасара сломили болезнь, а заботливый уход Мэрса вернул мне силы. Больше всего угнетает полное отсутствие занятий. Делать решительно нечего. Все заботы замыкаются в кругу тех бытовых мелочей, которые всегда сопутствуют человеку.

Первые дни после того, как встал на ноги, я бесцельно бродил по кораблю из конца в конец и начал было читать найденную в лаборатории Дасара книгу. Имени автора на титульном листе не значилось, а содержание и язык ее мне показались на редкость примитивными. Биолог, увидев ее у меня в руках, рассмеялся.

— Э-э, дорогой Антор, — сказал он, — вы бы лучше уж читали таблицу случайных чисел.

— Не понимаю, — ответил я.

— Еще бы! Это так называемое художественное произведение на деле представляет собой отчет об экспериментальной работе. Опус, который вы держите в руках, есть не что иное как продукт творчества электронной машины. Да, да, Антор. Один из моих друзей ставил в свое время опыт и подарил мне на память ее лучшее произведение. Ну, и как вам оно?

Я в нескольких энергичных выражениях высказал свое мнение.

— Согласен, — кивнул головой биолог и скрылся у себя в кабине.

Дасар вообще был не очень склонен вести со мной беседы, вечно он был занят какой-то писаниной, или сидел над микроскопом, изучая образцы, привезенные с Арбинады. Душу, в основном, я отводил с Мэрсом, и в его лице неожиданно обнаружил бесценную сокровищницу знаний. Расставаясь с ним, я каждый раз уходил буквально пораженный необычайной широтой его эрудиции. Мне еще не приходилось встречать человека так прекрасно осведомленного в самых разнообразных вопросах. Однажды я невольно поймал себя на мысли, что тщетно изыскиваю тему, в которой он оказался бы менее сведущ, чем я, но попытки эти были безрезультатны. Мэрс всегда так подробно отвечал на мои вопросы, будто специально готовился к ним на протяжении нескольких дней. Его невозможно было застать врасплох. А ведь он уже восемь долгих лет живет на Хрисе, где ему неоткуда черпать новые знания. Впрочем, в данном случае я неправ, я упустил из виду его товарищей, все они, насколько мне известно, люди высокообразованные, способные дать очень много друг другу.

Мне нравится манера, в которой Мэрс. ведет беседу. У него, как говорится, хорошо поставленный голос, и если он и любит им, то это лишь чуть-чуть заметно. Руки его почти всегда чем-то заняты, и говорит он непринужденно, без всякого нажима, словно между прочим, с одинаковой легкостью о вещах простых и необычайно сложных. Перед такими людьми, как он, можно преклоняться!

Мы редко собираемся вместе. В основном это случается в салоне за едой. Я не знаю, почему и как мы выбрали это помещение. Оно неудобно, слишком велико для нас троих, нам хватило бы любой кабины, но уж так повелось. Здесь, правда, простор и голоса звучат звонко, главным образом голоса Мэрса и Дасара, которые любят в эти минуты поспорить.

Покончив с едой, мы разбредаемся до кабинам и занимаемся каждый своими делами. У меня дел мало, я часами лежу на койке, уносясь мыслями на Церекс, к Юринге, в прошлое.

Моноotonно текут дни, мне почти не о чем писать здесь, а корабль с Церекса опустится на Хрис еще не скоро.

* * *

Вчера после обеда в салоне произошел интересный разговор, который неожиданно положил конец моему бездеятельному существованию.

На этот раз мы поели почему-то очень быстро, может быть, разыгравшемуся аппетиту способствовал эльмьен, впервые поданный мною на стол. Биолог, откинувшись на спинку стула, сказал, благодушно отдуваясь:

— Поздравляю вас, Антор, — вы скоро будете отличным кулинаром.

Я равнодушно махнул рукой:

— Невелика заслуга, это древнее блюдо просто трудно приготовить плохо.

— Раньше его делали иначе, — заметил Мэрс, — например, во времена Лермисторского владычества, когда оно собственно впервые и появилось, к нему прибавлялось немного решеи, мне довелось его попробовать именно в таком виде. Вкус прямо необыкновенный.

— Да, древние были большие специалисты на гастрономические выдумки, — согласился биолог.

— Не только гастрономические, мне кажется, человек вообще стал менее изобретателен с течением столетий, — ответил Мэрс, словно напрашиваясь на очередной спор, без которого прошла наша трапеза. — Мы сделались более методичны, а это уже совсем другое, нас разбаловали наши возможности.

Однако биолог был настроен на этот раз миролюбиво. Его поглощали собственные мысли. Он лишь привычным жестом поправил воротник, который имел у него врожденную способность съезжать в сторону, и подтвердил:

— Вы, пожалуй, правы, Мэрс, я всегда вспоминаю с удивлением те сооружения, которые они воздвигали, располагая при этом столь примитивной техникой, что их методы постройки для нас остаются загадочными.

Не обратив внимания на мой недоуменный возглас, Дасар повернулся к Мэрсу и спросил:

— Скажите, мазор, когда вы собираетесь покинуть нас? Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу ускорить ваш уход, как раз наоборот!

— Нет, отчего же. Именно сегодня я хотел сообщить вам, что завтра собираюсь обратно на «Эльприс».

— Эе-е, — протянул биолог. — А что, собственно, торопит вас? Кора нет, а я вовсе не склонен выполнять тот ненужный приказ. Оставайтесь, до прибытия корабля еще много времени.

— Своим присутствием здесь я могу навлечь на вас неприятности, — возразил Мэрс.

— Ерунда, — вставил я. — Кто об этом узнает? Мы никому не скажем.

Мэрс отрицательно повел плечами:

— Нет, там мои товарищи, и я должен быть с ними.

Биолог усердно начал тереть пальцами крышку стола.

— Мне в голову пришла одна мысль, — сказал он, — и я, признаться, рассчитывал на ваши познания.

Мэрс удивленно взглянул на него и снова сел за стол:

— Интересно, что вы имеете в виду?

Биолог вдруг поднялся с живостью, которой я уже давно в нем не наблюдал, и, подойдя к иллюминатору, настежь распахнул чехол.

— Вот смотрите, — сказал он. — Видите?

От стола, где мы сидели, в иллюминатор были видны только звезды, бесчисленные огоньки звезд. Мы с Мэрсом недоуменно переглянулись. Картина звездного неба не могла быть новой там, где никогда не бывает облаков.

— Идите сюда, — продолжал биолог, — оттуда, вероятно, не видно.

Мы подошли к нему и заглянули в иллюминатор. В бездонной глубине неба неподвижно висел серп Арбинады, льющий на Хрис голубой безжизненный свет.

— Мне все же непонятно, литам Дасар, — сказал, наконец, Мэрс. — Я вижу звезды и чужую планету. За восемь лет, проведенных здесь, это зрелище меня уже утомило. Что вы хотите сказать?

Биолог повернулся к нам, я заметил, что губы у него слегка вздрагивают. Он провел рукой около горла, словно ему не хватало воздуха, и проговорил:

— Вы правы, Мэрс, чужая планета и звезды. Казалось бы, что здесь особенного. Но чужая планета — это целый мир, необычайный и неповторимый, разве вы не думали об этом, Мэрс?

— Думал, конечно, за восемь лет я о многом передумал, и об этом тоже.

— И вы не хотели бы дать знать о себе этому миру?

— Дать знать о себе? Каким образом? И разве вы уже не дали о себе знать, спустившись на него? Потеряв там своих товарищей? Этот мир равнодушен к нам. Зачем мы ему?

— Сейчас да. Сейчас он равнодушен даже к самому себе. Но пройдет время, и на нем возникнет новое человечество. Тогда пытливый ум людей будет искать в просторах вселенной себе подобных, и неужели вам, Мэрс, и вам, Антор, не хотелось бы напомнить им о нашем существовании, сказать им, что мы думали о них? Мы ждали их, верили в них!

Я хотел ответить, но в горле словно застрял какой-то комок, и Мэрс опередил меня:

— Так вы думаете, литам Дасар, что там будут люди?

— Будут. Я биолог и верю в возможности жизни. Раз начавшись, она будет развиваться долго и, в конце концов, создаст мыслящее существо. На Арбинаде к этому есть все предпосылки. Сейчас во мне говорит ученый, а не мечтатель. Я был там и верю в это.

Мэрс усмехнулся:

— Когда же, вы думаете, там появится человек?

— Это трудно сказать. Может быть, через несколько миллионов лет, а может быть, для этого потребуются десятки и даже сотни миллионов лет. Все зависит от того, как быстро там будут меняться жизненные условия. Церекс опередил Арбинаду в этом отношении только потому, что, находясь дальше от Солнца и будучи меньше размерами, он чаще менял свои геологические и климатические условия. Эволюции там было просто некогда нежиться и тратить силы на создание боковых ветвей. Эти ветви беспрерывно растущего дерева жизни безжалостно обрубались суровой действительностью, и дерево тянулось вверх, только вверх, гонимое извечными законами жизни и смерти. Вот почему, мне кажется, церексианское человечество возникло раньше арбинадского. По этой же причине на Церексе значительно меньшее разнообразие форм жизни. Посетив Арбинаду, я был просто поражен необычайной фантазией природы, когда ей дают развернуться!

Биолог говорил возбужденно, от его обычной медлительности и уравновешенности не осталось и следа. Я снова видел его таким, каким он был там, на Арбинаде.

— Миллионы лет, — задумчиво пробормотал Мэрс и, возвысив голос, сказал: — Не понимаю вас, литам Дасар!

— Чего вы не понимаете?

— Не понимаю, как вы думаете обратиться к тем, кто придет через миллионы лет! Это же непостижимая бездна времени. Но, предположим, мы найдем какой-то способ это сделать, тогда почему вы думаете, что сделать это должны мы, а не те, кто сменит нас на Церексе или здесь, те, кто будет больше знать, больше уметь, чья рука, протянутая через миллионы лет другому человечеству, окажется более сильной и более дружественной. Подумайте, Дасар! Мы же варвары, мы еще убиваем друг друга и вместе с тем тянем руки к другому человечеству! Можно ли протягивать грязные руки, Дасар?

Мэрс произнес это так убежденно, что я невольно посмотрел на свои руки. Перехватив мой взгляд, биолог улыбнулся, но тут же неожиданно вспылал.

— Хватит, Мэрс! — крикнул он. — Не хотите ли вы сказать, что у меня грязные руки? всю свою жизнь я работал для людей, добывая им крупницы знаний. А вы? За что страдаете вы? Думаете, я не знаю, почему вы здесь? — Биолог разошелся не на шутку, ожесточенно наступая на Мэрса. — На руках человечества не грязь, а мозоли, вся наша история — это труд, борьба, не мне вам это объяснять, Мэрс!

— Стойте! — воскликнул я. — Успокойтесь, обсудим спокойно.

— Хорошо, обсудим, — сказал Мэрс и, приняв любимую позу, выставил свои острые локти. — Все наши споры — чистая риторика, мы все равно не можем обратиться к этим грядущим людям.

— Подумаем, — ответил биолог, умеряя свой пыл и усаживаясь напротив Мэрса, — отодвинем пока моральные соображения на второй план и рассмотрим лишь техническую сторону. Мне кажется, здесь нет ничего невозможного. Об этом я уже не раз думал. Антор, садитесь тоже, мне неудобно смотреть на вас, задирая вверх голову.

Я отодвинул стул и уселся за стол. Биолог между тем, выпив воды, продолжал:

— Миллионы лет — срок, конечно, страшный, но, . — он сделал паузу, — мы же собираемся направить послание в будущее, а не в прошлое, так что здесь нет принципиальных затруднений!

— От этого нам не легче, — заметил я.

— Нет, легче! И неизмеримо легче! Спор сразу перестает быть риторическим, как тут выразился Мэрс, и появляется почва для обсуждения. Это главное. Вы согласны со мной?

— Ну, в этом смысле... — неопределенно ответил Мэрс, — можно считать — согласен. Однако подумайте, миллионы лет!

— Думал! — отрезал биолог. — Представьте себе, думал! Я позволю задать вам несколько вопросов, не возражаете?

Мэрс равнодушно качнулся на стуле, показывая, что против вопросов он не возражает, хотя и считает их бессмысленными. Я устроился поудобнее, приготовившись к очередному поединку моих товарищей.

— Итак, — Дасар встал со своего места и навис над Мэрсом, — прежде чем рассуждать о том, много или мало несколько миллионов лет, спросим себя, что такое время и как мы его измеряем.

В глазах Мэрса появился какой-то огонек, словно загорелась индикаторная лампочка, свидетельствующая о пробуждении интереса.

— Я слушаю вас, продолжайте, если не ошибаюсь, вы из стоячего болота риторики хотите перебраться в бурное русло философии. Только осторожнее, здесь есть подводные камни.

— Благодарю за предупреждение, — биолог, следуя традиционным правилам вежливости, прикоснулся левой рукой к правому плечу, — но я буду плавать на поверхности явлений, и подводные камни мне не страшны. Спрашиваю снова, что же такое время и как мы его измеряем?

— Время — это... — начал было Мэрс, но Дасар перебил его:

— Э-ээ... не надо! Знаю, что вы скажете. Позвольте мне самому и ответить. Время, на мой взгляд, это количественное выражение происшедших изменений, а не какой-то там вид пространства или еще что-то — словом, время не есть самостоятельная физическая категория, в чем вы хотели меня убедить. Если имеются изменения, тогда, и только тогда, можно говорить о времени, как выражении этих изменений. Например, я старше вас, Антор, не потому, что родился, когда вас еще не было, а потому, что в моем организме изменений накопилось больше, чем в вашем! Вы поняли мою мысль?

Биолог в упор смотрел на меня, но, не получив ответа, снова повернулся к Мэрсу:

— Так что вы скажете?

Тот неожиданно рассмеялся:

— Вы, литам Дасар, вопреки обещаниям, поплыли отнюдь не по поверхности, а опустились на некоторую глубину, и подводные камни, о которых я говорил, подстерегают вас. Но сейчас, принимая пока ваши рассуждения, хочу спросить, какой же практический вывод из всего этого, применительно к проблеме, которую мы начали обсуждать?

— Самый непосредственный.

— Может быть, вы скажете более определенно?

— Охотно.

— Так мы слушаем вас, — сказал Мэрс.

Биолог обошел вокруг стола и уселся напротив нас.

— Здесь, на Хрисе, — вы это, Мэрс, отлично знаете, так как занимались соответствующими исследованиями, не происходит почти никаких изменений. Этот мир словно застыл, и время для него остановилось. На Арбинаде возникнут и исчезнут горы,

материки, моря. По длиннейшей лестнице эволюции живые существа будут неумоимо карабкаться вверх до уровня человека, а здесь все останется почти таким же, как мы это видим сейчас. И для нашего послания, адресованного тем, кто придет сюда после нас, не страшны миллионы лет, которые вас так пугают. Надеюсь, я высказался ясно?

Мэрс утвердительно качнулся вперед:

— Вполне. С этого можно было начать сразу, не вдаваясь в рассуждения о сущности времени.

— Может быть, но вы страшились миллионов столетий, мне хотелось показать вам, что сами по себе годы ничего не значат, кроме пустой арифметики. С таким же успехом, как о миллионах лет, вы могли говорить о миллионах звезд, окружающих нас, и по этой причине считать мое предложение бессмысленным, риторическим, позволю себе напомнить ваше определение.

— Значит, вы предлагаете, — сказал я, — оставить где-нибудь на Хрисе нечто вроде посылки будущим арбинадцам в надежде на то, что со временем они придут сюда и найдут это послание?

— Совершенно точно. Арбинада — это их дом, а Хрис — порог этого дома, балкон, так сказать, на который они рано или поздно выйдут подышать свежим воздухом космоса. Нужно лишь положить наше послание в такое место, которое привлечет внимание будущих хозяев, и в этом вопросе я полагаюсь на Мэрса и его товарищей — они лучше знают Хрис, чем мы с вами, Антор. Вы все еще против, Мэрс?

— Нет, почему же? — ответил он. — Но такой взгляд в будущее, эта вера в грядущих людей и наш примитивный способ общения с ними отдают каким-то пессимизмом. Вам это не кажется, Дасар?

— В чем именно вы усмотрели пессимизм?

— Да во всей этой идее.

— Не понимаю, — заметил я, — мне казалось очень заманчивым послать наш привет будущему человечеству.

— Видите ли, — медленно проговорил Мэрс, — на мой взгляд, питать такую горячую веру в грядущее человечества соседней планеты — это значит потерять веру в собственное человечество. Вдумайтесь сами, вот нас здесь трое случайных представителей церексианцев, и мы от лица миллионов других людей, не спрашивая их мнения, хотим обратиться к другим мыслящим существам. Почему мы должны действовать в одиночку? Разве нельзя это сделать более организованно, в больших масштабах, с большими шансами на успех? Или вы, Дасар, вы, Антор, не верите в своих соотечественников? Почему вы берете на себя эту миссию?

— Я ждал этого вопроса, Мэрс, — сказал Дасар, расстегивая свою куртку, словно ему было жарко, — и отвечу вам. Позвольте мне сражаться вашим же оружием. Да, я не верю, что наше человечество в данный момент пойдет на это. Не люди Церекса, а те, кто стоит над ними. Ведь они не хотят даже подумать о судьбе своего народа, какое им дело до грядущего Арбинады! И вы это отлично знаете, Мэрс!

— Знаю, потому и говорю. Но до появления арбинадцев пройдут еще миллионы лет. Может быть, мы спешим, Дасар? А? Ведь еще есть время, на Церексе не всегда будут господствовать те, кому все безразлично, кроме собственной шкуры. И потом, — голос Мэрса зазвенел, — позвольте спросить, Дасар, какую же судьбу вы предрекаете нам, церексианцам, в будущем? Куда мы денемся? Что станет с нашим человечеством? Почему вы не допускаете, что мы через миллионы лет не войдем в непосредственный контакт с арбинадцами? Да и появятся ли они? Ведь впереди у нас миллионы лет, я все же повторяю, миллионы! За это время, под нашим воздействием, весь ход эволюции на Арбинаде может измениться и пойдет не естественным путем, а как-то иначе, и человек там никогда не появится. Может быть, мы заселим Арбинаду и сделаем ее своей второй родиной?! Что ограничивает наши возможности?

— Ну нет! — воскликнул я. — Жить на Арбинаде, брр, одна тяжесть чего стоит! Скорее мы заселим Хрис!

— Мы его и так уже заселили, — печально улыбнулся Мэрс. — Так что же вы молчите, Дасар?

Биолог откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на нас. Машинально застегнув свою куртку наглухо, так что ворот сдавил ему шею, он произнес с расстановкой:

— Э-э, вы считаете меня пессимистом, я значит не верю в человечество. — Дасар резко встал. — Чу-дес-но! Вы, Мэрс, будете жить вечно?

— Что за ерунда, литам...

— Нет, постойте! Вы с надеждой глядите вперед, имея в виду не самого себя, а грядущие поколения, — и вы оптимист, а я пессимист, — потому что верю в грядущее нового человечества! Где логика? В мире нет ничего вечного, Мэрс, одно сменяет другое — это закон природы! Человечество возникло, и оно исчезнет, рано или поздно, с тем чтобы возникнуть снова в другом месте и в другое время. Мы еще не постигли этих законов и не знаем, почему и когда это случится, но так будет. Правда, человеческое общество — это особая категория. Во многом мы держит собственную судьбу в своих руках. В этом наша сила и наша слабость. Да, Мэрс! И слабость тоже! Наш разум, наши эмоции в какой-то момент могут не удержать нас, и тогда, возможно, свершится непоправимое. Так, к сожалению, было на Церексе!

— Что было на Церексе? Война?!

— Да, война! Когда одна часть обезумевших и алчных людей бросилась на другую не менее безумную и алчную, втянув в круговорот событий все человечество. Разум оказался слабее рук, сжимавших оружие, силу и значение которого люди еще не понимали. Вы забыли об этом, Мэрс?

— Нет не забыл. Но это было двадцать десятилетий назад, и человечество существует. Оно об этом никогда не забудет, и вряд ли это повторится.

Дасар шумно вздохнул:

— К сожалению, достаточно того, что уже было. Я биолог, Мэрс, и человечество для меня в некотором смысле те три десятка миллиграмм наследственного вещества,

которые заключают всю предшествующую эволюцию и последующие поколения. Подумайте, тридцать миллиграмм — и это все люди, все их будущее, все их надежды! В минувшей войне были уничтожены почти все памятники древнейшей человеческой культуры — это преступно; погибли миллионы людей — это ужасно; но тогда же был нанесен значительный ущерб ничтожным миллиграммам человеческой субстанции — и это чудовищно! Прошло двадцать десятилетий, планета отстроилась, родились новые люди, но человечество несет в себе проклятие прошлой войны! Мы больны, Мэрс, все как один, и самое страшное — то, что этот факт тщательно скрывают. Вы не знаете многого из того, что, в силу своей профессии, знаю я. Нужно принимать самые решительные меры уже сейчас, чтобы спасти человечество, но при нынешних взаимоотношениях между людьми сделать это невозможно. Нам нужно бороться за свою судьбу самым настойчивым образом, и я не знаю, хватит ли у нас времени и сил выйти победителями из этой борьбы. Не забывайте, природа, создавая человека, ставила эксперименты в невиданных масштабах, она трудилась миллионы лет, правда действуя вслепую. Мы работаем сознательно, но у нас нет тех миллионов лет, на которые вы уповаете!

Биолог подошел к столу и дрожащими от волнения руками налил себе воды и начал пить. В наступившей тишине мы слышали, как булькало у него в горле. Потом он сел и устало посмотрел на нас:

— Так что скажете вы, Мэрс, и вы, Антор?

Мы молчали, подавленные тем, что услышали от Дасара. Наконец Мэрс спросил:

— И это действительно столь серьезно, как вы говорите?

— Увы, это так, — кивнул утвердительно биолог. — Два столетия процесс шел скрыто, исподволь, незаметно, и даже многие ученые успокоились, решив, что самое страшное позади. Но последние тридцать лет вдруг все всплыло наружу. Кривая статистики неумолимо поползла вверх, и мы забеспокоились. Мы обратились в правительство, нам предложили молчать. Молчать было невозможно. Мы писали, но нас не печатали. Мы протестовали, и тогда с нами начали расправляться. Многие заколебались и прекратили борьбу, но не все, Мэрс, не все! Я не пессимист, как вы меня здесь охарактеризовали, я все же верю и в свое человечество!

Биолог перевел дух и кивнул головой в сторону иллюминатора:

— Сейчас мы начали говорить о них. Так убедил я вас, Мэрс? В конце концов, что мы теряем? Если когда-нибудь это будет сделано более организованно — тем лучше. Но это будет не так скоро, может быть, в другую эпоху. А им не менее, интересна будет и наша эпоха, эпоха борьбы и тревог, эпоха сомнений и несправедливости. Пусть, она послужит им предостережением! Вы слышите, Мэрс? Пусть они знают, что мы думали не только о себе. Так вы согласны?

Мэрс поднялся во весь свой большой рост.

— Согласен, — просто сказал он.

— А вы, Антор, поддержите нас?

— Я сделаю все, чтобы помочь вам.

Мы подошли к иллюминатору. Из черной бездны на нас смотрел голубой серп Арбинады, далекой родины нового человечества.

* * *

Сразу появилась масса дел. Я уже давно не писал здесь — было просто некогда, и если сегодня перелистал снова эти страницы, то лишь потому, что о моих записях недавно возник разговор... но об этом позднее.

Последнее время мы работали не покладая рук и почти подготовили наше послание арбинадцам. Остались мелочи, и через два—три дня оно будет отправлено в далекое будущее, то есть, попросту говоря, положено в специальную камеру, подготовленную в грунте Хриса. Это довольно далеко отсюда, километрах в семидесяти, не меньше. Место указал Рииль — геолог хрисской станции. По его данным, там имеются богатейшие залежи вольфрама, и они рано или поздно привлекут внимание будущих хозяев. Камера маленькая, только-только чтобы поместился наш сейф, но вырезана она в твердейшем монолите каменной плиты и заглублена почти на пять метров от поверхности Хриса.

Я представляю себе, как будут течь века, как в бесконечном беге вокруг Солнца будут мчаться планеты, как медленно начнет меняться рисунок звезд, а наш сейф, укрытый в толще породы, будет лежать и ждать, терпеливо ждать прихода людей из другого мира. Когда это произойдет? Какими будут эти люди? Никто из нас этого не знает. Но мы часто говорим о них, то спокойно и рассудительно, то исступленно споря или благодушно подшучивая друг над другом. Мне думается, они будут такие же, как мы, только повыше ростом, только сильнее, только... я не знаю, чем еще — они будут отличаться от нас, но верю, они будут добрее и счастливее. Почему так? Моя ли это наивная мечта или, может быть, скрытая в глубине каждого из нас подсознательная надежда на будущее, которое всегда прекраснее прошлого, а мы — это прошлое человечества. Увы, о грядущем приятно размышлять, но думать о нем грустно, потому что для нас оно существует только в воображении.

В помещениях корабля теперь шумно. Давно уже не было так шумно. Население хрисской станции снова пришло сюда, и каждый вкладывает в послание арбинадцам все свое умение, все свои знания и всю свою любовь к людям. Приходится очень много работать. Я совсем не ожидал, что это выльется в такой труд, мне все казалось проще. Сколько мы спорили о том, что именно отправить в будущее. И сразу же возник вопрос — как все подготовить, чтобы наше послание оказалось по возможности более понятным. Мы отобрали массу фотографий. На них есть все: и эпизоды нашей экспедиции на Арбинаду, и портреты людей (в том числе мой, биолог почему-то решил, что у меня очень характерный тип лица), и картины из жизни на Церексе, наши лаборатории, космические спутники, заводы. Мы поместили фотокопии лучших произведений искусства, которые, по счастью, оказались у Рииля, и даже не забыли изображений животных Церекса и Арбинады, на чем упорно настаивал Дасар. Фотографии пришлось переработать в механические оттиски, поскольку кем-то было высказано опасение, что в обычном виде они не выдержат испытания временем. Изобретательный Лех нашел способ сделать эти оттиски цветными, и сейчас они не уступают по выразительности оригиналам.

Много трудностей пришлось преодолеть, чтобы донести до арбинадцев нашу речь, нашу музыку. Обычные способы звукозаписи здесь вряд ли годятся. Никто не верит, что магнитные и электростатические поля удержатся в материалах на протяжении миллионов лет, и мы были уже готовы отказаться от мысли передать арбинадцам наши голоса, как Мэрс вспомнил, что когда-то звук записывали тоже механически, на специальные

пластинки, и мы изготовили эти пластинки! Запись получилась вполне сносная, во всяком случае, за неимением лучшего, мы были вполне ею удовлетворены.

Послание теперь почти собрано. В нем недостает только одного — описания нашей собственной жизни. К сожалению, у нас не оказалось ни одной книги, рисующей действительность нашего времени. Книги, бывшие на хрисской станции, погибли в потоках лавы, а на корабле оказались только всевозможные справочники.

И вот два дня назад при очередном обсуждении этой проблемы, посмотрев в мою сторону, Мэрс сказал:

— Мне кажется, у нас есть один выход.

— Какой же? — удивился Дасар. — Не предлагаете ли вы описать все самим?

— Вы почти угадали, — Мэрс усмехнулся, — только писать не нужно, уже написано.

— Кем написано?

— А вот им, — он указал на меня.

На лбу Дасара от удивления собралась складками кожа. Лех и Рииль, стоящие тут же, вопросительно посмотрели на меня.

— Вы не уничтожили свои записи? — спросил Мэрс. — Помните, я вам советовал.

— Не-ет еще, — протянул я, чувствуя, как кровь приливает к моему лицу.

— Какие записи? — спросил Рииль.

— Антор, к счастью, догадался вести дневник, куда, я думаю, попали не только мысли, но и описания того, с чем он сталкивался в своей жизни. Я прав, Ан? Ну смелее, если хотите, мы их читать не будем, но пусть прочтут арбинадцы. Так что вы скажете?

Я растерянно смотрел на обступивших меня товарищей:

— Да что вы, Мэрс! Литам Дасар, Рииль... Там же ничего интересного... Просто моя жизнь с момента подготовки этой экспедиции... Разве их может заинтересовать такое?

— А почему нет? Откуда вы знаете, что может их заинтересовать? Мне кажется, им будет интересно все, Надеюсь, вы писали правду, без прикрас?

— Правду.

— Для них она важнее всего. Решайте, Антор.

И вот я решаю. Решаю второй день и не могу решиться. Трудно давать на суд чужим людям то, что предназначалось только для себя. Правда, Мэрс сказал, что я могу добавить некоторые разъяснения, но биолог махнул рукой.

— Зачем? — воскликнул он. — Это мы отсылаем людям. Понимаете, людям! А они все поймут сами.

